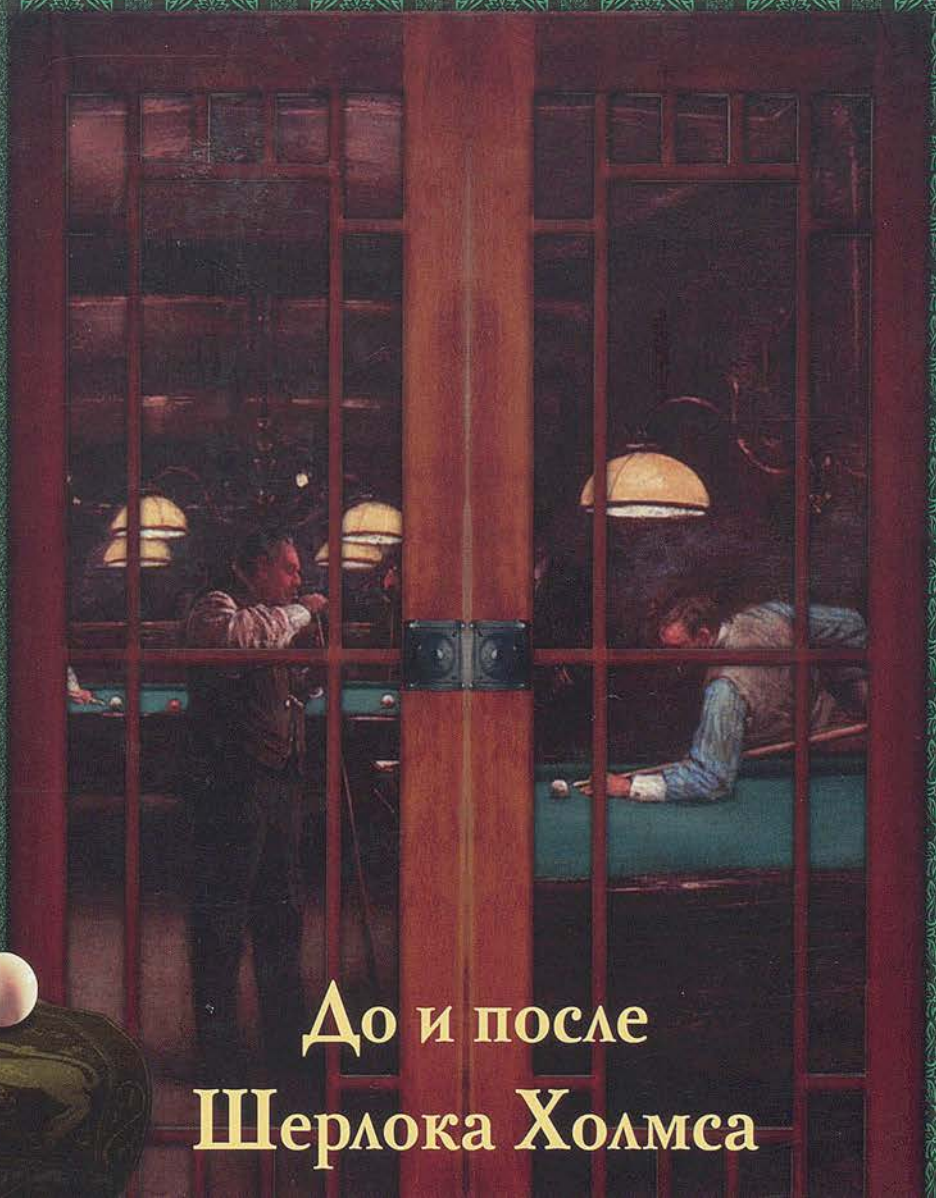
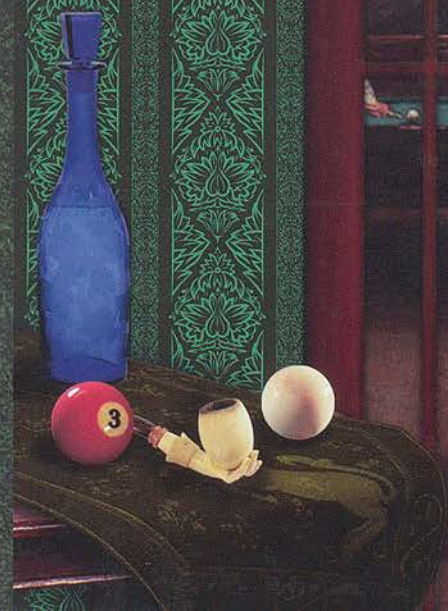

А. КОНАН ДОЙЛ

ТАЙНА
БИЛЬЯРДНОГО
ШАРА

До и после
Шерлока Холмса

А. Конан Дойл
До и после Шерлока Холмса

ТАЙНА БИЛЬЯРДНОГО ШАРА

Впервые опубликованные на русском языке
и малоизвестные рассказы А. Конан Дойла

БЕЛЫЙ ГОРОД

УДК 821.111

ББК 84.4

К64

Составитель Константин Майевич Калмык

Переводчик Мария Юрьевна Павлова

Окончила переводческий факультет МГПИИЯ им. Мориса Тореза в 1980 г. Член Союза писателей России, Московской писательской организации с 2009 г., член Лиги писателей Евразии, член Союза писателей-переводчиков, дважды лауреат премии журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» за лучший перевод года. В 2009 г. награждена «Памятной медалью А.С. Грибоедова». В 2010 г. стала лауреатом премии «Золотое перо Руси».

© Белый город, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник открывается своеобразной «педагогической поэмой» А. Конан Дойла – повестью «Три счастья» (Three of Them), которая полностью никогда не публиковалась на русском языке. Состоящая из семи рассказов, пять из которых были написаны и опубликованы в 1918 году, а два последних в 1922–1923 годах, она показывает нам автора с необычной стороны. Писатель рассказывает о своих младших детях, об их характерах, привычках и проделках. Сколько любви и фантазии в этих играх, с помощью которых А. Конан Дойл воспитывает своих детей настоящими людьми! Все действие повести происходит на фоне Первой мировой войны, где сражались и погибли родные писателя: брат и старший сын.

Теперь мы переходим к ранним рассказам, опубликованным в периодике в 1885–1900 годах. В первом из них – «Воспоминания капитана Уилки» (The Recollections of Captain Wilkie) – автор рассказывает о встрече в поезде с необычным попутчиком, повествующим о своих старых «подвигах» с нескрываемой ностальгией. Не обошлось здесь и без дедукции; вообще, над этим рассказом довольно зримо витает дух незабвенного Шерлока «нашего» Холмса. Похоже, что это некий выпавший из знаменитой эпопеи увлекательный эпизод о поездке рассеянного доктора Ватсона в Париж.

В следующем рассказе «День из эпохи Регентства» (An Impression of the Regency) мы погружаемся в историю Великобритании времен правления принца Уэльского при его умалишенном отце – короле Георге III. Об этом периоде британской истории у нас известно немного, поскольку она совпала с эпохой Наполеоновских войн.

Дальше следует рассказ «Исповедь» (The Confession) – романтическая история о большой любви и глубоких переживаниях, которые может пробудить голос человека, почти забытого за давностью лет.

Рассказ «Пасторальный ужас» (A Pastoral Horror), опубликованный в конце 1890 года, уже после «Этюда в багровых тонах» и «Знака четырех», рассказывающий о череде страшных преступлений в ти-хой швейцарской деревушке, очень ярко показывает, как не хватало А. Конан Дойлу главного героя-сыщика, который бы и смог расследовать те загадки, которые постоянно ставит перед читателем автор. Видимо, осознав это, уже в конце марта 1891 года писатель начал первую серию рассказов о приключениях Шерлока Холмса.

А еще в феврале того же года был опубликован рассказ «Полночный гость» (Our Midnight Visitor), в котором мы переносимся на один из продуваемых ветрами островов Шотландии, где вместе с героем

пытаемся разгадать тайну странного незнакомца. Примерно там же разворачивается действие рассказа «Рок “Евангелины”» (The Fate of the Evangeline). И хотя он опубликован намного раньше, в 1885 году, чувствуется, что тема моря, кораблекрушений и приключений, а также природы родной для него Шотландии волнует душу автора с раннего детства, когда он зачитывался романами Стивенсона и Дефо.

Теперь обратимся к двум рассказам, история публикаций которых оказалась довольно загадочной.

Первый – это «Трагики» (The Tragedians). Написанный А. Конан Дойлом в начале 1880-х годов, он отсылался им в начале 1882 года в «Blackwood's Magazine» и «British Journal of Photography» под названием «The Actor's Duel» (Дуэль актера), но журналы вернули рассказ автору. И только через два года, в августе 1884 года и уже под названием «The Tragedians», этот рассказ был опубликован в журнале Джона Дикса «Bow Bells» (), подписан инициалами «A.C.D.». Через десять лет, в 1894 году, когда А. Конан Дойл стал уже популярным писателем, Джон Дикс решил издать сборник из двух его рассказов, на которые у него были права. Первым был рассказ «The Winning Shot» (Роковой выстрел). Журнал с текстом этого рассказа Дикс нашел быстро, а вот второй («The Actor's Duel») из-за переименования он найти не смог. И тут в одном из номеров своего журнала он обнаружил рассказ «A Palpable Hit» (Удар всерьез), подписанный инициалами «C.R.V.», в сюжет которого входит сцена актерской дуэли Лаэрта и Гамлета, переходящей из бутафорской в настоящую. Дикс вспоминает, что у Конан Дойла что-то такое было, и под названием «An Actor's Duel» включает этот рассказ в новый сборник (The Winning Shot and An Actor's Duel). Вскоре ошибка была им замечена, но никаких опровержений не последовало. Теперь автор этого рассказа установлен. Им оказался Кэмпбелл Р. Браун (1861–1937), шотландский драматург, писатель и поэт. Российские издатели и переводчики разбираться не стали, и с 1996 года этот рассказ под названием «Дуэль на сцене» издается под именем А. Конан Дойла. Раскопавший эту историю известный исследователь его творчества Ричард Лэнселин Грин издал подлинный рассказ в сборнике «Неизвестный Конан Дойл»; теперь и наш читатель может насладиться этим произведением.

Переходим к рассказу, давшему название сборнику, – «Тайна бильярдного шара» (The Mystery of the Spot Ball). Он был опубликован в журнале «The Student» Эдинбургского университета 29 июня 1893 года и подписан латинской литерой «С.». Формально автор этого рассказа не известен, но обстоятельства указывают на реальную возмож-

ность авторства А. Конан Дойла. Тем более что Р. Л. Грин, который и разыскал эту публикацию, практически в том не сомневался. Его загадочная смерть в 2004 году не позволила представить реальные доказательства.

Рассказ является пародией на истории о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, но выгодно отличается от остальных пародий безукоризненным соблюдением канонов жанра. Мы знаем, что А. Конан Дойл был не чужд самопародии, опубликовав позже такие рассказы, как «Благотворительная ярмарка» (The Field Bazaar) и «Как Ватсон учился хитрости» (How Watson Learned the Trick). Причем первый — именно в журнале «The Student» 20 ноября 1896 года. Как известно, автор Шерлока Холмса учился в Эдинбургском университете, и за год до публикации «Тайны бильярдного шара» в их журнале был помещен его портрет и биографическая статья о знаменитом выпускнике университета. Писатель никогда не прерывал связей с университетом, в котором учился. К тому же, в 1893 году А. Конан Дойл готовил уже второй сборник рассказов о Шерлоке Холмсе, и кто, как не он, как говорится, был в теме. Теперь о литере «С.», которой подписался автор этого рассказа. Эта подпись впервые появилась в «The Student» в 1889 году под стихотворением «Лейкоциты» (The Leucocytes). Она также фигурирует под стихотворением «Поединок» (The Duel), опубликованном в номере журнала от 8 февраля 1893 года.

И здесь мы переходим к фактам, найденным автором этого предисловия в ходе подготовки сборника. Как известно, А. Конан Дойл писал стихи и, поскольку был практикующим врачом, мог писать их и на медицинские темы. Тем более что в архивах есть его письмо от 25 марта 1882 года о некоторых способах лечения лейкоцитомии, посланное в журнал «Ланцет». Как врач, он явно интересовался лейкоцитами и болезнями, с ними связанными, и вполне мог написать на эту тему стихотворение.

Остается последний рассказ — «Церковный журнал» (The Parish Magazine). В нем продемонстрированы возможные последствия применения английского юмора на практике. Не зря П.Г. Вудхауз включил его в свою 1024-страничную антологию «Столетие юмора». Если учесть, что это один из последних рассказов А. Конан Дойла, опубликованный сразу после его смерти, то становится очевидным, какая неиссякаемая любовь к жизни в разных ее проявлениях была движущей силой его творчества.

К.М. Калмык

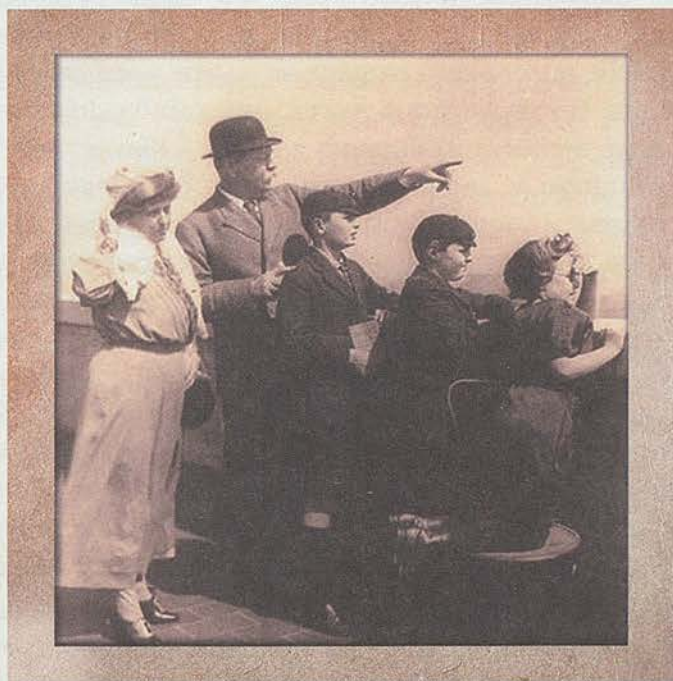
ТРИ СЧАСТЬЯ

Эта небольшая повесть является попыткой изложить на бумаге впечатления от скоротечных, постоянно сменяющих друг друга периодов детства, которые столь же мимолетны, сколь и бесконечно очаровательны. Никакому воображению, даже самому резвому, не под силу их выдумать, так что, пожалуй, единственная задача автора состояла в том, чтобы выбрать наиболее яркие из картин и придать им некую хронологию. Среди реплик персонажей едва ли найдется фраза, которую автор не взял из реальной жизни. Если возникнут возражения, что в повествовании не содержится ничего необыкновенного или выдающегося и что все трое маленьких героев обладают чертами характера, свойственными детям их возраста, автор не станет оспаривать обоснованность и справедливость подобной критики. Наоборот, он с радостью признает, что ему удалось объективно и без прикрас описать ту дивную пору в жизни каждого человека, когда все его мысли искренни и чисты. Мне хочется верить, что в Англии очень много таких детей, и все, кто их любит, с доброжелательной снисходительностью увидят их на страницах этой повести такими, какие они есть.

Некоторые из предлагаемых читателю зарисовок несколько лет назад уже публиковались в сборнике рассказов «Внимание, опасность!». Теперь, после добавления нового материала, они представляют собой единое повествование, связанное общей нитью.

*Артур Конан Дойл
Кроуборо, 22 августа 1923 года*

Арту́р Ко́нан До́йл (Папа), его вторая жена Джин Лекки (леди Солнышко)
и их дети: Денис Перси Стюарт (Парнишка), Джин Лина Линнет (Крошка)
и Дриан Малколм (Толстик)

РАЗГОВОР О ДЕТЯХ, ЗМЕЯХ И ЗЕБУ

Эти небольшие истории называются «Три счастья», но на самом деле речь идет об одной семье — все зависит от количества персонажей в каждом рассказе. Вот полноватый и несколько неуклюжий Папа, хотя у него очень хорошо получается играть в индейцев. Разумеется, когда он этого захочет. Тогда он становится «великим вождем племени Охотников за Скальпами». Есть еще леди Солнышко. Это взрослые, так что мы их особо в расчет не берем. Остаются трое, которых надо как-то различать в нашем повествовании, хотя по характеру они столь же не похожи друг на друга, сколь разнятся все люди по своей красоте и чистоте помыслов. Самый старший из них — восьмилетний мальчик, которого мы назовем «Парнишка». Если представить себе маленького рыцаря во плоти — он перед вами. Душа его бесстрашна, бескорыстна и чиста, она как будто ниспослана Богом на грешную землю в назидание другим. Обитает эта душа в теле высоком, изящном и хорошо сложенном. Парнишка ловок и проворен, его голова и лицо напоминают ожившее изображение юного греческого бога, а взгляд наивных и вместе с тем мудрых серых глаз навсегда покоряет ваше сердце. Он очень стеснительный и не старается блеснуть перед посторонними своими способностями. Я уже говорил, что Парнишка бескорыстен и храбр. Когда начинаются обычные пререкания, что надо идти спать, а спать вроде еще рано, он встает, степенно произносит: «Я ложусь спать» — и уходит. У младших есть еще несколько минут на возню, пока старшего купают на ночь. Что же до храбрости, то он становится воплощением Ричарда Львиное Сердце, когда ему выпадает возможность защитить кого-то или оказать помощь. Как-то раз Папа рассердился на Толстика (мальчика номер 2) и, надо признаться, не без причины, отпустил ему легкий подзатыльник. В следующее же мгновение Папа получил удар где-то в районе пояса. На него негодуяще смотрело маленькое покрасневшее лицо, моментально превратившееся в копну каштановых волос, когда удар повторился. Никто, даже Папа, не смеет бить младшего братика. Таков Парнишка, добрый и бесстрашный.

А вот Толстик. Ему почти семь, и редко когда встретишь лицо, как у него: круглое, пухленькое, со смешными ямочками, с парой плутоватых серо-голубых глаз. Они почти всегда сияют и искрятся, хотя бывает, что взгляд его становится печальным и серьезным. В характере

Толстика есть черты взрослого человека, его юной душе свойственны основательность, сдержанность и рассудительность. Но внешне он мальчишка как мальчишка, озорник и проказник. «Я сейчас буду шалить», — иногда заявляет он, и его слова не расходятся с делом. Толстик любит, понимает и сочувствует всем живым существам. Ему чем они безобразнее и противнее, тем лучше, и относится он к ним нежно и покровительственно, что, похоже, исходит от какого-то тайного внутреннего знания. Однажды его застали за тем, как он подносил масленку к крохотному ротлику пойманного слизняка, чтобы «узнать, любит ли он масло». Толстик умудряется находить живность всегда и везде. Оставьте его на ухоженной до блеска садовой лужайке, и очень скоро он принесет вам тритона, жабу или огромную черепаху. При этом никто и ничто не заставит его причинить им какой-то вред. Наоборот, он, как ему кажется, просто их «немного угощает», а потом водворяет на прежнее место. Один раз он даже нагрубил леди Солнышку, когда та строго-настрого наказала, что гусениц надо давить, как только увидишь их на капусте. Никакие объяснения, включая те, что гусеницы вредят так же, как «немцы-перцы», не могли примирить его с мыслью убить что-либо живое.

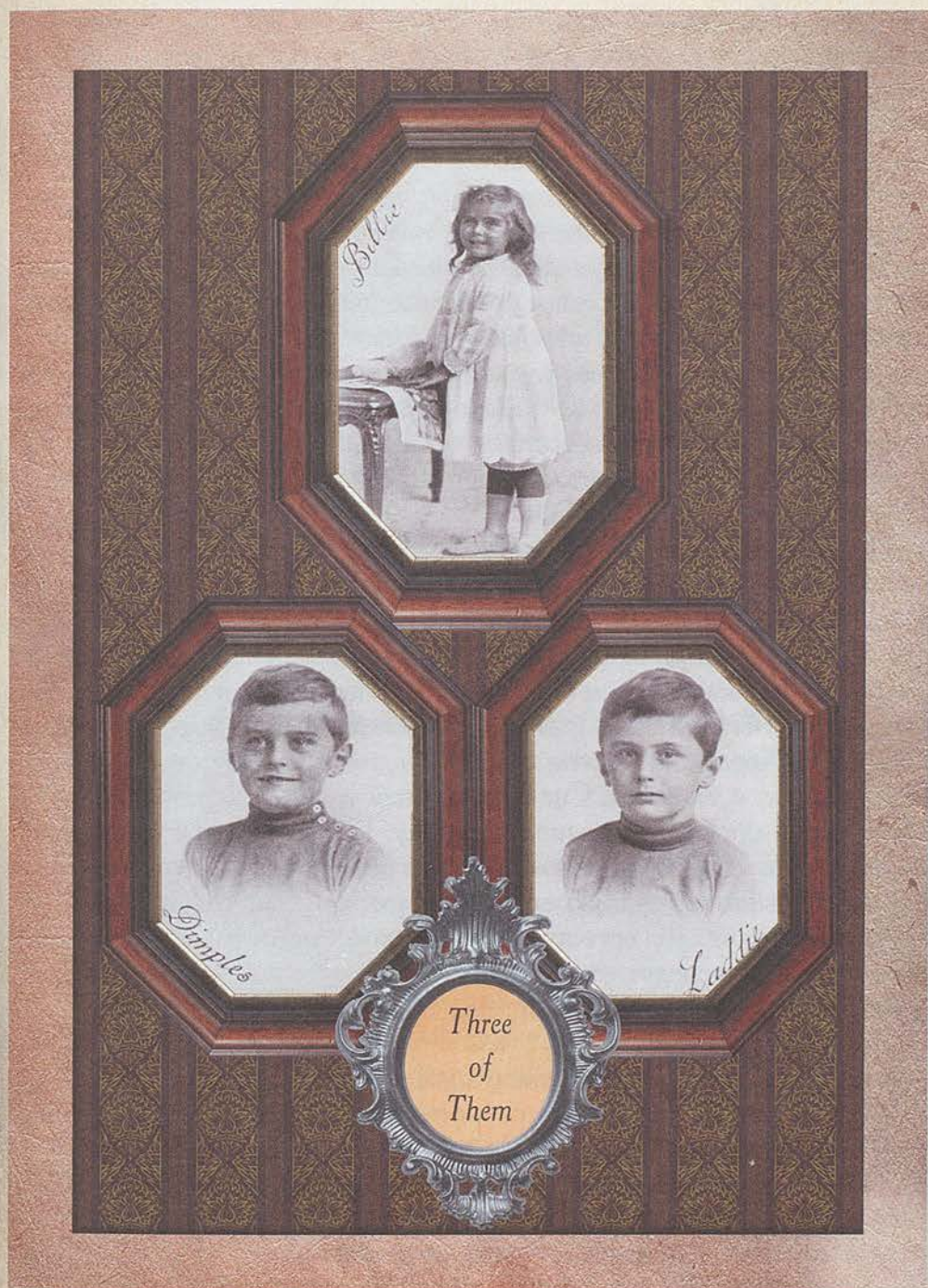
У Толстика есть преимущество перед Парнишкой. В нем нет и тени застенчивости, и он мгновенно сходится с людьми, кто и откуда бы они ни были, завязывая разговор фразами типа «А твой папа знает боевой клич?» или «А за вами медведь когда-нибудь гнался?». Мальчишка он добродушный, но иногда становится воинственным. Тогда он хмурит брови, прищуривает глаза, его пухлые щечки краснеют, губы вытягиваются, обнажая желтоватые зубы. «Я неистовый Свонки!» — провозглашает он. Это из его любимой книжки о викинггах «Эрлинг Храбрый», которую Папа читает ему на ночь. Когда Толстик настроен по-боевому, он может одолеть даже Парнишку, главным образом потому, что его старший брат слишком благороден и великодушен, чтобы дать младшему серьезный отпор. Если хотите узнать, на что в действительности способен Толстик — наденьте ему перчатки и напустите на Папу. Иногда, когда эти ураганные налеты достигают цели, Папа перестает добродушно ухмыляться, и ему приходится сползать с табуретки, чтобы уклониться от них.

Если у Толстика есть какая-то скрытая сила или талант, то как они проявляются? Разумеется, в его воображении. Расскажите ему что-нибудь, и он полностью погрузится в вашу историю. Он сидит смиренно, его круглое румяное лицо становится неподвижным, а глаза ни на

секунду не упускают рассказчика. Он впитывает все, что необычно, таинственно или увлекательно. Парнишка — неугомонная и непоседливая душа, он редко когда на месте усидит. Но Толстик полностью поглощен настоящим, если слышит что-то интересное. По росту он на полголовы ниже брата, но более плотный, этакий крепыш. Одна из его отличительных черт — сильный и звонкий голос. Если он бежит к вам, вы узнаете это задолго до того, как он появится. Благодаря своему природному дару, помноженному на смелость пополам с дерзостью и говорливостью, он почти всегда и везде становится заводилой, а Парнишка, слишком благородный, чтобы унизиться до зависти, довольствуется ролью одного из веселых восхищенных слушателей.

И наконец, Крошка — изящное и хрупкое, словно фарфоровая кукла, и вместе с тем проказливое создание пяти лет от роду, прелестное, словно ангел, и загадочное, словно омут или глубокий колодезь. Мальчишки — всего лишь мелкие сверкающие пруды по сравнению с этой девочкой и ее сдержанностью и отстраненной замкнутостью. Вы можете знать мальчиков как облупленных, но никогда с уверенностью не скажете, что так же знаете девочку. В ее хрупком маленьком тельце заключено что-то очень сильное и мощное. Ее сила воли по истине потрясающа. Ничто не в состоянии ее поколебать, а уж тем более сломить. Повлиять на нее можно лишь теплыми словами и ласковыми уговорами. Ребята ничего не могут сделать, если она что-то по-настоящему решила сделать. Но это лишь тогда, когда она действительно стоит на своем, что случается весьма редко. Как правило, она ведет себя тихо, несколько замкнуто и в то же время дружелюбно, очень живо следя за всем происходящим, не принимая, однако, в нем почти никакого участия, разве что загадочно улыбнется или лукаво посмотрит. И вдруг восхитительные серо-голубые глаза сверкнут из-под темных бровей, словно нешлифованные алмазы, и Крошка засмеется так искренне и заразительно, что остальные просто не смогут не рассмеяться ей вслед. Они с Толстиком большие друзья, но тем не менее между ними постоянно происходят «семейные ссоры». Как-то вечером она даже не упомянула его в молитве, сказавши «Господи, благослови» всем, но только не Толстику. «Ну же, ну же, ты должна!» — уговаривала ее леди Солнышко. «Ну ладно, Господи, благослови гадкого Толстика!» — снизошла, наконец, Крошка, упомянув перед этим кошку, козу, любимых кукол и свою Ригли.

Что действительно странно, так это ее любовь к Ригли. Ученому уму здесь есть над чем подумать. Это старая, выцветшая, облезлая

Три счастья: Крошка, Толстик и Парнишка

подушка с Крошкиной кровати. И все равно, куда бы Крошка ни шла, она берет ее с собой. Все ее игрушки, вместе взятые, никогда не заменят ей Ригли. Если вся семья собирается на пляж, Ригли тоже едет. Крошка не может уснуть, не обняв этот нелепый узелок. Если она идет в гости, она обязательно берет с собой это тряпичное недоразумение, высунув из сумки один конец наружу, чтобы «дать ей подышать свежим воздухом». В каждом периоде детского возраста наблюдательный философ может увидеть этапы развития рода человеческого. От новорожденного младенца, обнимающего бутылочку с молоком, можно воссоздать всю эволюцию человечества. Можно ясно проследить пещерного человека, охотника, земледельца. Что же тогда представляет собой Ригли? Идолопоклонство, поклонение фетишу и ничего более. Дикарь выбирает какой-нибудь самый невероятный предмет и поклоняется ему. Наша милая дикарка поклоняется своей Ригли.

Ну вот, мы описали нашу маленькую троицу настолько, насколько досужее перо способно изобразить малышей с резвым воображением и полных всевозможных причуд и фантазий. Сейчас представим себе летний вечер. Папа сидит в кресле и курит, леди Солнышко где-то рядом, а наши юные герои беспорядочно возятся на медвежьей шкуре у незажженного камина, пытаясь разрешить свои животрепещущие проблемы. Когда они заняты какой-то новой идеей, это очень похоже на игру котят с мячиком. Сначала каждый ударит его лапкой, а затем все гурьбой бросаются за ним вдогонку. Папа почти не вмешивается, разве что когда его попросят что-то объяснить или опровергнуть. Он всегда занимал мудрую позицию, притворяясь, что чем-то занят. Тогда дети ведут себя естественнее и раскованнее. Но на этот раз они обратились непосредственно к нему.

— Пап, а пап? — начал Толстик.

— Да, мой мальчик.

— Как ты думаешь, розы нас узнают?

Толстик, несмотря на свое озорство и капризы, смотрел на Папу таким наивным, чистым и невинным взором, что поневоле казалось, что именно ему тайны природы более близки, чем всем остальным. Папа, однако, в тот вечер был настроен материалистически.

— Нет, малыш. Как же они нас узнают?

— А вот большая желтая роза у самой калитки узнает меня.

— С чего ты взял?

— Потому что вчера она мне кивнула.

Парнишка залился смехом.

— Да это просто ветер, Толстик.

— Нет, не ветер, — убежденно возразил тот. — Не было ветра. Крошка была там. Скажи, Крошка?

— Лоза нас узнала, — веско сказала Крошка.

— Животные нас узнают, это да, — заявил Парнишка. — Но они бегают и издают разные звуки. А розы нет.

— Не нет, а да. Они шелестят и шепчутся.

— Лозы шепчутся, — вторила Крошка.

— Но это же не живой звук. Этот как ветер шумит. Вот наш Рой — он лает, и каждый раз по-разному. Вот ты представь, что все розы на тебя лают. Пап, расскажи нам о животных, а?

Это один из периодов детства, возвращающий нас в далекое первобытное прошлое с его жадным и неисчерпаемым интересом к окружающему миру, и в первую очередь к животным. В нем слышится отголосок тех долгих темных ночей, когда древние люди сидели у костра и всматривались во тьму, благоговейным шепотом рассказывая друг другу о непонятных и страшных существах, с которыми они боролись за главенство в мире. Дети обожают пещеры, костры, походную еду и рассказы о животных. Это все эхо давно ушедших времен.

— Пап, а какое самое большое животное в Южной Америке?

Папа усталым тоном:

— Ну, я не знаю...

— Может, слон, а?

— Нет, малыш. В Южной Америке они не водятся.

— Тогда носорог?

— Нет, их там тоже нету.

— Пап, а кто тогда там водится?

— Ну, скажем, ягуары. Они, по-моему, там самые большие.

— Значит, они десять метров в длину.

— О нет, мой мальчик! Ягуар чуть больше двух метров вместе с хвостом.

— А вот в Южной Америке есть питоны десять метров длиной.

— Это не то, это змеи.

— Пап, а как ты думаешь, — спросил Толстик, очень серьезно глядя на отца большими серыми глазами, — есть питоны в пятнадцать метров длиной?

— Нет, мой мальчик, я о таких не слышал.

— Может, и есть, только ты не слышал. А вот если бы такой был в Южной Америке, мы бы узнали?

— Если бы был, то, наверное, узнали.

— Папа, — начал Парнишка, с увлечением включаясь в перекрестный допрос, — а может удав проглотить мелкое животное?

— Ну конечно, может.

— А ягуара может?

— Вот тут не знаю. Ягуар очень большой.

— Ну, а ягуар может проглотить удава? — поинтересовался Толстик.

— Дурачина ты, — ответил Парнишка. — Если ягуар в длину два метра, а удав десять, то удав в него не поместится. Как же он его проглотит?

— Он его обкусит, — возразил Толстик. — Оставит кусочек себе на ужин и еще один на завтрак. Слушай, пап, удав ведь не сможет проглотить дикобраза, а? У него же тогда горло разболится.

Заливистый хохот и долгожданная передышка для Папы, углубившегося в газету.

— Пап!

Полностью покоровившись судьбе, он опускает газету и разжигает потухшую трубку.

— Что, мой мальчик?

— А какую ты видел самую большую змею?

— Ну вот, опять змеи! Я устал от них.

Но дети от них никогда не устают. Снова отголоски прошлого, поскольку змеи были злейшими врагами первобытных людей.

— Папа из змеи суп варил, — объявляет Толстик. — Расскажи нам про змею, а?

Детям больше всего нравится, когда историю им рассказывают по четвертому или пятому разу, ведь тогда они могут поправлять рассказчика и уточнять подробности.

— Ну, значит, поймали мы гадюку и убили ее. Нам нужен был скелет, и мы не знали, как отделить мясо от костей. Сперва мы хотели зарыть ее в землю, но это было бы слишком долго. Потом мне пришла мысль выварить змею. Я раздобыл большую старую банку из-под тушенки, мы положили туда гадюку, залили водой и поставили на огонь.

— И повесили на крюк, да?

— Верно, на крюк, как в Шотландии вешают котелок с кашей. Только-только змея потемнела и сделалась бурой, как тут вошла жена фермера и кинулась глянуть, что мы там варили. Увидев гадюку, она решила, что мы собираемся ее съесть. «Ах вы, черти полосатые!», —

закричала она, подхватила жестянку подолом фартука и выбросила в окно.

Новые взрывы заливистого хохота. Толстик без конца повторял «черти полосатые, черти полосатые», так что Папе пришлось уговорить его, легонько стукнув газетой по затылку.

— Пап, расскажи еще про змей, — попросил Парнишка. — Ты когда-нибудь видел страшную ядовитую змею?

— Которая укусит, и через пять минут ты почернееешь и умрешь, — добавил Толстик. Это было самое ужасное, что он мог себе вообразить.

— Да, видел я разных тварей. Однажды в Судане я задремал, лежа на песке, и когда открыл глаза, увидел что-то ползучее, похожее на огромного слизняка с короткими толстыми рожками, сантиметров тридцать длиной. И это что-то уползало от меня.

— А что это было, пап? — Шесть любопытных глаз буквально впились в него.

— Это была ящерица-шипохвост. Думаю, ты бы и вправду умер через пять минут, Толстик, укуси она тебя.

— Ты убил ее?

— Нет, она исчезла прежде, чем я сумел ее достать.

— Пап, а что страшнее, змея или акула?

— По мне, так обе страшны!

— А ты когда-нибудь видел, как акулы съели человека?

— Нет, малыш. Но однажды акула меня чуть не съела.

— Ух ты! — ахнули все трое.

— Я сглупил и принялся плавать вокруг корабля, а в тех местах везде шныряют акулы. Я уже взобрался на палубу и вытирался, как увидел высокий акулый плавник совсем рядом с бортом. Она, видать, услышала всплески и подплыла, чтобы напасть на меня.

— Пап, а ты испугался?

— Да, меня аж озноб пробил. — Папа умолк, вспомнив африканские золотые песчаные пляжи и ревущие волны прибоя с изящными изгибами белоснежной пены на гребнях.

Но дети не любят молчание.

— Папа, а зебы кусаются? — спросил Парнишка.

— Не зебы, а зебу. Ну, они же ведь коровы. Нет, не кусаются.

— Но зебу может боднуть рогами.

— Верно, может.

— А скажи, зебу может победить крокодила?

- Ну, я бы поставил на крокодила.
- А почему?
- А потому, малыш, что у крокодила большие острые зубы, и он просто съест зебу.
- А если зебу незаметно подкрадетсЯ и боднет его?
- Ну, тогда одно очко в пользу зебу. Но один тычок рогами не причинит крокодилу вреда.
- Ну, не причинит, и что? Но зебу-то не отступит. Крокодилы ведь живут на песчаных отмелях, так? Зебу обоснуется рядом с отмелью, так чтобы крокодил его не заметил. Вот и будет зебу подкрадываться и бодать его. Тогда-то одолеет он крокодила, а?
- Ну, может, и одолеет.
- А сколько времени надо зебу, чтобы победить крокодила?
- Мм, это зависит от того, как часто его будут бодать.
- Ну, а если каждые три часа, а?
- Ой, надоели мне эти зебу!
- Так скажет крокодил! — крикнул Парнишка, хлопая в ладоши.
- Пожалуй, я соглашусь с крокодилом, — произнес Папа.
- Пожалуй, всем детям пора спать, — вторила ему леди Солнышко, и в полумраке тут же показался белый передник няни.

О КРИКЕТЕ

На первом этаже ужинали, а все послушные дети давным-давно должны были видеть десятый сон. И все же сверху раздавался странный шум.

— Это что еще такое? — поинтересовался Папа.

— Это Парнишка играет в крикет, — ответила леди Солнышко с проникательностью, свойственной всем матерям. — Он встает и гоняет мячик. Надо бы тебе с ним серьезно поговорить, ведь он же недосыпает.

Папа отправился наверх с твердым намерением быть строгим и непреклонным, и уж верьте слову, он может быть строгим, когда захочет! Поднявшись по лестнице, он услышал, что шум не стих, поэтому он на цыпочках прокрался по коридору и заглянул в приоткрытую дверь.

В комнате было темно, горел лишь маленький ночник. В полумраке Папа разглядел тонкую гибкую фигурку в белой пижаме. Посреди детской она делала маленькие шажки и махала рукой.

— Ага-га! — воскликнул Папа.

Белая фигурка ринулась к нему.

— Ой, пап, как здорово, что ты пришел!

Папа почувствовал, что быть строгим не так-то легко.

— Значит так! Быстро в кровать! — произнес он с наибольшей суровостью, какую только смог разыграть.

— Хорошо, пап. Только вот посмотри, а? — Парнишка прыгнул и грациозно взмахнул рукой, описав круг. Папа когда-то был заядым крикетистом и оценил это с чисто спортивной точки зрения.

— Неплохо, Парнишка. Я сам люблю высокий замах. Почти как у Споффорта.

— Ну, пап, ну, расскажи про крикет! — Папу усадили на край кровати, а белая фигурка нырнула под одеяло.

— Да, да, про крикет! — донеслось из угла, где Толстик уже восседал на своей кровати.

— Ах ты, шалунишка! Я-то думал, ты спишь. Сейчас нельзя. Спать надо.

— А кто такой Попофф? — жадно спросил Парнишка, хватая Папу за рукав. — Классный подающий, да?

— Споффорт был лучшим подающим из всех выходивших на поле. Он был великим игроком австралийской сборной и очень многому нас научил.

— А собаку это он убил? — Это уже Толстик.

— Нет, малыш. Какую собаку?

— А вот Парнишка говорил, что был такой подающий, который бросил мяч так, что тот пробил сетку и убил собаку.

— Ну, это старая байка. Когда я был маленьким, я слышал то же самое об одном подающем. Если не ошибаюсь, о Джексоне.

— А собака была большая?

— Да нет, сынок, не было там никакой собаки.

— Значит, была кошка, — настаивал Толстик.

— Пап, расскажи про Споффорта, — теребил отца Парнишка. Резвое воображение Толстика всегда уводило разговор в сторону, но старший все же вернул его в нужное русло. — Сильно он бросал?

— Да, очень сильно. Я слышал, как игравшие против него крикетисты рассказывали, что у него только замах был почти на полную подачу, а подавал он быстрее всех в Англии. Я сам видел, как он только взмахнул своей длинной рукой, а калитка уже и упала. Бьющий даже не успел битой земли коснуться.

— Ух ты! — донеслось дуэтом с кроваток.

Френсис Коутс. Юный крикетист

поэтому играл вторым бьющим. Мячи отскакивали от меня, будто я им матрас или подушка.

Восторженный смех.

— Когда появился Блэкхэм, защитники поняли, что надо учиться останавливать и отбивать мяч. Вторых бьющих не было уже даже в первой лиге. Скоро нашлись неплохие защитники вроде Альфреда Литтелтона или Макгрегора, но именно Блэкхэм научил нас мастерству. Когда Споффорд с копной рыжих волос подавал с одного края, а Блэкхэм, с развевавшейся над перекладной черной бородой, на другом краю поля готовился принять мяч — это надо было видеть, доложу я вам.

Молчание. Ребята пытались представить себе это зрелище. Парнишка вдруг испугался, что Папа уйдет, поэтому он быстро задал новый вопрос. Если Папину память постоянно не освежать, неизвестно, сколько еще он с ними пробудет.

— А что, до Споффорта не было классных подающих?

— Да были, мой мальчик, и немало. Но он привнес много нового.

Особенно смену темпа, когда по его шагу до последней секунды не ясно, какую он сделает подачу. То ли быструю, как молния, то ли медленную, но с хитрой закруткой мяча. Но с точки зрения владения подачей я считаю, что лучшим подающим был Альфред Шоу из Ноттингема. Говорили, что из трех бросков он два раза умудрялся попадать в полукрону!

— Ух ты! — затем вступает Толстик:

— А в чью полукрону?

— Да в чью угодно.

— А полукрону он брал себе?

— Нет, нет, с чего бы это вдруг?

— Потому что он в нее попал.

— Полукрону всегда кладут, чтобы в нее целились, — объясняет Парнишка.

— Нет, нет, не было никакой полукроны.

Ребята затевают спор на пониженных тонах.

— Я тебе говорю, что он мог попасть в любой предмет размером с полукрону.

— Пап, а пап? — спрашивает один из них, увлеченный новым поворотом темы. — А он мог попасть в мысок бьющему?

— Да, малыш, вполне мог.

— Тогда, наверное, он всегда туда целился!

Папа рассмеялся.

— Вот, оказывается, почему старина Виджи всегда стоял с задраным вверх носком левой ноги.

— На одной ноге?

— Да нет же, Толстик. Пятка на земле, носок кверху.

— Пап, а ты знал Виджи?

— О да, я был с ним знаком.

— Он был хороший?

— Это был замечательный человек. Такой, знаешь, большой школьник, прятавшийся за густой черной бородой.

— А за чьей бородой?

— Ну, я хотел сказать, что он носил густую черную бороду. Он хоть и походил на предводителя пиратов из ваших книжек с картинками, но обладал добрым сердцем, словно у ребенка. Я слышал, что он умер, и все из-за этой проклятой войны! Великий старина Виджи!

— Пап, а правда, что он был лучшей битой в мире?

— Конечно, правда, — ответил Папа, начиная увлекаться к великой радости маленьких заговорщиков. — Не было лучшего бьющего

до ВиДжи и больше никогда не будет, мне кажется. Он отбивал не рядом с калиткой на выровненных полосах, как теперь. ВиДжи играл тогда, когда линии были все в маленьких бугорках и нужно принять мяч прямо на битую. Не мог же он стоять и думать: «Ну ладно, я знаю, куда и как отскочит мячик!» Да уж, вот это был крикет так крикет, не то, что нынче.

— Пап, а ты видел, как ВиДжи набирал сотню?

— Ха, видел! Да я принимал от него мячи и чуть было не расплавился, когда жарким августовским днем он набрал сто пятьдесят очков. С полкило вашего папы осталось на том раскаленном поле. Но я любовался его игрой и всегда расстраивался, если он получал штрафное очко, даже если и играл против его команды.

— А он что, получал штрафные очки?

— Да, милый. В первый же раз, когда я играл за него, ему засчитали отбив ногой, прежде чем он начал пробежку. И всю дорогу к павильону, где находится скамейка удаленных, он высказывал арбитру, что он о нем думает, а его черная борода развевалась на ветру, словно флаг.

— А что он думал об арбитре?

— Ну, гораздо больше, чем я тебе могу сказать, Толстик. Однако смею заметить, что он имел полное право возмущаться, потому что подающий был левша и закрутил мяч почти что за калитку, так что очень трудно отбивать, если это не сделать ногой. Впрочем, для вас это китайская грамота.

— А что такое китайская грамота?

— Ну, это то, что для вас очень сложно. Ладно, я пошел.

— Нет, пап, пап, не уходи, погоди! Расскажи нам про Боннера и его коронный прием.

— А, так вы и об этом слышали!

Из темноты раздался тихий умоляющий дуэт:

— Пап, ну пожалуйста!

— Не знаю, что мама скажет, если нас застукает... Так о чем это вы?

— О Боннере!

— Ах, о Боннере! — Папа задумчиво воззрился во тьму и увидел зеленые поля, золотистый свет солнца и великих спортсменов, давно ушедших на покой. — Боннер был удивительный человек. Настоящий великан.

— Такой же, как ты, папа?

Отец подхватил старшего сына на руки и ласково его встряхнул.

— Я слышал, что ты давеча сказал мисс Криган. Когда она тебя спросила, что такое акр, ты ответил: площадка примерно с папу размером.

Мальчишки загукали от смеха.

— Но Боннер был на двенадцать сантиметров выше меня. Вот уж великан так великан.

— А его никто не убил?

— Нет, нет, Толстик. Это не злой великан из книжек, а большой, сильный человек. Прекрасно сложенный, с голубыми глазами и золотистой бородой. Великий человек, другого такого я не встречал, за исключением, пожалуй, одного.

— А какого одного?

— Это был немецкий император Фридрих Третий.

— Немец-перец! — в ужасе воскликнул Толстик.

— Да, немец. Только знайте и запомните, ребята, что и немец может быть благородным человеком. Другое дело, во что превратились эти благородные люди за последние три года. Этого я никак понять не могу. Но Фридрих Третий был прекрасным, замечательным человеком, стоит только взглянуть на его лицо. Но каким же негодяем и мерзавцем оказался его сын! — Папа погрузился в задумчивость.

— Пап, а Боннер? — напомнил Парнишка, отец вздрогнул и спустился с высот глобальной политики на грешную землю.

— Ах да, Боннер... Боннер в белой фланелевой паре на зеленом поле, освещенный ярким июньским солнцем. Вот это картина! Вы еще о приеме спросили. Было это на отборочном матче Англия — Австралия. Перед ним Боннер заявил, что выбьет Альфреда Шоу, куда ворон костей не заносит, и был полон решимости сдержать свое слово. Шоу, как я говорил, умел хорошо подавать с дальних дистанций, так что какое-то время Боннеру просто не шел мяч, однако наконец ему представился долгожданный случай, он прыгнул и нанес по мячу такой удар, какого еще не видели крикетные поля.

— Ух ты! — восторженно выдохнули ребята, а потом Толстик спросил: — Пап, а мяч улетел туда, куда ворон костей не заносит?

— Да слушайте же вы! — продолжал Папа, который всегда раздражался, когда его перебивали. — Боннер подумал, что провел низкий удар с лета, что считается идеальным отбивом, но Шоу обманул его и закрутил мяч с короткого края. Так что когда Боннер по нему ударил, мяч пошел все выше и выше, пока не стало казаться, что он вот-вот исчезнет в небе.

— Ух ты!

— Сначала все подумали, что мяч улетит далеко за пределы поля. Но скоро стало ясно, что вся сила великана ушла на то, чтобы послать его вверх, поэтому была вероятность, что мячик упадет внутри канатов. Бьющий успел сделать три пробежки, а мяч все еще летел. Потом все увидели, как один из английских игроков встал на краю поля у самых канатов, его белая фигура четко читалась на темном фоне зрителей. Он стоял и следил за полетом мяча, при этом дважды поднимая руки кверху. На третий раз, когда он поднял руки, мяч был у него, а Боннер получил штрафное очко.

— А почему он два раза руки поднимал?

— Не знаю. Поднимал, и все.

— Пап, а кто был этот полевой игрок?

— В поле играл Фред Грейс, младший брат Виджи. Его не стало всего через несколько месяцев. Но в его жизни была минута славы, когда двадцать тысяч человек смотрели на него, затаив дыхание. Бедный Фред! Как же рано он умер!

— Пап, а ты когда-нибудь брал такую же хитрую подачу?

— Нет, сынок. Я был довольно средним игроком.

— А ты хоть когда-нибудь обманные подачи брал?

— Ну, я бы не сказал. Понимаешь, хорошее взятие — это зачастую просто счастливая случайность, и одно такое взятие я помню как сейчас.

— Пап, расскажи, а?

— Ну вот, стоял я на полосе подач. Это почти что рядом с калиткой. Бросал Вудкок, который тогда считался лучшим подающим Англии. Матч только начался, и кожаный мяч был еще красный и не обтрепанный. Вдруг я увидел что-то наподобие алой вспышки, и в ту же секунду мяч оказался у меня в руке. Я даже шевельнуть ей не успел, а мяч уже был в перчатке.

— Ух ты!

— Видел я еще одно похожее взятие. Тогда повезло Ульетту, техничному игроку из Йоркшира, большому такому, высокому парню. Он подавал, а бьющий — это был австралиец на отборочном матче — отбил изо всех сил. Ульетт никак не мог видеть мяч, но он просто выставил руку и поймал его.

— А если бы мяч попал ему в грудь или в живот?

— Ну, тогда бы ему было больно.

— А он бы заплакал? — тут же спросил Толстик.

— Нет, малыш. Игры служат как раз для того, чтобы научиться смело и мужественно держать удар. Вот, предположим...

На лестнице слышались шаги.

— Боже мой, ребята, это мама. Быстренько закрыли глазки... Все хорошо, дорогая. Я сделал им строгое внушение, и, по-моему, они почти заснули.

— И о чем же вы говорили? — поинтересовалась леди Солнышко.

— О крикете! — крикнул Толстик.

— Ничего особенного, — начал оправдываться Папа. — Вполне естественно, что двое мальчишек...

— Трое, — справедливо заметила леди Солнышко, поправляя ребятам одеяла.

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ДОМЫСЛЫ

Сумерки. Дети сидели тесным кружком на ковре. Первой заговорила Крошка, поэтому Папа, устроившийся в своем кресле с газетой, наострил уши, поскольку наша юная леди, как правило, молчала, и любое выражение ее детских мыслей вызывало интерес. Она нянчила свою истрепанную подушку по имени Ригли, которую любила больше всех своих кукол.

— Интересно, а Лигли пустят в Царство Небесное? — задумчиво спросила она.

Ребята засмеялись. Они почти всегда смеялись над тем, что говорила Крошка.

— Если нет, я тоже не пойду, — серьезно добавила она.

— И я тоже не пойду, если не пустят моего мишку, — заявил Толстик.

— Я скажу, что это холошая, чистая, умытая Лигли, — продолжала Крошка. — Я люблю Лигли.

Она прижала подушку к себе и стала ее баюкать.

— Слушай, пап, — спросил Парнишка самым серьезным тоном, — а как ты думаешь, в раю игрушки есть?

— Конечно, есть. Там есть все, чтобы детям было хорошо.

— А игрушек там как в магазине Хэмли? — поинтересовался Толстик.

— Гораздо больше, — веско ответил Папа.

— Ух ты! — выдохнули все трое.

— Пап, а пап, — начал Парнишка. — А вот мне интересно про потоп.

— Ну, хорошо. А что именно?

— А вот эта история про ковчег. Там собрали всяких животных, каждой твари по паре, и плавали они сорок дней, да?

— Ну, так написано.

— Слушай, а что тогда ели плотоядные?

С детьми надо быть честными и не отделяться от них смехотворными объяснениями. Их вопросы о подобных вещах в большинстве случаев куда более серьезны, чем ответы родителей.

— Видишь ли, малыш, — сказал Папа, тщательно подбирая каждое слово, — этим историям очень-очень много лет. Иудеи записали это в Библии, но узнали они эту историю от вавилонян, а те, в свою очередь, скорей всего, переняли ее еще у кого-то, кто был до них. Если рассказы о чем-то передаются подобным образом, каждый добавляет что-то от себя, и нельзя с уверенностью сказать, как же все было на самом деле. Иудеи вписали это в Библию точно так, как услышали, но это сказание существовало за многие тысячи лет до них.

— Значит, все это неправда?

— Нет, почему же, я думаю, что правда. Мне кажется, что потоп был, и кто-то из людей сумел спастись, и что они спасли свою живность. Мы бы тоже постарались спасти своих кур, если бы случилось наводнение. Потом, когда вода спала, они смогли начать все сначала, и, конечно же, были благодарны Богу за свое избавление.

— А что о потопе думали те, что не спаслись?

— Ну, мы этого не знаем.

— Они ведь не были благодарны, а?

— Значит, пришло их время, — произнес Папа, будучи в душе немного фаталистом. — Полагаю, так было лучше всего.

— Вот уж не повезло Ною, когда после всех бед его проглотила рыба, — вставил Толстик.

— Дурачина ты! Это Иону проглотили. Кит, да, пап?

— Какой там кит! Он и селедки не проглотит!

— Тогда акула?

— Ну вот, опять у нас история, которую столько раз переиначивали. Несомненно, что он был праведником и святым человеком, каким-то образом спасшимся от морской стихии. И только потом моряки и все остальные, кто восхищался им, придумали это чудесное спасение.

— Пап, — вдруг спросил Толстик, — а нам надо делать то же, что и Иисус?

— Конечно, малыш. Он был величайший из всех когда-либо живших на земле.

— Пап, а Он спал каждый день с двенадцати до часу?

— Точно не знаю.

— Ну, тогда я не буду спать днем.

— Если бы Иисус был маленьким мальчиком и Его Мама и доктор велели бы Ему спать, я уверен, что Он бы послушался.

— А Он пил рыбий жир?

— Он делал все, что Ему велели, сынок, я уверен в этом. Он был величайшим и наверняка в детстве считался примернейшим мальчиком.

— А Крошка вчера видела Бога, — как бы невзначай заметил Толстик.

Папа аж газету от удивления уронил.

— Ну, мы все договорились, что ляжем и будем смотреть в небо, пока не увидим Бога. Мы расстелили на лужайке коврик, улеглись так рядышком и все смотрели, смотрели. Я ничего не увидел, и Толстик тоже, а вот Крошка говорит, что видела Бога.

Крошка кивнула с умным видом.

— Я увидела Его, — сказала она.

— И какой Он из себя?

— Ну, плосто Бог.

Она умолкла и обняла свою Ригли. Вошедшая чуть раньше леди Солнышко с тревогой слушала откровенные дерзости, исходившие из уст детей. Но в этих самых дерзостях и проявлялась искренняя сущность их веры. Вера эта была столь очевидна, что не подлежала никакому сомнению.

— Пап, а кто сильнее — Бог или дьявол? — На сей раз новую тему задал Парнишка.

— Конечно, Бог. Он правит всем.

— А почему тогда Он не убьет дьявола?

— И не снимет с него скальп? — добавил Толстик.

— Тогда ведь прекратятся все беды и несчастья, да, пап?

Бедный Папа явно растерялся. На выручку ему пришла леди Солнышко.

— Если бы в этом мире все было хорошо и прекрасно, то не с чем и незачем было бы бороться, и поэтому, Парнишка, не надо было бы развивать и улучшать свой характер.

— Это как на футбольном матче, где все играют в одни ворота, — поддержал Папа.

— Если бы не было плохого, то не было бы и хорошего, потому что не с чем сравнивать, — развивала мысль леди Солнышко.

— Но ведь тогда, — с беспощадной детской логикой возразил Парнишка, — если все так, дьявол вроде как приносит пользу, и не такой уж он плохой.

— Вот тут я не согласен, — заявил Папа. — Наша армия храбро и доблестно сражается с германским императором, но этот ведь не значит, что германский император — хороший, замечательный человек, так? — Кроме того, — с напором продолжил он, — нельзя думать о дьяволе как о какой-то личности. Нужно думать обо всех подлостях, мерзостях и жестокостях, что могут случиться, и, противостоя им, ты действительно борешься с дьяволом.

На некоторое время дети погрузились в глубокую задумчивость.

— Папа, — осторожно спросил Парнишка, — а ты когда-нибудь видел Бога?

— Нет, сынок. Но я видел Его творения. Думаю, что они суть самое большое, что мы можем получить в этом мире. Посмотрите на ночные звезды и представьте, Чья сила их создала и удерживает их на должном месте.

— А падающие звезды Он не смог удержать, — возразил Толстик.

— А по-моему, Он хочет, чтобы они падали, — сказал Парнишка.

Ричард Дойл. Приставание к бабочке

— Вот если бы они все попадали, здорово было б посмотреть! — крикнул Толстик.

— Ага, — отвечал Парнишка, — они бы за одну ночь все попадали, вот тогда бы даа!

— Ну, луна-то осталась бы, — резонно возразил Толстик. — Пап, а правда, что Бог слышит все, что мы говорим?

— Право же, не знаю, — осторожно ответил тот. И вправду, никогда не известно, куда могут завести каверзные вопросы этих маленьких пройдох. Леди Солнышко была более прямолинейна или более консервативна.

— Да, милый, Он слышит все, что ты говоришь.

— А сейчас Он слушает?

— Конечно, милый.

— Ну, с Его стороны это очень невежливо!

Папа улыбнулся, а леди Солнышко открыла рот от изумления.

— Это не грубость, — заявил Парнишка. — Это Его долг, и Он обязан знать, что ты делаешь и говоришь. Пап, а ты когда-нибудь эльфа видел?

— Нет, сынок.

— А я однажды видел.

Парнишка — само воплощение правдивости и рассказывает все в мельчайших деталях, поэтому его слова вызвали живейший интерес.

— Расскажи нам, дорогой.

Он описал все случившееся настолько сухо, словно это был не эльф, а персидская кошка. Скорее всего, его искренняя вера повлияла на его восприятие мира.

— Это было в детской. У окна стояла табуретка. Эльф спрыгнул на табуретку, потом на пол и прошел по комнате.

— А в чем он был одет?

— Во все серое, в такую длинную мантию. Ростом он с Крошкину куклу. Рук я не видел, они были под мантией.

— А он на тебя посмотрел?

— Нет, он глядел в сторону, лица я не увидел. Колпак у него был, маленький такой. Больше я эльфов не видел. Есть еще, конечно, Дед Мороз, он ведь тоже волшебный.

— Пап, а Деда Мороза убили на войне?

— Нет, малыш.

— Потому что он ни разу не приходил, как началась война. Мне кажется, он воюет с немцами-перцами, — предположил Толстик.

— В прошлый раз, когда он приезжал, — продолжил Парнишка, — папа сказал, что один из оленей подвернул ногу на брусчатке Монкстоун-Лейн. Может, поэтому он больше и не приходит.

— После войны он обязательно приедет, — пообещал Папа. — Он будет во всем новом, таком алом и белоснежном, что залюбуется.

Он вдруг помрачнел, подумав о тех, кто уже никогда не дожидется Деда Мороза. Десять погибших в одной только их семье. Леди Солнышко протянула руку и положила ему на плечо. Она всегда знала, о чем думает Папа.

— Они будут с нами духом своим.

— Да, веселым и радостным духом, — веско произнес Папа. — Дед Мороз вернется, и в Англии все станет хорошо.

— Пап, а как же в Индии? — спросил Парнишка.

— А что такого в Индии?

— Ну, как на санках и оленях скакать по морю? Подарки-то все промокнут.

— Да, дорогой, на Деда Мороза уже поступили жалобы, — серьезно ответил Папа. — Так-так, вот и Фрэнсис! Время спать ложиться!

Дети неохотно встали, слушаясь отца.

— Помолитесь здесь, прежде чем идти спать.

Три маленькие фигурки преклонили колени на ковре, Крошка крепко обняла свою Ригли.

— Парнишка, ты начинай, а остальные за тобой.

— Боже, благослови всех, кого люблю, — раздался звонкий, чистый детский голос. — Пусть я буду хорошим мальчиком, и благодарю Тебя за благо Твое на сей день. Спаси и сохрани Аллейна, что воюет с немцами, и дядю Космо, что воюет с немцами, и дядю Вуди, что воюет с немцами, и всех по водам плавающих, и бабушку, и дедушку, и дядю Пэта, и пусть мама с папой никогда не умрут. Вот и все.

— И пошли много сладкого сахала всем бедным, — неожиданно добавила Крошка.

— И немножко бензина для папы, — прибавил Толстик.

— Аминь! — провозгласил Папа, и три детские головки потянулись к родителям, чтобы те поцеловали их на ночь.

ПЛЕМЯ ОХОТНИКОВ ЗА СКАЛЬПАМИ

— Пап, — спросил как-то раз старший. — А ты когда-нибудь видел диких индейцев?

— Да, малыш.

— А кого-нибудь скальпировал?

— Боже упаси, нет, конечно же.

— А тебя кто-нибудь скальпировал? — вставил Толстик.

— Дурачина! — воскликнул Парнишка. — Если б с папы сняли скальп, у него бы не было столько волос на голове, разве что они бы заново выросли.

— А на самой макушке у него волос нету, — заметил Толстик, нависая над спинкой низкого кресла, в котором сидел Папа.

— Они ведь тебя не скальпировали, да, пап? — допытывался Парнишка, и в голосе его сквозила тревога.

— Думаю, очень скоро сама природа меня скальпирует.

Ребят охватил неподдельный интерес. Природа предстала в образе вождя враждебного племени.

— А когда? — жадно спросил Толстик, явно выказывая намерение при этом присутствовать.

Папа печально провел пальцами по редеющей шевелюре.

— Весьма скоро, — произнес он.

— Ух ты! — отреагировало веселое трио. Парнишка открыто возмутился, а двое младших пришли в откровенный восторг.

— Слушай, пап, ты говорил, что после чая мы поиграем в индейцев. Ты еще прибавил, чтобы мы вели себя тихо после завтрака. Ты обещал, а?

Ни в коем случае нельзя нарушать данные детям обещания. Папа несколько устало, а скорее всего, неохотно встал со своего удобного кресла и положил трубку на камин. Сначала он провел секретное совещание с дядей Пэтом, самым изобретательным из игроков. Затем вернулся к детям.

— Всему племени — общий сбор! — объявил он. — Совет состоится в гостиной через четверть часа. Всем быть по форме и при оружии. К вам обратится Великий Вождь!

Когда Папа вошел в гостиную через пятнадцать минут, все племя, разумеется, было в сборе. Их стало четверо, поскольку маленький розовощекий кузен Джон, живший по соседству, всегда приходил поиграть в индейцев. Все были в индейских нарядах с уборами из перьев, с деревянными дубинками и томагавками. Папа надел свой старый твидовый костюм и держал в руке ружье. Он появился в гостиной с очень торжественным лицом, ведь в индейцев всегда надо играть всерьез. Затем он медленно поднял ружье над головой, приветствуя племя, и четверо ребятишек издали боевой клич. Он представлял со-

бой долгий резкий вой, похожий на волчий, которому Толстик пытался обучать пожилых дам в гостиничных коридорах. «Без него мы вас в племя не примем. Ведь сейчас вас никто не слышит. Попробуйте, может, и получится». На тот момент в коридоре насчитывалось с полдюжины пожилых англичанок, вновь превратившихся в детей стараниями Парнишки и Толстика.

— Привет племени! — крикнул Папа.

— Привет вождю! — отозвались голоса.

— Красный Бизон!

— Здесь! — рявкнул Парнишка.

— Черный Медведь!

— Здесь! — выкрикнул Толстик.

— Белая Бабочка!

— Ну, давай же, глупая скво! — прорычал Толстик.

— Здесь, — сказала Крошка.

— Степной Волк!

— Здесь, — пробормотал четырехлетний кузен Джон.

— Все в сборе. Сядьте в круг у большого костра, мы выпьем огненной воды бледнолицых и выкурим трубку мира.

Это был жуткий ритуал. Огненную воду, на самом деле имбирный эль, пили прямо из бутылки, торжественно передавая ее по кругу. Раньше они так никогда не делали, и это придавало событию особую значимость, что еще более подчеркивалось торжественностью, с которой Папа восседал на своем почетном месте. Затем он раскурил трубку, и она также пошла по кругу. Парнишка затянулся от души, что вызвало у него приступ кашля, а Крошка лишь коснулась янтарного мундштука своими розовыми губками. Царило гробовое молчание, пока трубка не сделала полный круг и не вернулась к своему владельцу.

— Воины племени охотников, зачем мы собрались здесь? — торжественно произнес Папа, поглаживая ружье.

— Шалтай-Болтай, — пискнул малыш Джон, и дети дружно рассмеялись. Но зловещая суровость на Папином лице быстро вернула им воинственное настроение.

— Степной Волк верно сказал, — согласился Папа. — Подлый бледнолицый по имени Шалтай-Болтай вторгся в пределы прерий, принадлежащих нам, разбил там лагерь и охотится на наших бизонов. Как с ним поступить? Пусть каждый воин скажет по очереди.

— Велеть ему убираться подобру-поздорову, — предложил Парнишка.

Чарльз Рассел. Четыре индейца верхом на конях

— Это слова не война! — крикнул Толстик, с головой окунувшись в игру. — Убить его, Великий Вождь, и его скво тоже!

Двое маленьких воинов рассмеялись, а кузен Джон снова пискнул:

— Шалтай-Болтай.

— Верно сказано! Запомните имя подлеца! — объявил Папа. — Теперь вместе со мной племя вступает на тропу войны! Мы покажем бледнолицему, как убивать наших бизонов!

— Значит, так, — воинственно распорядился Толстик, заметив пристроившуюся в конце Крошку, — женщины нам на войне не нужны. Пусть сидят у вигамов и готовят пищу.

Предложение было встречено жалобным плачем.

— Белая Бабочка пойдет с нами и будет перевязывать нам раны, — заявил Папа.

— Скво знают толк в пытках, — заметил Парнишка.

— Право же, Папа, эта игра слишком жестокая и безнравственная, — наконец возмутилась леди Солнышко, до этого одобрительно наблюдавшая за всем происходившим из угла гостиной. Имбирный эль вызвал у нее сомнения, трубка мира привела в ужас.

Единственное, что ее радовало, — то, что дети были в полном восторге.

— Да, весьма! — согласился Великий Вождь, спускаясь на грешную землю. — Мне кажется, поэтому-то они ее так любят. Итак, воины, мы вступаем на тропу войны. Еще один клич, и мы выступаем. Вот так! Все за мной след в след. И ни звука! Если кто-то отстанет, пусть крикнет совой, а остальные ответят писком степной ящерицы.

— А каким писком?

— Да любой сойдет. И не шаркать. Когда индейцы на тропе войны, они ступают быстро и бесшумно. Если увидите, что кто-то прячется в кустах, сразу же убейте его, но не останавливайтесь, чтобы снять с него скальп.

— Ну, право же, дорогой, это уже чересчур! — вновь послышалось из угла.

— Великая Повелительница хочет, чтобы вы все-таки скальпировали его. Ну! Все готовы? Тогда вперед!

Цепочка тронулась, Папа с ружьем в авангарде, затем Парнишка и Толстик, вооруженные топориками и игрушечными пистолетами, сосредоточенные и воинственно напряженные, словно настоящие краснокожие. Двое замыкающих шли не так аккуратно, но были также всецело поглощены игрой. Этот странный боевой строй обошел вокруг мебели, выбрался на лужайку, обогнул густые заросли магнолии, прошествовал по двору и оказался у деревьев на самом его краю. Там Папа остановился, поднял руку вверх и обернулся. Его суровое лицо заставило детишек замереть.

— Все здесь? — спросил он.

— Все, все.

— Тихо, воины! Ни звука. Там, в кустах, — вражеский лазутчик. Вы двое со мной. Ты, Красный Бизон, и ты, Черный Медведь, подползите и прикончите его. Только без шума. Быстро и сразу. Когда все сделаете, дайте нам клич лесного голубя, и мы к вам присоединимся.

Двое воинов поползли к кустам, как заправские разведчики. Папа оперся на ружье и подмигнул леди Солнышку, которая встревоженно следила за происходившим, словно курица-наседка, присматривающая за разбежавшимися цыплятами. Двое юных индейцев хлопали друг друга и хихикали. Вскоре впереди раздалось воркование лесного голубя. Папа и племя двинулись к кустам, где их ждал передовой отряд.

— Великий Вождь, мы не нашли никакого лазутчика, — доложил Парнишка.

— И некого было приканчивать, — добавил Толстик.

Вождь нисколько не удивился, потому что выдумал лазутчика. Но признаваться в этом было никак нельзя.

— Вы нашли его след? — строго спросил он.

— Нет, Вождь.

— Дайте-ка я посмотрю.

Папа обследовал кусты с исключительной тщательностью.

— Прежде чем пали снега, здесь прошел человек, одетый в серое, с рыжими волосами и косою на левый глаз. По следам видно, что его брат держит бакалейную лавку, а его жена тайком курит.

— Ой, пап, а как ты все это узнал?

— Это легко, сынок, когда есть опыт. Слушайте, мы же индейцы на тропе войны, и помните об этом, если дорожите своим скальпом! Ага, вот и след Шалтай-Болтая!

На этом месте дядя Пэт оставил клочки бумаги, и Папа это прекрасно знал. Ребята бросились собирать их по кустам, словно свора разгоряченных гончих. Вскоре был объявлен привал.

— Великий Вождь, а почему подлый бледнолицый везде оставляет за собой бумажки?

Папа сделал над собой усилие и произвел мыслительную работу.

— Он рвет написанные им подметные письма. Потом он снова их пишет и снова рвет. Вы сами увидите, что он бросает их всюду, где бы ни шел. А теперь вперед, храбрые воины!

Дядя Пэт «наследил» по всему саду, и племя ринулось по его следу. Наконец, они остановились у проема в живой изгороди, за которым открывалось поле, где стоял небольшой сарайчик, построенный Папой. На нем висела яркая табличка с надписью «РАБОТАЮ». Он служил прекрасным прикрытием и убежищем, когда Папе хотелось спокойно покурить или немножко вздремнуть. Кроме сарайчика в поле ничего не было, но в этот раз Вождь быстро утащил все племя за изгородь и шепотом приказал им осторожно посмотреть сквозь ветви кустарника.

В самой середине поля на треножнике из жердочек висел чайник. По обе стороны от него сидели сгорбленные фигуры, закутанные в цветастые одеяла. Да, славно и на совесть поработал дядя Пэт.

— Вы должны взять их прежде, чем они успеют схватить винтовки, — приказал Вождь. — Что делать с лошадьми? Черный Мед-

Охота на бизона. Старинная гравюра

ведь, пройди вдоль изгороди и узнай, есть ли у них лошади. Если нет, свистни три раза.

Вскоре послышался свист, и воин вернулся.

— Если бы кони там были, что бы ты сделал?

— Скальпировал их! — выступил Толстик.

— Дурачина ты! — заявил Парнишка. — Ты когда-нибудь слышал о лошадином скальпе? Их надо разгонять в разные стороны.

— Конечно, — согласился Вождь. — Если видишь пасущуюся лошадь, надо к ней подползти, вспрыгнуть ей на спину и мчаться прочь во весь опор, спрятав голову ей за шею, так чтобы видна была только твоя нога. Всегда помните об этом. Однако нам нужно схватить и убить этих мерзавцев, вторгшихся на нашу землю.

— К ним надо подползти?

— Да, подползти. Действовать по моему сигналу. Брать живьем. Я хочу их сперва допросить. Отнесете их в хижину. Начали!

Маленькие фигурки двинулись вперед, двое пухленьких малышей и двое гибких и энергичных мальчишек. Папа стоял за кустами

и наблюдал за ними. Они растянулись в линию и подкрадывались к лагерю чужаков. Затем по команде Вождя они издали боевой клич и ринулись на бледнолицых, размахивая оружием. Секундой позже ревущие воины уже тащили двух тряпичных трапперов к хижине. Когда Вождь вошел внутрь, пленники стояли в углу, прислоненные друг к другу, а восторженные индейцы танцевали перед ними свой победный танец.

— Раненые есть? — спросил Вождь.

— Нет, нет!

— Руки им связали?

С насупленным серьезным лицом Красный Бизон произвел движения позади каждого из чучел.

— Они связаны, Великий Вождь.

— Что будем с ними делать?

— Головы им отрубить! — взвизгнул Толстик, снискавший себе славу самого кровожадного из всего племени. В реальной же жизни они частенько наблюдали, как он рыдал над каждой раздавленной гусеницей.

— Надо бы их к столбу привязать, — заметил Парнишка.

— Зачем вы охотитесь на наших бизонов? — сурово вопрошал Папа.

Пленники хранили угрюмое молчание.

— Можно, я застрелю зеленого? — спросил Толстик, доставая деревянный пистолет.

— Подожди, — остановил его Вождь. — Лучше всего оставить одного в заложниках, а второго послать сказать Вождю Бледнолицых, чтобы тот в три дня заплатил выкуп.

Но в этот момент, по выражению одного великого писателя, «случилось нечто странное». Послышался звук поворачиваемого ключа, и все племя оказалось запертым в хижине. Секундой позже в окне появилось ужасное лицо, сплошь покрытое грязью и травой, свисавшей из-под маленькой кепки. Жуткая фигура исполнила танец победы, а потом нагнулась и подожгла сложенные у окна бумагу и стружку.

— О боги! — вскричал Вождь. — Это же Желтая Змея, свирепый вождь Красноносых!

Снаружи разгоралось пламя и поднимался дым. Все было задумано и исполнено просто великолепно и совершенно безопасно, но оказалось чересчур для маленьких воинов. Повернулся ключ, дверь отворилась, и двое рыдающих малышей упали в объятия стоявшей

на коленях леди Солнышка. Красный Бизон и Черный Медведь изо всех сил выдерживали характер.

— Я не испугался, пап, — заявил Парнишка, хотя и заметно побледнел.

— Я тоже нет! — крикнул Толстик, пулей вылетая из сарая.

— Мы запрем пленников без пищи и воды, а наутро созовем военный совет, чтобы решить, что с ними делать дальше, — объявил Вождь. — Сегодня мы сделали достаточно.

— И вправду, на сегодня достаточно, — согласилась леди Солнышко, успокаивая плакавших малюток.

— Вот так всегда бывает! — в сердцах воскликнул Толстик. — Всяким скво не место на тропе войны!

— Да ладно тебе, здорово ведь в индейцев поиграли, — примирительно сказал Парнишка, и тут раздавшийся из дома звонок позвал всех их к вечернему чаю.

О ШАЛОСТЯХ, ЛЯГУШКАХ И ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТИНКАХ

Как известно каждому равнодушному и обладающему кое-каким опытом родителю, существует великое множество видов и способов детского непослушания. Что касается нашего трио, различия в озорничании весьма явственны. Парнишка озорничал довольно редко, но если он находился в шкодливом расположении духа, то справиться с ним было не так-то просто. Толстик, напротив, проказничал хладнокровно и расчетливо, всем своим существом демонстрируя, что, мол, «я сейчас буду шалить», и это могло кончиться легкими телесными наказаниями. Крошка отбивалась от рук нечасто, но если уж в нее вселялся мятежный дух, то он как бы кричал «мне все равно, а вот запущу-ка я тапочками в потолок», и обуздать его не представлялось возможным. Вот поэтому вконец расстроенной леди Солнышко и тайком ухмыляющемуся Папе оставалось лишь ждать, пока сей демон уймется сам.

Все вышеизложенное необходимо для того, чтобы понять, почему Толстик не на шутку расшалился в тот памятный день. Во-первых, его постигло разочарование, а когда это случалось, он обычно давал выход своим чувствам. «Крушение надежд» состояло в том, что Папа, будучи в слишком благодушном настроении, недвусмысленно дал

понять, что совсем скоро все племя обязательно соберется во мраке ночи и дотла сожжет коттедж кучера, одновременно обрушив град стрел на окна и двери этого презренного строения. Толстик со всей серьезностью заготовил пучки соломы и ждал команды. Однако ему пришлось объяснять, что Папа несколько «переборщил» со стратегическим планированием, и что закон со свойственной ему косностью и непомерной суровостью решительно препятствует подобного рода забавам.

Во-вторых, накануне случилось нечто, что вызвало у него настоящее нервное потрясение. Это была трагедия в трех действиях. В первом акте Толстик обнаружил осиное гнездо и разворошил его. Во втором — обитатели гнезда засекали Толстика и нанесли ответный удар. В третьем — апофеозом трагизма явилась ария Толстика, которая была слышна по всей округе, поскольку он обладал голосом, производившим невиданную доселе плотность крика и воплей на квадратный метр. Так что, возможно, после этого происшествия у него и могли появиться какие-то оправдания своему озорству.

Но это озорство, подобно многим другим его выходкам, выразилось в довольно странной форме, поскольку Толстик был весьма изобретателен. Все началось с его дополнений к молитвам, и носили они отнюдь не благонравный характер. Так, обращаясь к Создателю, он сказал: «Пусть я буду послушным мальчиком, каков аз есмь!» По подсказке матушки он произнес: «Дай мне быть сдержанным с другими, — а потом прибавил: — И дай другим быть сдержанными со мной». В конце концов, он показал, насколько нуждался в сдержанном отношении со стороны всех остальных, когда совсем уж распоясался и, весь в слезах, яростно бросился с кулаками на Парнишку. Тот встретил сей неистовый натиск со снисходительным презрением и заметил ледяным тоном: «Пойди-ка, высморкайся!» — после чего атака бесславно выдохлась. Это явилось очередным проявлением рыцарского характера Парнишки, спокойного, бесстрашного и хладнокровного перед лицом опасности и столь же доброго и мягкого по отношению к своим близким.

Итак, виновный был наказан и отправлен в сад с тем, чтобы в тишине подумать над своим поведением и обуздать свой пыл. Вскоре, однако, родители, как и всегда, смягчились и, не торопясь, вышли в сад посмотреть, как там цветы, как там погода, как там... да все, что угодно, лишь бы под любимым, тщательно скрываемым друг от друга предлогом посмотреть, как изгнанник переносит страдания. Каждый из взрослых прекрасно осознавал надуманность их поводов.

Кающегося грешника видно не было, но очень скоро, подойдя к окруженному густым кустарником пруду, они услышали высокий, неуверенный детский голос:

— На людоедском острове жила
Темноволосая красавица одна...

Папа поднес палец к губам, и двое взрослых, словно играя в индейцев, подкрались к кустам и осторожно посмотрели поверх их. То, что они увидели, запомнится им надолго. Толстик стоял лицом к пруду, размахивал руками, качал головой и распевал:

— От злости покраснев, жениху говорила она:
Комплиментов не слушаю, я тебя лучше скушаю.
Для двоих моя хижина слишком тесна.

Когда он пел эту жуткую балладу, услышанную от няньки, его взгляд был столь напряжен, что увидеть слушателей не представляло большого труда. На траве у самой воды сидели шесть лягушек и смотрели вверх своими выпученными глазами. Выглядели они очень комично и напоминали разъевшихся театральных критиков, усевшихся в первом ряду партера.

— Эй, привет! — воскликнул Папа, появляясь из-за кустов. Раздались шесть всплесков — критики исчезли.

— Привет! — добродушно откликнулся Толстик, никогда ни на кого не державший зла, даже если его и наказывали.

— Поешь лягушкам?

— И двум водяным жукам, — добавил Толстик, обладавший какой-то скрытой властью над всякой живностью. — Был еще тритон, но он куда-то исчез.

— Милый, и им понравилось, да? — спросила леди Солнышко, обнимая своего провинившегося сына.

— Ну да, по-моему, понравилось. Они так глотки раздувают, когда им что-то нравится. Я им целых два раза спел.

Вскоре появились Парнишка с Крошкой. Крошка прямо-таки лопалась от гордости, потому что днем раньше ее возили в Лондон к врачу, которого она, неправильно расслышав Папу, упорно называла «окультистом». Доктор проверил ее зрение и, вернувшись домой, она полдня сидела в углу с кусочком стекла, представляя себя «окультистом», играя во врача. При этом, как и подобает настояще-

му актеру, она «исполняла» эту роль не для того, чтобы произвести впечатление на окружающих, а ради собственного удовольствия, делая это в свойственной ей скромной и сдержанной манере. Ригли, ее старая стеганая подушка, выступала в качестве пациента. Ее уже по-всякому крутили и вертели, а теперь осматривали воображаемые глаза. Крошка настояла, чтобы взять Ригли в Лондон, но эта старая, набитая пухом тряпка имела вид настолько ужасающий, что Крошке пришлось согласиться везти ее в картонной коробке. «Да, мамочка, мне все очень понравилось, вот только Лигли там чуть не задохнулась!» Со всей резвостью

Эмиль Вернон. Мой маленький котенок

детского воображения она составила целое генеалогическое древо своего оборвыша, состоящее большей частью из каких-то несуществующих имен, но в целом весьма красочное и впечатляющее. Несколькими днями раньше леди Солнышко поразилась, узнав, что накануне Крошка вышла замуж. «Да, мамочка, я вышла за брата Лигли», — объяснила она и после этого несколько дней ходила с важным видом, представляя себя замужней дамой.

Ранее уже говорилось, что в каждом периоде детского возраста можно проследить этапы развития человечества — пещерного человека, охотника, земледельца, даже стадию идолопоклонника. Но есть один период, который может поставить исследователя в тупик — это период так называемых «превращений». Он очень хорошо и ярко проявляется, очень быстро возникает и так же стремительно исчезает. Во время него ребенок надолго представляет себя кем-то или чем-то и очень серьезно относится к этому своему «превращению», выказывая чудеса изобретательности, не только играя свою роль, но также весьма оригинально подстраиваясь под роли, играемые

окружающими, давая им возможность найти нужные слова. «Я — пес по кличке Крузо!» — объявляет Толстик. «Лежать, песик, лежать!» — командует Парнишка. Они моментально подхватывают задумки друг друга. «Я — десятиметровый горный удав!» — однажды заявил Парнишка, и весь вечер играл эту роль. «А как же ты в кровать-то поместишься?» спросил Папа. «Свернусь, свернусь, как же еще!» — отвечал сын.

Время от времени они осознают нелепость этих метаморфоз, и тогда раздается самый приятный и самый желанный из всех звуков в мире — искренний детский смех. Но, как правило, они серьезные, как судьи, если это сравнение здесь уместно.

Однажды в самом начале войны Парнишка, тогда совсем маленький, напустил на себя суровый и надменный монарший вид.

— Кто ты сегодня, сынок? — спросила его мама.

— Я — германский император.

— Ах, Боже мой! — воскликнула леди Солнышко. — Ведь Папе это не понравится!

— Папе! Какому-то английскому простолюдину! — высокомерно ответил кайзер.

В тот день Парнишку обуяло непослушание, и он упорно гнул свою линию. Подобной находчивостью дети очень часто, осознанно или неосознанно, переигрывают взрослых.

— А кем ты станешь, когда вырастешь? — благожелательно спросил кто-то из гостей.

— Ну конечно, как Папа — ничего делать не буду! — последовал ответ.

Если хотите узнать, как работает живой детский ум, возьмите книжку с картинками, которые наверняка вызовут у детей неподдельный интерес, и спросите их, что они там видят. У Папы есть иллюстрированная история древнего мира, вызывающая восторг как у учителя, так и у маленьких учеников. Начинается она с Вавилона, потом идут Ассирия, Египет, Греция и все остальные государства древности. Наше трио усаживается тесным кружком на ковре в гостиной, взирая на портреты предков на стенах, и гадают, кто же это может быть. А в это время Папа, возвышаясь в кресле, начинает притворяться, будто знает гораздо больше, чем на самом деле.

— Что это? — спрашивает он.

«Это» представляет собой часть гробницы эпохи неолита со скелетом и ритуальными сосудами вокруг него.

Дети внимательно рассматривают рисунок.

— Это живот слона и человек, которого он съел, — твердо заявляет Толстик.

— Слоны не едят людей, — замечает Парнишка. — Они едят булочки.

— Это кастрюли, — произносит Крошка. Она говорит редко, но очень уверенно, и всегда попадает в точку.

— Верно, милая, кастрюли. Человек умер, его похоронили, а утварь пригодится ему в загробной жизни. Так думали в те времена. А это что?

— Волчица кормит дядю Рема.

— Ромула и Рема. Это два мальчика, которые выросли и построили Рим. Их вскормила волчица.

— А интересно, они знали о Маугли? — спрашивает Парнишка. — У него ведь тоже была волчица вместо мамы.

— Как здорово, что у нас нормальная мама! — вступает Толстик. — Молиться на ночь вместе с волчицей! Страх какой, а?

— Они выросли очень сильными, — продолжает Папа, — и возвели прекрасный город, который в свое время покорил весь мир.

— Но не Англию, — веско возражает Парнишка.

— И Англию тоже.

— Ух, ты! — выдыхают все трое.

— Но не всю, — настаивает Парнишка.

— Знаешь, а ведь нам это пошло на пользу, — объясняет Папа. — Мы ведь тогда еще бегали в звериных шкурах, а римляне многому нас научили. Ну-с, ребята, а это что такое?

Удивительно, сколько полезного смогут узнать дети, если обучение превратить в игру, а не сделать обязанностью. Некоторые из картинок они видели раньше, так что сейчас тараторят наперебой, дополняя друг друга.

— Вот здесь греки устраивали игры.

— А вот тут мчались по кругу на колесницах.

— В этом храме жил бог.

— Это Вавилон, там у них были огромные такие каменные ступени с садами, а дома они строили из глины. Сейчас там только черепки лежат, а вокруг собаки бегают.

— Это царский дворец. А вон царь убивает львов на стене.

— Так, — говорит Папа. — А это что?

Вот так загадка. На фреске египетский надсмотрщик с табличками для письма в руке показывает темнокожим рабам, что им делать. Руки его очень странно изогнуты.

— Один боксирует против шестерых, — полагает Парнишка.
— Это женщина и шесть мужчин, которые хотят жениться на ней, — таково мнение Толстика.

Крошка лишь качает своей маленькой кудрявой головкой.

— Солдаты, — произносит она.

Так они продолжают гадать и высказываться, переворачивая страницы с завлекательными картинками, споря о наскальном изображении доисторического человека, об индейском рисуночном письме или о загадочном фрагменте стены из храма ацтеков, затерянного в непроходимых джунглях на Юкатане. В сгущающихся сумерках Папа откинулся на спинку кресла, он курит, смотрит и слушает. Всполохи огня в камине озаряют любопытные и увлеченные лица детей. Они — свежая поросль на молодых ветвях великого древа жизни. В этой книге они видят творения давно увядших цветов на ветках, зачахнувших много столетий назад. Они также будут трудиться и также уйдут в глубину веков, а на смену им придут другие. Пройдут тысячелетия, и люди будущего так же станут смотреть, гадать и смеяться, видя изображения наших неуклюжих кораблей, аэропланов и других, с их точки зрения, примитивных устройств, с помощью которых мы пытались перехитрить Природу и поставить ее себе на службу. Работа и работа — безо всякого конца? Жажда жизни неослабна и неутолима, и именно она движет человечество вперед. С одной стороны — прозябающие в пещерах первобытные люди, с другой — возможно, торжество Духа и Разума человеческого. Папины мысли простирались гораздо дальше и вмещали в себя гораздо больше, чем он мог сказать детям, когда смотрел на три маленькие головки, склонившиеся над лежащей рядом с камином старой книгой.

БИЛЛИ БОНС

Как правило, Папа вел себя очень строго и серьезно, отмечая все незначительное, а значительное записывая на листах бумаги. Но когда он был в настроении, он мог выдумывать самые разнообразные игры, о которых, возможно, захотят узнать другие папы, даже если их несчастным мамам придется устраивать после этого большую стирку. Давайте посмотрим, что за игру он придумал на этот раз. Хитрый Папа приготовил все заранее — чтобы игра удалась на

славу, надо приложить некоторые усилия, — но никому ничего об этом не сказал.

На Рождество выдался светлый и ясный день.

— Я так рада, что Христу в Его день рождения так ярко светит солнышко! — сказала Крошка, которую нам придется называть Вилли, поскольку с недавних пор она откликается только на это имя.

— Да, — добавил Толстик. — Надеюсь, Он получит много-много поздравлений.

— Как, наверное, Бог гордится Им, — заметил Парнишка.

Папа позволил всем детям искать собственное отношение к Богу, и в их невинных умах эти отношения сложились очень светлыми, добрыми и весьма «очеловеченными». Возможно, они сложились бы еще более необычными, если бы не тонкое и мудрое вмешательство леди Солнышка. В их вере присутствовало что-то совершенно умиленное и трогательное. «Дорогой Боженка» — именно с этих слов начинались их молитвы. Христос представлялся им прекрасным и восхитительным старшим братом, могущим сделать все на свете, и сделать это лучше всех остальных. Безжалостная логика, порожденная их наивными умами, множество раз ставила Маму в тупик, поскольку она не так быстро реагировала на постоянно меняющуюся обстановку, как Папа, который мог в крайнем случае разрешить спор при помощи диванной подушки.

— Мамочка, а как ты думаешь, в детском раю есть крикет?

— Я уверена, милые мои, что там есть все, чтобы девочки и мальчики были счастливы.

На трех серьезных детских личиках читается напряженное обдумывание полученного ответа.

— Ну, если так, — нарушает молчание Парнишка, — то крикет там, конечно же, есть.

Мама не вдается в дальнейшее обсуждение, так что вопрос считается решенным. Однако из него следуют неизбежные выводы.

— Ну, хорошо, если там есть крикет, то Христос, значит, играет?

Мама лихорадочно соображает и, как ей кажется, находит спасительный ответ.

— Ну, милый мой, если детям от этого хорошо, то Христос сделает все, что угодно.

— Так значит, Он пойдет играть, если Его позовут? — спрашивает Парнишка.

— Он будет играть, если кому-то игрока не хватает, — вставляет Толстик.

— По-моему, вам пора пойти поиграть на лужайке! — чуть не взрывается вконец утомленная этими словесами леди Солнышко.

— По-моему, Он бы нам классную компанию составил, — со всей серьезностью задумчиво произносит Парнишка.

— Он, наверное, здорово в кегли играет, — добавляет Толстик.

Папа, до этого с ухмылкой наблюдавший за Мамой и детьми из-за полуопущенной газеты, решил, что пришло время вмешаться.

— Ну что ж, играть — не пахать, верно? — веско спросил он, а затем добавил: — Так вот, как насчет сыграть в Билли Бонса?

В ответ послышались восторженные крики и бурные аплодисменты. На брошенный клич собрались все соседские мальчишки: восьмилетний кузен Джон, ровесник Крошки-Вилли, и его младший брат Фрэнк. Джон помолвлен с Вилли, так что он постоянно предупреждает Фрэнка, чтобы тот прекратил целовать ее.

— А я все равно буду, — упрямится Фрэнк.

— Тогда скорей бы ты простудился, чтобы тебе запретили целоваться, — заявляет Джон.

Джон и Вилли все утро провели на улице, подыскивая себе дом. Но их роман — совсем другая история, так что мы вернемся к тому месту, когда кроме них пришли еще с десятков ребятишек.

Папа сидел на краю стола и взирал на серьезные детские лица. Очень важно сосредоточиться, если предстоит большая и долгая игра. Настало время военного совета.

— Итак, — начал Папа, многозначительно помахивая трубкой. — Никто не должен участвовать в нашем предприятии, не осознав, что ему предстоит. Как вы все, надеюсь, понимаете, дело весьма и весьма опасное.

Те, кто постарше, от этих слов пришли в восторг, а кто помладше — в ужас.

— Еще есть время, — продолжал Папа с еще более зловещим видом, — отказаться и выйти из игры. Мы как-нибудь прорвемся, хотя придется рискнуть.

Все приготовились рискнуть, однако кто-то из малышей чуть не захныкал, но быстро замолчал, услышав от своего брата страшное слово «трус».

— Так вот, — объяснил Папа, — вы все, конечно, знаете, в чем дело. В наших краях объявился отпетый негодяй, одноногий пират Билли Бонс!

Тень Стивенсона, прости великодушно двуногого пирата, пишущего эти строки!

— А что он такого натворил? — робко спросил кузен Джон.

— Что натворил, говоришь? Чем меньше об этом знаешь, тем лучше!

— Очень-очень страшное? — поинтересовался Толстик.

— Ну, не то чтобы очень страшное, — успокаивающе сказала Мама. Тем не менее лица ребятишек вытянулись от страха.

— Столь ужасное, что Мама боится даже обмолвиться об этом! — продолжал Папа. — Итак, дело в том, что он был замечен неподалеку отсюда, и его легко отыскать по следам его деревянной ноги. Или мы его поймаем, или он разделается с нами. Если ему удастся от нас ускользнуть, мы в любом случае найдем его сокровища. Все готовы?

В ответ раздался нестройный гул голосов.

— У всех есть палки или другое оружие?

Ну, разумеется, у всех. Папа достал из бокового кармана револьвер, что придало всему происходившему еще более зловещий антураж.

— Если мы начнем, то должны довести это дело до конца, — торжественно закончил Папа. — Еще не поздно отказаться от этого рискованного предприятия.

— А девчонок туда берут? — спросил Толстик, косясь на Вилли, и тут же громко взвыл, получив от сестры палкой пониже спины.

— Хватит дразниться. Дело очень серьезное. Да, вот еще что. Если нам по пути встретится высокий смуглый человек с косыми глазами, одетый в длинный плащ, немедленно хватайте его. Не дайте ему уйти. Это Джек Гилмор, сообщник одноногого пирата.

Тут Папа чуть было не опозорился, поскольку рассмеялся, что совершенно недопустимо во время такой сложной операции, как охота на пирата. Он вдруг представил себе весь комизм ситуации, если им вдруг действительно попадется какой-нибудь безобидный господин, отвечающий этому описанию, и как все вцепятся в него, словно свора охотничьих псов.

— Все в порядке, ребята, — пробормотал Папа, снова входя в роль. — Мне стало смешно, когда я представил себе физиономию Билли, пришедшего за своими сокровищами и обнаружившего, что там ничего нет. Так, всем построиться у выхода в сад. Все на месте? Ага, а вот и первая ниточка.

Он вынул из кармана клочок бумаги. Под зловещим черепом с костями красовалась надпись:

На пять на восток и на запад пройдешь —
Жилетку от трупа торговца найдешь.

— Запад там, — объявил Папа, указывая прямо из открытой двери.

Ребятишки сгрудились в кучу и начали совещаться, а Папа тем временем раскурил трубку и ждал развития событий.

— На пять чего? — спросил кто-то.

— Ну, в книжках это обычно ярды, — солидно высказался Парнишка.

— А может, на пять шагов? — предположил Толстик.

— Значит, так — пять шагов на запад, а потом столько же на восток.

— И попадем опять сюда.

— Здесь точно какая-то ошибка.

— А может, эта вещица и есть здесь? — вставил тихий маленький мальчик по имени Броди.

Все подозрительно уставились на коврик. И вправду, у самой стены он как-то странно вспучивался. Через мгновение они его подняли и увидели маленькую жилетку с торчавшим в ней ножом для разделки мяса. За подкладку вылили по меньшей мере полбутылки красных чернил. Леди Солнышко пришла в ужас от такого натурализма, но Папа, человек куда более стойкий и суровый, остался верен себе и постарался до предела сгустить краски. Все притихли и раскрыв рты смотрели на эту ужасную находку.

— Возможно, там какая-нибудь улика или ниточка.

— Да-да, вот она.

Из кармана торчал бумажный уголок. Его тотчас же вытащили. Развернув бумагу, под пиратским символом они прочли:

Не медлить, не мешкать, скорее вперед!

В карьере вас фляга давно уже ждет!

Не успела брошенная бумажка коснуться земли, как вся стая ринулась бегом, словно взяв свежий след. Папа с двумя или тремя оставшими медленно шел следом. В округе был всего один карьер, так что «гончие» продрались сквозь кусты утесника, резво одолели выгон, и один за другим скатились в низину, упершись в высокую, испещренную разрезами стену из песчаника, где чередовавшиеся слои мелких камней и валунов наглядно демонстрировали сме-

ну геологических эпох. В самом дальнем углу красовался огромный трехпалый след какого-то доисторического животного. На Билли Бонса это вряд ли было похоже, однако Папа, опершись на свою трость, с каким-то странным удивлением и восторгом залюбовался малыми чадами рода человеческого, стоявшими на фоне своей древнейшей истории и у окаменевшего следа давно сгинувшего во мраке времени чудовища.

Они что-то вынюхивали, хныкали, сходились вместе и вновь разбегались в стороны, словно чуть подросшие щенки. Затем раздался радостный возглас, и тонкая, по-детски нескладная фигурка Парнишки рванулась вверх по склону и повисла на самом краю. Там, в двенадцати метрах от земли, лежала Папина медная кружка для бритья, холодно поблескивая в лучах скупого зимнего солнца. По чьей-то нелепой прихоти она оказалась под большим камнем. Чтобы достать ее, пришлось бы перелезть через уступ и отвалить камень, но Парнишка не боялся высоты, и минутой позже кружка уже лежала на земле в окружении склонившихся над ней любопытных лиц. Оказавшийся внутри клочок бумаги тут же вытащили и прочли следующее:

На третьей поляне к востоку от края
Сидит чудо-птица в кустах, выжидая.
Поищите там и поищите сям —
Найдете вы Бонса по свежим следам.

Вся стая вновь издала победный клич и со всех ног ринулась вниз по крутому склону на дальнем конце карьера, потом сквозь заросли можжевельника, вдоль поля для гольфа, пока все они не оказались на третьей по счету поляне, откуда сразу побежали к соседней живой изгороди, действительно, больше напоминавшей ряды кустов. Там они обнаружили весьма странного вида птицу, в свое время служившую крышкой для пепельницы, с торчавшим из колючего куста красным клювом. Теперь все стало ясно без всяких записок, и стайка детей рассыпалась в разные стороны, выискивая следы. Однако один маленький мальчик отбился от нее, подошел к Папе и задал каверзный вопрос.

— А скажите, пожалуйста, сэр, почему когда Билли Бонс убегает и прячет сокровища, он оставляет следы, куда он побежал?

Папа изобразил на лице напряженную работу мысли.

— Тсс, я никому не говорил, — заговорщически прошептал он, — но только между нами: у Билли Бонса есть жена-негритянка, которая

напрочь с ним рассорилась и люто его ненавидит. Это она оставляет следы, чтобы досадить ему.

Мальш было открыл рот, чтобы задать очередной неприятный вопрос, как тут раздался победный клич, возвестивший о том, что Вилли и Джон, бежавшие парой, как и положено помолвленной чете, наконец попали на след. С этого места коварная негритянка везде оставляла бумажные шарики, отмечавшие путь бегства ее муженька. Глядя во все глаза, ребятишки вновь ринулись вперед — вниз по пологому склону, через калитку, вдоль края поля, а потом...

Их глазам предстало действительно жуткое место, спуститься куда отважился бы не каждый взрослый. Справа от них лежала поросшая густым кустарником лощина, в самом низу которой струилась мелкая речушка, с виду напоминавшая широкий ручей. К ней вела узкая тропинка, вившаяся поперек их прежнего пути. Ребята сгруппировались на краю и напряженно смотрели вниз. Точно ли след здесь? Да, где-то там, в кустах ежевики, белел клочок бумаги. От него их отделяли почти восемь метров крутого, скользкого глинистого склона. Один за другим, усевшись на землю, они скользили вниз. Последним спустился Джон, прижавшись к Вилли и обмотав ее тоненькую талию ремешком, привязанным к рукоятке палки. Потом кто-то поскользнулся, и во мгновение ока стройное прямоугольное построение превратилось в бесформенную кучу орущей и визжащей детворы. Однако все быстро поднялись на ноги и побежали сквозь колючие кусты и валуны, пока не вышли на тропинку, ведущую к речушке. Оттуда они понеслись по заросшей лощине. Трусливый Папа обошел ее безопасным окольным путем, поскольку его комплекция не позволяла ему скатываться по откосам, к тому же он заметил след еще утром.

Билли Бонс пробежал вдоль самой речушки, продираясь сквозь нависавшие ветви и густое мелколесье. Затем, как и подобает путающему след негодяю, он снова пустился вверх по крутому глинистому склону длиной чуть больше двадцати метров, но на сей раз не такому скользкому и поросшему пучками травы. Подъем выдался нелегким, много раз они падали и поднимались, но, наконец, вся перепачканная грязью и запыхавшаяся компания добралась до верха и порывалась бежать дальше, однако их останавливали доносившиеся снизу грозные окрики Папы, велевшего стоять и ждать, пока не подтянутся все отставшие. Затем нужно было идти снова вдоль края поля, следя, чтобы лощина оставалась справа. Лощина эта известна с незапамятных времен под леденящим душу именем «Долина

мертвецов», напомиравшем о сотнях людей, сгинувших здесь еще во времена нашествия данов. Чуть далее речушку перекрывает Красный мост, названный так в память о временах, когда вода тут текла алой от крови. Географические названия в «доброй старой Англии» могут многое рассказать о делах минувших веков.

Но маленькие, раскрасневшиеся от бега мальчишки и девчонки, современники славного короля Георга Пятого, знать не знали и слыхом не слыхивали о теньях прошлого, судя по легендам, обитавших в этой лощине. Почти полкилометра они бежали вдоль склона по орешнику. Потом тропинка вдруг внезапно нырнула вниз, и снова образовалась орущая и визжащая куча-мала, сползшая к самому берегу речушки, несущей свои бурые от железистой пыли воды из самого Суссекса. Теперь путь был только один — вверх по течению, и все мамы всплеснули бы руками от ужаса, если бы им довелось увидеть, как их любимые чада спотыкаются о замшелые валуны и по щиколотку проваливаются в воду, идя по следу, ведшему их к логову Билли Бонса.

Они преодолели множество сопряженных с нешуточной опасностью поворотов, когда гуськом шли по крошечным затомам, ступая

Пиратские сокровища (иллюстрация из издания
«Three of Them. A reminiscence ...», London: John Murray, 1923») ❀

между скользкими камнями и хватаясь за свисавшие ветви, в то время как Папа зорко присматривал за ними, помогая им своей прочной тростью, сильными руками и ободряющим словом. Изысканные серебристые березы и высокие тонкие побеги бука тянулись к самой воде, образуя своего рода туннель. Острые юные глаза бросали взгляды во все стороны, чтобы не пропустить пиратский клад, до которого уже было рукой подать. Вдруг кто-то нашел в воде бутылку.

— Это он! — радостно вскричал Папа. — Это его бутылка из-под рома! Мы уже рядом. Вперед, ребята, вперед!

Но чуть дальше лощина изогнулась, и перед ними оказался водопад. От уступа тянулась полоса зеленых скользких камней шириной в три с небольшим метра, сплошь омываемая водой, кроме одного участка, где можно было пройти по чуть выступавшим из потока валунам. Погоня достигла своей наивысшей точки. Совсем рядом таилось логово Билли Бонса.

— Тихо, тихо, иначе он разделается с нами по одному!

С пугающим восторгом дети внезапно осознали, что все прежние домашние запреты исчезли, словно по мановению волшебной палочки, когда руки их погрузились в холодную воду, затекавшую под рукава. Подъем дался нелегко, но его одолели все до единого. Здесь, согласно приказу, они остановились, поджидая Папу. Говорить можно было только шепотом.

— Он там, за углом! — прошептал Папа, вытаскивая револьвер. Затем, вдруг повысив голос до крика: — Вперед, ребята! Покончим с негодяем раз и навсегда!

Кто-то знал, что это игра. Кто-то сомневался. Больше половины приняли все происходящее за чистую монету благодаря тщательному планированию. Исполненные настоящей британской отваги, они с криками бросились вперед и ворвались в логово пирата. Оно представляло собой некое подобие шалаша из камней, соломы и земли, сбоку которого имелось небольшое углубление. Билли Бонса там не было, но ребятишки все равно издали радостные крики, поскольку они все-таки нашли сокровище. За камнями лежала коробка с медными накладками и с надписью на бумаге, прихваченной к крышке огромной восковой печатью. Надпись гласила:

Сокровище Билли Бонса
Привезено с Кокосовых островов.

Цена: 240 000 долларов золотом.
Доподлинно: знак Билли — X.

— Билли Бонс сбежал! — выкрикнуло несколько дрожащих голосов, и поднятые вверх палки медленно опустились.

— Тем лучше для него! — сурово произнес Папа, пряча револьвер. — Нет, здесь сокровище вскрывать не будем — вдруг алмазы рассыплются. Подождите, пока мы вернемся домой, а там уж хорошенько рассмотрим, что там внутри.

Держась плотной группой и зорко охраняя сокровище, все воинство отправилось домой. Среди всех по-прежнему царила атмосфера опасности. Прелесть настоящей игры состоит в том, что продумываются все детали и «неожиданности». Так что когда вдалеке раздались три выстрела, сделанных охотниками на фазанов, Папа закричал, что это пираты пустились за ними в погоню. Детишки то и дело оглядывались, когда бежали через вересковую пустошь.

Все жадно сгрудились вокруг Папы, когда тот разрезал ножом пропущенную под печатью бечевку.

— Само собой разумеется, — предупредил он, — что пираты в качестве стражей своих сокровищ кладут на них всякие ужасные вещи. Иногда это кисть руки раба, копавшего яму, иногда отравленный кинжал, а иногда и гадюка!

С драматическим скрипом он поднял крышку, и окружавшие его инстинктивно подались назад. Но круг вновь сомкнулся, когда все убедились, что ничего страшного не произошло. С горящими от любопытства глазами они слушали, как Папа с самым беззастенчивым видом серьезнейшим тоном перечислял трофеи.

— Здесь только алмазы, — басил он, встряхивая мешочек с галькой. — Думаю, что они не потянут и на десять тысяч фунтов. Но вот это... — он показал на невзрачный кусок малахита из своего геологического ящичка. — Это, возможно, один из самых больших неограниченных изумрудов в мире.

— Ух ты! — выдохнули ребяташки, глядя на камень круглыми от удивления глазами.

— Да, на торгах в Париже за него давали сто тысяч, но потом почему-то сняли с продажи. Это изумруд под названием «Царь царей». А вот два знаменитых берилла из тюрбана Траванкорского султана. Они соединены вместе одной золотой оправой, потому что никогда не должны разлучаться.

На самом деле это были обычные запонки, но никто не обратил на это никакого внимания.

— А вот эти на первый взгляд медные монеты — искусно покрашенные под медь испанские дублоны и пиастры. Вот драгоценное ожерелье, сорванное с шеи какой-то несчастной знатной дамы. Вот военная награда, безусловно, хранящая какую-то страшную тайну. Здесь серебро, опалы, рубины и прочая мелочь.

— И что нам с этим всем делать?

— Надо, чтобы четверо полицейских доставили шкатулку в Лондон и поместили ее в охраняемое банковское хранилище. А теперь, ребята, мне надо идти заниматься делами.

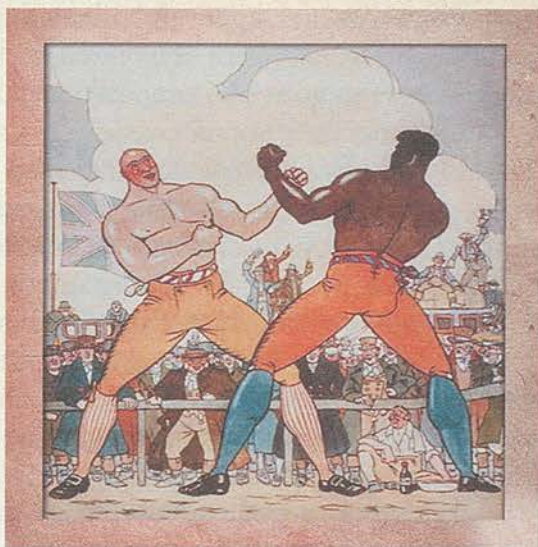
— Нам бы тоже не помешало заняться делами! — с улыбкой воскликнула леди Солнышко, глядя на стоявших перед ней раскрасневшихся, перемазанных грязью и глиной и хлюпавших промокшими башмаками ребяташек.

Ну вот, дорогие мои папы, вы получили от меня в подарок игру «Билли Бонс». У нее масса достоинств. Ей можно занять от десяти до ста самых отчаянных юных сорвиголов. В нее можно играть почти везде — от сада в сто квадратных ярдов до пятимильной вересковой пустоши. Она дает неограниченный простор вашему воображению. Вовсе не обязательно искать сокровища. Поскольку Билли Бонс был «разносторонне развитым» негодяем, вашей целью может стать похищенное завещание, синий глаз Желтого Бога, волшебная лампа Аладдина или скальп знатной индианки. Но, как и все, ради чего стоит жить и творить, игра требует тщательного планирования и проработки. Тогда вы станете настоящим Папой, верным другом и товарищем ваших детей.

ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА

Оба мальчика начали заниматься боксом и очень скоро стали довольно неплохо боксировать; к тому же они прониклись духом этого по-настоящему мужского вида спорта. Это увлечение не обошло стороной и Крошку-Вилли, которой к тому времени исполнилось девять лет. Ее свинг левой с уклоном и джеб правой в корпус сделали широко известными в узких кругах. Тем не менее для нее бокс так и остался не более чем веселой игрой. С мальчишками же дело обстояло совершенно иначе.

Известный чемпион-любитель как-то раз преподнес им по паре маленьких перчаток, и это оказалось самым желанным подарком. Оба они со всей детской непосредственностью и азартом предали себя этой на первый взгляд игре. Леди Солнышко со смешанным чувством гордости, некоторого страха и изумления частенько видела, как ее сыновья яростно дубасили друг друга, и каждый раз не могла удержаться от улыбки, наблюдая их бойцовские поединки.

Жан Рутье. Бокс

Во время «баталий» каждый из них держался по-своему, и Папа, глядя на них своим критическим и вместе с тем благосклонным взором, не спешил исправлять или подгонять под какие-то нормы то, чему научила их мать-природа. Парнишка, сам того не зная, придерживался британских традиций, то есть стоял прямо, равномерно опираясь на обе ноги. Быстрые и прямые удары он наносил левой, а защищался правой рукой. Толстик, если можно так выразиться, «тяготел» к американскому стилю и порой вел себя несколько безрассудно. Обычно он прижимал подбородок к груди, выставив вперед постоянно двигающуюся левую, которой он мог и защищаться, и атаковать. Настоящим наступательным орудием была его правая рука, которой он наносил несколько «закругленные» удары, похожие на апперкот, а свинг у него получался почти как у взрослых спортсменов. Он отличался большей дерзостью и агрессивностью, чем его старший брат, но по очкам обычно ему проигрывал, поскольку увлекался и пропускал удары слева. Однако он мог развить такой натиск, перед которым ошеломленный соперник нередко пасовал, после чего исход поединка становился совершенно непредсказуемым.

— Да ты только посмотри, как быстро они растут и мужают, — однажды заметил Папа в разговоре с леди Солнышко.

Та, по своему обыкновению, смотрела на все с точки зрения здравого смысла.

— Конечно же, дорогой, мальчики должны уметь защитить себя и вырасти настоящими мужчинами. Но не кажется ли тебе, что та книга с картинками по истории бокса...

— Полностью с тобой согласен. Я запер ее в шкафу в кабинете.

— И еще. Все эти твои рассказы о давних поединках и боях. Ведь тогда дрались очень жестоко, голыми руками и за деньги, чуть не убивая друг друга. Однако Парнишка постоянно пристает к тебе с просьбами рассказать о тогдашних чемпионах и победителях. Ты не думаешь, что детям еще рановато все это знать?

— То были поистине великие люди, дорогая. Они являлись воплощением мужества и строгого соблюдения правил борьбы, и во многом благодаря им наше общество не утратило эти идеалы. Если бы не отдельные подлецы...

— Я понимаю тебя, дорогой. И все же твои рассказы порой чересчур натуралистичны. А дети так любят тебя слушать. Когда ты им рассказываешь все эти боксерские истории, окружающий мир просто перестает для них существовать. Парнишка узнал много того, чего ему, мне кажется, пока еще не следует знать. Толстик же порой просто огорошивает меня своими ужасными историями, и я совершенно точно знаю, откуда ветер дует.

— Но, дорогая, дети ведь всегда любопытны, и если бокс им интересен, то совершенно не вижу...

— Бабочки и гусеницы им не менее интересны.

— Ну, хорошо! Ринг отменяется! Говорим только о бабочках и гусеницах!

Итак, семейный совет постановил, что бокс является запретной темой, и Папа намеревался неукоснительно соблюдать это решение. Однако он упустил из виду важнейший психологический момент. Дело в том, что Папа сам увлекался историей бокса и обладал в этой области обширными знаниями, а посему мог часами и с большим интересом говорить на эту тему, в то время как его познания о бабочках и гусеницах были довольно скудными. Поэтому он, как и большинство людей, пошел по линии наименьшего сопротивления.

Пару дней спустя, когда мудрые слова леди Солнышка уже успели утратить свою былую остроту, Папа сидел в кресле, покуривая трубку и стойко рассказывал детям о гусеницах, весьма раздосадованный тем, что Толстик знает о них гораздо больше него и напоминает отцу о том, что тот уже успел позабыть. Дети тотчас решили воспользоваться его замешательством, но проделали это хитро и тонко.

— Пап, но ведь это же дубовый коконопряд, а не сиреневый бражник, как ты говоришь, — упрямо возражал Толстик. — У тебя в памяти, наверное, столько всего, что для насекомых там просто не осталось места.

— У Папы отличная память, — вступилась за отца Крошка.

— Ну да, когда-то была, — виновато признался Папа.

— Пап, а ты можешь назвать всех королей Англии?

— Ну, почти все это могут.

— Я вам сейчас скажу, кого Папа назовет без запинки, — объявил Парнишка. — Он сможет перечислить всех английских чемпионов по боксу в тяжелом весе с датами и участниками финальных боев и знает, кто кого и как побил. Правда, Пап?

— Ну, возможно, и смогу. Так вот, а бабочка-махаон...

— Нет, наверное, не сможет, — раздосадованно перебил его Толстик.

— Сможет, я знаю. Не веришь — сам спроси — настаивал Парнишка.

— Пап, а кто был самым первым чемпионом?

— Ну, принято считать, что Джеймс Фигг, — несколько неуверенно ответил Папа, чувствуя, что попался в ловушку. — Да, пожалуй, он, потому что до Фигга нет никаких документально подтвержденных свидетельств.

— Пап, расскажи нам о Фигге, а? Ну, пожалуйста! — Три пары детских глазок умоляюще воззрились на него, и трое благодарных слушателей приготовились к рассказу на «запретную тему».

— Фигг был, если можно так выразиться, бойцом-универсалом. Если бы сейчас он вступил в Британскую ассоциацию бокса, то его непременно бы оттуда исключили. И вот почему. В те времена дрались почти без правил и на чем угодно. Если мне не изменяет память, он владел чем-то вроде клуба на Тоттенхэм-Корт-роуд, где и проходили подобные поединки. Фигг мог кому угодно сломать нос ударом кулака, пересчитать ребра дубинкой или раскроить череп мечом.

— Но своих-то учеников он не калечил, да?

— Как бы не так! Капитан Годфри в своих воспоминаниях писал, что этот человек обладал совершенно необузданным нравом и не щадил никого, кто отваживался сразиться с ним. В те жестокие времена это значило довольно много. Годфри знал Фигга лучше других, поскольку был одним из его учеников.

— А Фигг его не покалечил?

— Да вроде нет. В любом случае, Годфри научился стойко держать удар и овладел всем тем, что Фигг смог ему преподать. Когда год спустя Годфри вновь появился на Тоттенхэм-Корт-роуд, Фигг очень скоро понял, что перед ним настоящий боец, и вмиг умерил свой воинственный пыл.

— А кто был этот Годфри?

— О, отличный спортсмен и прекрасный писатель. Сейчас мы уже не можем судить, как он дрался на ринге, зато мы восхищаемся его прозой, которая далеко превосходит Сэма Джонсона и других мастеров пера того времени. Насколько мне известно, до нас дошла лишь одна его книга, но написана она таким языком, которому позавидовали бы нынешние маститые писатели. Раньше я наизусть помнил оттуда целые куски, но теперь почти все забыл. Там есть прекрасное описание того, как Джек Бротон защищался и контратаковал. Вот, по-моему, так... «Он словно приглашает противника нанести удар. Отразив его, он собирает свои могучие мускулы в один мощный кулак, а затем переносит всю тяжесть тела на руку и всеокрушающим ураганом обрушивается на соперника».

— Здорово! — воскликнул Толстик. — Вот это здорово!

Его глаза засверкали, щеки покраснелись, поскольку его артистичная натура всегда откликается на то, что достойно восхищения.

— Пап, а кто стал следующим чемпионом? — спросил он.

Вопрос был задан слишком прямолинейно, и Папа начал догадываться, что без сговора здесь не обошлось.

— Нет, по списку я не пойду. Даже и не думайте! Так, вернемся к дубовому коконопряду...

— Пап, я только одну вещь хотел узнать, и все! — вскричал Парнишка, изо всех сил стараясь казаться искренним. — Кто побил Слэка, а?

— Ну, конечно же, Стивенс по прозвищу Гвоздильщик, личность не очень-то примечательная; хотя Слэк, со своей стороны, тоже ничем особым не выделялся. Тем не менее Гвоздильщик, так сказать, остался в памяти народной благодаря своему пристрастию броско одеваться. С той поры, увидев на улице какого-нибудь франта, люди частенько говорят, что он разоделся, как Гвоздильщик.

— Но, пап, — возразил Парнишка, выдвигая свои доводы, чтобы разговор не перекинулся на жуков, — вот ты говоришь, что Слэк ничего собой не представлял. Как такое может быть, если он победил заслуженного чемпиона — не помню, как его звали, — про которого ты говорил, что он удерживал свой титул чуть ли не двадцать лет?

— Этого чемпиона звали Джек Бротон. Верно, Слэку удалось одолеть его, но это был как раз один из тех боев, когда все решает единственный удачно проведенный удар и побеждает не сильнейший, а везучий. За два десятка лет Бротон уверился в своей непобедимости и тренировался кое-как. Поэтому он и пропустил мощный кросс прямо в переносицу, после чего его глаза вытекли, и он ослеп. Бедняга, он продолжал размахивать кулаками и кричать, обращаясь к кому-то из присутствовавших на поединке августейших особ: «Я не побит, Ваше Королевское Высочество, я просто не вижу противника!» К сожалению, соперник прекрасно видел его, и именно тогда закатилась звезда великого Джека Бротона, который в свое время хотел по очереди сразиться с целым полком прусских гвардейцев.

— А причем здесь гвардейцы?

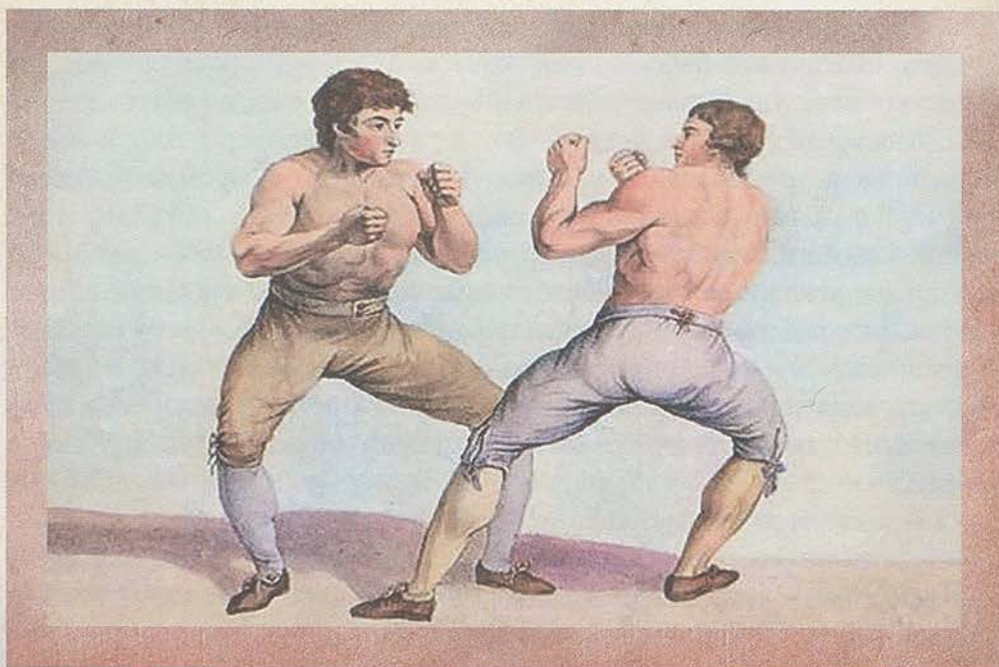
— Дело в том, что Джеку как-то выпало сопровождать герцога Камберлендского в его поездке по Германии. Тогдашний король Пруссии, отец Фридриха Великого, устроил военный парад, где промаршировал полк гвардейцев-великанов, с которыми Джек и захотел посостязаться в кулачном бою.

— Но, пап, — иногда случается так, что разговор можно поддерживать только спором, — как же получается, что Слэк дрался хуже Бротона, если он его победил?

— Это можно доказать, посмотрев результаты боев. Бротон побеждал тех, кто одерживал верх над Слэком. Разумеется, будь Бротон помоложе, он бы назначил матч-реванш и вернул бы себе чемпионский титул. Пожалуй, главную роль здесь сыграл возраст, ведь ему было уже за тридцать, поэтому его спортивная карьера и закончилась. Так, давайте-ка вернемся к нашим гусеницам...

— Пап, еще один вопрос. Вот ты говорил, что многие проиграли, пропустив один-единственный случайный удар. А кто именно?

— Ну, примеров тому много, как в былые времена, так и теперь. Вот, положим, Мейс дрался с Томом Кингом и уверенно выигрывал, как вдруг случайно поскользнулся, и в тот же момент получил удар такой силы, от которого не сумел оправиться в отведенные на это тридцать секунд. Был еще такой Том Спринг. За ним числилось огромное количество побед, но не повезло ему лишь однажды в бою с Недом Пейнтером из Норвича, которого он в свое время побил без особого труда. Говорили, что у Пейнтера с самого рождения правое плечо развито лучше левого, поэтому его удары правой отличались сокрушительной силой. Так вот, ему удалось провести правый джеб

Чарльз Райли. Даниэль Мендоз против Ричарда Хамфри

в первом же раунде, и Спринг рухнул на пол в первый и в последний раз за всю свою карьеру. Вообще говоря, Пейнтер слыл очень стойким боксером. Великану-гвардейцу Шоу, зарубившему с десяток французских кирасир при Ватерлоо, все же удалось одолеть его, но ценой таких усилий, что сам Шоу еле на ногах держался. Ну и, разумеется, все помнят сокрушительное поражение Хикмана, того самого, что придумал так называемый «удар в бороду», ставший прообразом нынешнего нокаутирующего полухука. Нит по прозвищу Бристольский Мясник не шел с Хикманом ни в какое сравнение, однако один удар решил исход поединка. Безусловно, Хикман смог бы взять реванш, если бы не его ужасная скоростная смерть.

— А почему ужасная смерть?

— Ну, дорогой мой, он погиб из-за пьянства, а по мне так нет ничего хуже этого.

— А как же он погиб-то?

— Он возвращался пьяным после боксерского матча — по-моему, Хадсон против Шелтона — и вывалился из кеба прямо на

мостовую. Кучер мчавшейся навстречу повозки не успел придержать лошадей, и колесо переехало ему голову. Незадолго до этого он зашел в очередное питейное заведение и там кочергой убил собаку.

— Тогда он получил по заслугам! — вскричал Толстик, известный как великий защитник животных.

— Полностью поддерживаю! — пискнула Крошка.

— Пап, ну расскажи еще что-нибудь! — взмолился Парнишка. — Нам так нравится, когда ты рассказываешь о боксе. Пап, ну пожалуйста!

И тут Папа в полной мере осознал, насколько сильно он увяз. Но отступить было уже поздно.

— Ну ладно, — нехотя согласился он. — Только учтите, это в последний раз, иначе Мама нас всех отругает. Так что вам рассказать?

— А кто самый лучший боксер?

— По этому поводу есть великое множество мнений. Лично я не припомню никого, кто за всю карьеру не потерпел ни одного поражения. Джима Белчера трижды отправляли в нокдаун, и все же я считаю его величайшим из боксеров, когда-либо выходявших на ринг. Так что я бы проголосовал за него.

— А почему, если у него три нокдауна?

— Да потому, что получил он их после того, как ему выбили глаз.

— Ух ты! А кто ему его выбил? — жадно спросил Толстик, охочий до всяких ужасов.

— Не помню кто, но глаз ему выбили теннисным мячом. Однако этот гордый и смелый боец не сдался и яростно дрался до последнего, стараясь удержать за собой чемпионский титул. Я вам картинку с ним показывал?

— Нет.

— Она в той книге... ах да, я совсем забыл, что она где-то затерялась. Поверьте мне на слово, что это был настоящий король ринга, хоть он и не отличался ни исполинским ростом — всего-то метр семьдесят, — ни богатырским телосложением. Однако он мог что правой, что левой рукой бросить крикетный мяч за сто метров, так что вы, надеюсь, представляете силу его удара.

— А кто же тогда смог его победить?

— В первый раз он проиграл Хену Пирсу по прозвищу Бойцовый Петух. Бой проходил как-то странно, поскольку в обыденной жизни они с Белчером слыли закадычными друзьями, но на ринге Джим преображался, и даже лучший друг становился для

него злейшим соперником. Доблестный и великодушный Пирс во время боя несколько раз кричал ему: «Я не хочу, чтобы ты лишился второго глаза, Джим!» Еще два поражения нанес ему Крибб. На ринге он вел себя несколько медлительно и даже вяло. Он знал, что ему не устоять под стремительным натиском Белчера, поэтому он рассчитывал на два фактора. Первое — одноглазый Белчер плохо держал дистанцию, и второе — он надеялся, что его плотное телосложение поможет ему отразить шквал ударов соперника. «Он все руки разобьет об мой лоб», — сказал Крибб перед боем. Примерно так оно и случилось. Крибб победил, избив Белчера до бессознательности, но в те времена это было в порядке вещей.

Тут Папа решил ввести в свой рассказ некий воспитательный момент.

— И запомните, ребята! — воскликнул он. — Если вам случится вести долгую борьбу, неважно, состязание в силе или войну умов, и если вы ослабнете или устанете, всегда говорите себе: «Если эти невежды готовы до последнего вздоха биться за какие-то грошовые идеалы, достойно ли мне, джентльмену, уподобляться им и сражаться до самой смерти лишь затем, чтобы доказать им, что я сильнее или умнее их, что прав я, а не они?» Скажу вам откровенно, ребята, что в моей жизни бывали времена, когда преодолеть трудности и невзгоды мне помогли не советы добрых и порядочных людей, а знание того, что, в конце концов, случилось с этими, так сказать, громилами, единственными достоинствами которых являлись их недюжинная сила да крепкие кулаки.

Папа умолк, предавшись воспоминаниям. Размышления на какие-то общие темы детям малоинтересны, хотя обязательно придет время, когда они сами поднимут эти вопросы. Пока же они были всецело поглощены боксом.

— А что потом случилось с Белчером?

— Он умер от горя, как многие герои ринга, не в силах вынести позора нанесенного ему поражения. То же самое произошло с Джорджем Тэйлором, ставшим чемпионом после Фигга. Он тоже лишился глаза, проиграл решающий бой крикетисту Фолкнеру, а через два месяца угас, словно свеча.

— А этот Фолкнер хороший крикетист? — спросил Парнишка, уже начавший всерьез заниматься этим национальным видом спорта.

— Точно не могу сказать. Может, и хороший, по крайней мере, его всегда таким описывают. Но вот боксером он слыл совершенно отчаянным. Он принадлежал к знаменитой «бирмингемской тройке».

— А кто еще туда входил?

— Слушайте, по-моему, я вам эту историю уже рассказывал. Бирмингем был тогда совсем небольшим городом, его называли «скобяной деревней», но, тем не менее, он являлся крупным спортивным центром. Как вы думаете, на что там однажды решились? Они бросили вызов Лондону!

— Ух ты!

— Так вот, «бирмингемскую тройку» составляли Перринс, настоящий исполин, весивший под сто килограммов, Джекомбс, о котором я лично ничего не знаю, и крикетист Фолкнер. Им противостояли чемпион Англии Том Джонсон, «Большой» Бен Брейн и Инглстон по прозвищу Пивовар. Лондонцы выиграли все три матча, но наибольший интерес вызвал поединок между исполином и чемпионом. В результате яростной схватки между достойными соперниками Джонсону все-таки удалось вырвать победу, однако говорят, что он так и не оправился от нанесенных ему сокрушительных ударов. Как бы то ни было, весьма скоро он умер.

— Как жаль, что маленький Бирмингем проиграл! — огорчился Парнишка. — Слушай, а этот лондонец, «Большой» Бен Брейн разве потом не стал чемпионом?

— Да, ему повезло больше, чем Тому Джонсону. Его имя вскользь упоминается у Борроу, чьи замечательные книги вы когда-нибудь прочтете. Отец Борроу служил гренадером и немного боксировал. Согласно легенде, он как-то раз встретился в Гайд-парке с Беном Брейном, и они договорились провести, так сказать, товарищескую встречу. Гренадер держался очень стойко, чем вызвал уважение Брейна, и с тех пор они подружились. Борроу пишет, как незадолго до смерти его отец вспомнил тот бой и рассказал сыну, что когда перед поединком Брейн скинул нательную рубашу, его глазам предстало тело «темное и крапчатое, как у жабы».

— А почему крапчатое?

— По-моему, — предположил Толстик, — оттого, что он получил на ринге много ударов.

— Возможно, ему просто стало холодно. — Папа выдвинул более правдоподобную версию. — В любом случае мы видим перед собой типичного боксера тех дней — мрачного, угрюмого, жестокого человека. Он умер через три года после того, как отвоевал у Джонсона титул чемпиона Англии. В тот жестокий век спортсмены жили недолго, поскольку даже просвещенные классы пили гораздо больше, чем следовало бы. Что же говорить о тех полуграмотных беднягах,

которые выступали на потеху богачей. Да, они неплохо зарабатывали и пользовались известностью, но лишь до тех пор, пока их буквально не сбивали с ног более молодые и сильные, после чего бывшие кумиры тотчас предавались полному забвению. Не могу не сказать, что один поступок Бена Брейна вызывает у меня чувство искренней благодарности. Дело в том, что он отлупил эту скотину Хупера, чего тот вполне заслуживал.

— А почему скотину?

— Потому что он подвизался в роли наемного громилы. Его нанимал какой-нибудь беспутный и пресыщенный молодой повеса. Этот субъект развлекался тем, что оскорблял добропорядочных людей в общественных местах, и если кто-то осмеливался дать ему отпор, тут же появлялся этот молодчик, который в кровь избивал оскорбленного. Этот Хупер одно время сопровождал некоего лорда в его прогулках по саду Воксхолл, где аристократ ввязывался в ссоры, а его «телохранитель» своими крепкими кулаками «восстанавливал справедливость». Однажды дошло до того, что этого хулигана переодели священником, но после этой выходки чаша общественного терпения переполнилась — Хуперу и его нанимателю строгонастрого запретили появляться в Воксхолле.

— А что с ним стало дальше?

— Видишь ли, даже у настоящих боксеров жизнь в большинстве случаев складывалась не очень хорошо, поскольку большинство из них умирали молодыми. Что же касается этой «паршивой овцы» Хупера, то ему, можно сказать, совсем не повезло. Он умер в рабочем доме, больной и позабытый всеми на свете.

— Ну, он это заслужил сполна, — отметил Парнишка. — Но ведь не все же боксеры закончили жизнь так печально, а?

— Ну, конечно же, не все. Не помню точно, как сложилась судьба каждого из них, но могу назвать довольно многих, кто после окончания своей спортивной карьеры жил довольно неплохо и сумел удачно вложить свои накопления. Бротон занялся куплей-продажей мебели и антиквариата и дожил до глубокой старости. Хамфриз сделался преуспевающим торговцем углем. Вард по прозвищу Черный Бриллиант вдруг открыл в себе талант художника, часто выставлялся в Королевской академии и умер в восемьдесят лет. В те времена многие боксеры были весьма культурными людьми и к тому же весьма состоятельными. Но всех превзошел, конечно, Гулли, который как-то заявил, что хочет достичь трех вершин — завоевать титул чемпиона Англии, выиграть дерби и стать членом Парламента.

Две вершины ему точно покорились, по крайней мере, первая и третья. А в Парламент его выбрали от округа Ринофракт, что означает... Ну-ка, Парнишка?

— Сломанный нос.

— Молодец! Прямо в точку! Для боксера очень символично представлять область с таким названием, потому что у них у всех приплюснутые носы. Так, а теперь...

— Пап, расскажи нам о Молинэ.

— Слушайте, я уж и так вам много всего порассказал, поддавшись на все ваши уловки. Ага, я слышу в коридоре мамины шаги. Значит, так — о боксе ни слова. Да, дорогие мои, гусеницы действительно откладывают яйца, — громогласно объявил Папа на весь дом, — а потом они превращаются в коконы. А из коконов получаются новые гусеницы. Вроде бы так... хотя... Точно я не уверен. Ну что ж, дорогие мои, у нас получился очень содержательный разговор, однако день нынче выдался просто прекрасный, так что пойдёмте-ка мы лучше погуляем на улице.

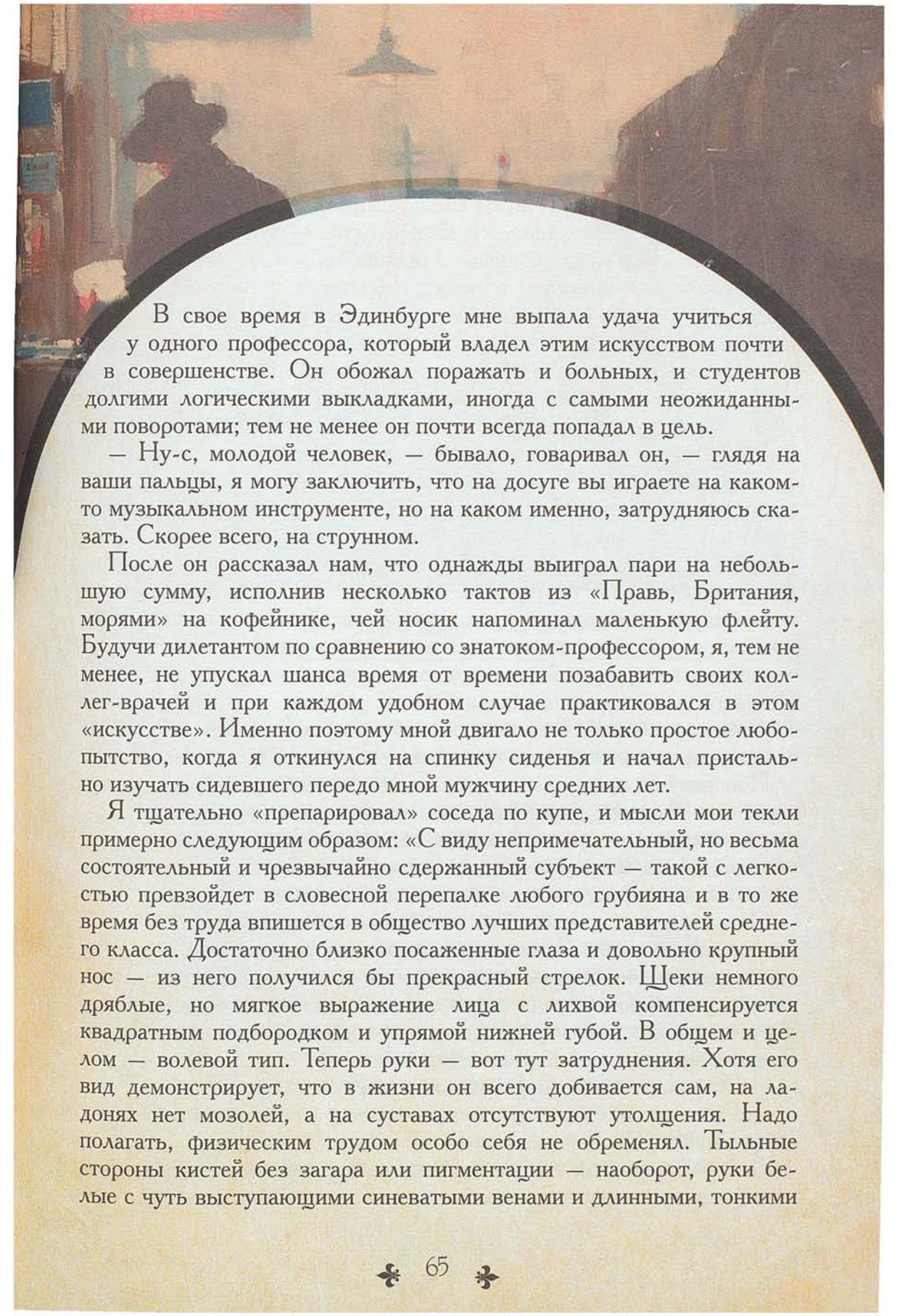
ВОСПОМИНАНИЯ КАПИТАНА УИЛКИ

1

«Кто бы он мог быть?» — спросил я себя, рассматривая своего попутчика по купе второго класса поезда Лондон — Дувр.

Меня настолько переполняла радость от того, что наконец-то пришла пора моего долгожданного отпуска и что хотя бы на несколько дней веселые улицы Парижа сменят унылое однообразие больничных палат, что мы уже довольно далеко отъехали от Лондона, прежде чем я заметил, что в купе я не один. Это в нынешние времена в поездах бытует неписаное правило, что «трое — это компания, а двое — просто люди». Однако во время, которое я описываю, отношение к попутчикам не было столь чопорно и официально. Наоборот, мне показалось приятным сюрпризом, что выдался случай весело скоротать несколько часов скучного путешествия. Поэтому я надвинул шляпу на глаза, из-за ее широких полей хорошенько рассмотрел своего визави и еще раз спросил сам себя: «Кто бы это мог быть?»

Я всегда в какой-то мере гордился своей способностью определять профессию или род занятий человека по его внешнему виду.

В свое время в Эдинбурге мне выпала удача учиться у одного профессора, который владел этим искусством почти в совершенстве. Он обожал поражать и больных, и студентов долгими логическими выкладками, иногда с самыми неожиданными поворотами; тем не менее он почти всегда попадал в цель.

— Ну-с, молодой человек, — бывало, говаривал он, — глядя на ваши пальцы, я могу заключить, что на досуге вы играете на каком-то музыкальном инструменте, но на каком именно, затрудняюсь сказать. Скорее всего, на струнном.

После он рассказал нам, что однажды выиграл пари на небольшую сумму, исполнив несколько тактов из «Правь, Британия, морями» на кофейнике, чей носик напоминал маленькую флейту. Будучи дилетантом по сравнению со знатоком-профессором, я, тем не менее, не упускал шанса время от времени позабавить своих коллег-врачей и при каждом удобном случае практиковался в этом «искусстве». Именно поэтому мной двигало не только простое любопытство, когда я откинулся на спинку сиденья и начал пристально изучать сидевшего передо мной мужчину средних лет.

Я тщательно «препарировал» соседа по купе, и мысли мои текли примерно следующим образом: «С виду непримечательный, но весьма состоятельный и чрезвычайно сдержанный субъект — такой с легкостью превзойдет в словесной перепалке любого грубияна и в то же время без труда впишется в общество лучших представителей среднего класса. Достаточно близко посаженные глаза и довольно крупный нос — из него получился бы прекрасный стрелок. Щеки немного дряблые, но мягкое выражение лица с лихвой компенсируется квадратным подбородком и упрямой нижней губой. В общем и целом — волевой тип. Теперь руки — вот тут затруднения. Хотя его вид демонстрирует, что в жизни он всего добивается сам, на ладонях нет мозолей, а на суставах отсутствуют утолщения. Надо полагать, физическим трудом особо себя не обременял. Тыльные стороны кистей без загара или пигментации — наоборот, руки белые с чуть выступающими синеватыми венами и длинными, тонкими

пальцами. С таким лицом он явно не художник, однако у него руки человека, связанного с тонкими, тщательными манипуляциями. На одежде нет ни красных пятен от кислоты, ни чернильных пятен, на пальцах отсутствуют следы нитрата серебра (это помогло отвергнуть почти сложившееся мнение, что он фотограф). Одежда нигде особенно не поношена. Пиджак твидовый, довольно старый, одинаково вытертый в области левого и правого локтя, что нехарактерно для людей, которые много едят. Возможно, он коммивояжер, но в жилетном кармане нет записной книжки, при нем также нет саквояжа, в котором обычно возят образцы товаров».

Я привожу эти свои умозаключения с целью проиллюстрировать свой метод определения рода занятий человека. Пока что я получал только отрицательные результаты, и теперь, выражаясь языком химиков, мне предстояло выпарить растворенные предположения и изучить сухой остаток. Мне представилось весьма ограниченное количество профессий. Передо мной был не юрист и не священник, несмотря на мягкую фетровую шляпу и короткий галстук, напоминавший пасторский. Я колебался между ростовщиком и торговцем лошадьми, но для первого он обладал слишком волевым лицом, а для второго в нем отсутствовало то характерное поведение, которое свойственно всем «лошадникам» даже на отдыхе. Поэтому я поставил предварительный диагноз, что передо мной букмекер, склонный к некоторой набожности, что отчасти следовало из его шляпы и покроя галстука.

Покорнейше прошу вас не думать, что в тот момент я рассуждал подобным образом. Это сейчас, за письменным столом, я шаг за шагом разбираю свои предположения. Тогда же я пришел к тому выводу меньше, чем за минуту, когда я сидел, надвинув шляпу на глаза, и искал ответ на вопрос, с которого начал свой рассказ.

Однако в тот момент мои умозаключения никоим образом не удовлетворили меня. Лакмусовой бумажкой, если продолжать придерживаться химической терминологии, должны были послужить наводящие вопросы, и я решил задать один из них. Рядом с моим попутчиком лежал номер «Таймс», и я подумал, что подобной возможностью грех не воспользоваться.

— Вы позволите взглянуть на вашу газету? — спросил я.

— Разумеется, сэ, разумеется, — весьма учтиво ответил он, подавая мне ее.

Я бегло просмотрел колонки, пока взгляд мой не задержался на списке ставок на рысистые дерби.

Неизвестный художник. На станции

— Вот так дела! — удивленно заметил я. — Почти все ставят на фаворита в Кембридже. Но, возможно, — добавил я, взглянув на него, — вам это неинтересно?

— Это все уловки, сэр! — с жаром ответил он. — Козни врагов рода человеческого! Смертным дано столь мало лет жизни, так отчего же они столь беспутно растрачивают их! Им даже безразличны их земные дела, — добавил он чуть тише, — иначе бы они не ставили на одну лошадь при шансах один к тридцати.

Эта его тирада весьма меня развеселила, наверное, оттого, что в ней причудливо смешались религиозная нетерпимость и приземленная практическая сметка. Я отложил «Таймс» в полной уверенности, что следующие два часа проведу за более приятным занятием, нежели тщательное изучение газеты.

— Вы говорите так, словно хорошо разбираетесь в подобных вещах, — заметил я.

— Да, сэр, — ответил он, — в былые времена немногие в Англии разбирались в этом лучше меня до того, как я сменил род занятий. Но это все в прошлом.

— Сменили род занятий? — заинтересовался я.

— Именно так. И имя с фамилией тоже сменил.

— Вот как? — изумился я.

— Да. Понимаете, когда человек прозревает, он хочет начать все с нуля, так сказать, с чистого листа. Тогда перед ним открыты все пути.

Наступила короткая пауза, и мне показалось, что я невольно затронул деликатную сферу, касающуюся прошлого моего попутчика; он же не стал более распространяться на эту тему. Чтобы как-то нарушить неловкое молчание, я предложил ему сигару.

— Нет-нет, благодарю вас, — отказался он, — курить я тоже бросил. Вот это было труднее всего. Однако мне нравится запах табачного дыма. Скажите, — спросил он вдруг, сверля меня пронзительным взглядом своих серых глаз, — почему вы так меня внимательно рассматривали, прежде чем заговорить?

— Это моя профессиональная привычка, — ответил я. — Я ведь врач, а в нашем деле тщательный осмотр — это все. Я и не подозревал, что вы это заметили.

— Я подметил это, даже не глядя на вас, — произнес он с неким оттенком гордости. — Я сначала подумал, что вы сыщик, но потом не смог припомнить вашего лица, потому что в свое время я знал их всех наперечет.

— Так, значит, вы были сыщиком? — удивленно спросил я.

— Да нет же! — рассмеялся он. — Скорее наоборот — тем, кого ищут. Теперь все старые счета по нулям, с законом у меня все чисто, так что мне даже приятно поведать такому джентльмену, как вы, каким негодяем я был в свое время.

— Ну, все мы в какой-то мере грешны, — философски заметил я.

— О нет, я-то был настоящим мерзавцем. Начал с малого, с мошенничества, а потом сделался взломщиком. Сейчас об этом легко говорить, поскольку я полностью переменялся. У меня такое чувство, что я рассказываю о каком-то другом человеке.

— Именно так, — согласился я.

Будучи врачом, я никогда не боялся общения с представителями преступного мира, как это свойственно довольно многим людям. Я всегда с достаточной долей снисходительности принимал во внимание врожденную склонность к правонарушениям, а также влияние жизненных обстоятельств. Поэтому компания этого бывшего жулика не вызвала у меня презрения, и, сидя и попыхивая сигарой, я не без удовольствия заметил, что мой неподдельный интерес потихоньку начал развязывать ему язык.

— Да, теперь я совсем другой человек, — продолжал он, — и, разумеется, куда более счастливый. И все же, — ностальгически добавил он, — временами я тоскую по своей прежней «профессии» и вновь представляю, как темной ночью иду по пустынной улице с фомкой в кармане. В своем ремесле я снискал себе определенную известность и даже имя, сэр. Я из тех, кого называют «старой школой». Очень редко случалось, чтобы мы провалили дельце. В мои времена мы начинали с самого низа, постепенно поднимаясь вверх, своими успешными делами зарабатывая себе уважение, так что нас вполне можно назвать настоящими профессионалами.

— Понимаю, — отозвался я.

— Я всегда считался работящим и скрупулезным парнем, к тому же не лишенным таланта — словом, одним из самых умных. Начал я по замочному делу, затем перешел на двери и косяки, а потом развивал необходимую ловкость рук и, наконец, сделался карманником. Помню, когда как-то раз я ездил домой в провинцию, так мой престарелый папаша все удивлялся, что это я выюсь вокруг него. Он и представить себе не мог, что я по десять раз на дню сперва опустошал его карманы, а потом клал все обратно, стараясь таким образом не потерять сноровку. Он до сих пор верит, что я работаю в одной из контор в Сити. Смеею заметить, что весьма немногие могли тогда превзойти меня в этом ремесле.

— Полагаю, все зависит от практики и тренировки? — заметил я.

— В очень большой мере. И все же, если человек когда-то этим занимался, он до конца жизни не утрачивает наработанных навыков. Прошу прощения, вы уронили пепел на пиджак, — вдруг сказал он, легонько помахав рукой у моей груди, словно стряхивая его. — Вот, — заявил он, протягивая мне мою золотую булавку для галстука, — вы сами убедились, что я не забыл своих старых приемчиков.

Он проделал все это так быстро, что я едва заметил, как его рука скользнула по моему туловищу, и уж давно не почувствовал, как он коснулся меня. И тем не менее булавка сверкала в его пальцах.

— Потрясающе! — восхитился я, водворяя ее на место.

— О, это так, безделица! Мне довелось участвовать в действительно крупных делах. Я был в той банде, что вскрыла сейф новейшей конструкции. Вы, наверное, помните это дело. Сейф расхваливали как неприступный не то что на практике, а даже в теории, однако нам удалось взломать самый первый из всей серии примерно через неделю после его появления. Мы проделали это с помощью

специально изготовленных клиньев, сэра. Первый из них смастерили таким маленьким, что его едва можно было разглядеть даже при свете, а последний закалили так, что мы смогли открыть дверцу. Мы все продумали до мелочей.

— Да, припоминаю, — согласился я. — Однако же кого-то все-таки осудили, ведь так?

— Да, один из наших попался. Но он не раскололся, не дал шпицам ни единой зацепочки, как мы это провернули. Это вполне могло стоить ему жизни. Возможно, я вас утомил своими рассказами о давних преступных деяниях?

— Напротив, — возразил я. — Мне чрезвычайно интересно.

— Приятно видеть перед собой слушателя, которому можно доверять. Для меня это своего рода разрядка, ну, вы понимаете. Когда я нахожусь среди своих новых знакомых, занимающих весьма высокое положение в обществе, мне и подумать страшно, чем я занимался раньше. Ну-с, а сейчас я расскажу вам еще об одном своем дельце. Даже теперь о нем без смеха не вспомнишь.

Я раскурил еще одну сигару, устроился поудобнее и принялся слушать.

— Случилось это в мои юные годы, — начал он. — Был тогда в Сити один большой воротила, о котором ходили слухи, что у него есть очень ценные и дорогие золотые часы. Я следил за ним несколько дней, прежде чем мне представился подходящий случай, и уж будьте покойны, я его не упустил. В тот день, вернувшись домой, он с удивлением и яростью обнаружил, что его кармашек для часов пуст. Я скрылся со своей добычей, припрятал ее в надежном месте, чтобы на следующий день переплавить. Однако случилось так, что эти часы представляли для их владельца какую-то особенную ценность, вроде фамильной реликвии. Их подарили его отцу на день совершеннолетия или что-то в этом роде. Я помню, что на задней крышке была длинная надпись. Он предпринял все усилия, чтобы вернуть их, и поэтому подал в вечерней газете объявление, обещающее нашедшему тридцать фунтов вознаграждения и никаких неловких вопросов. В конце стоял его адрес — Кэрролайн-сквер, дом 31. Мне это показалось подходящим, так что я отправился по указанному адресу, оставив сверток с часами в одном из соседних пабов. Когда я туда прибыл, джентльмен ужинал, но он бросил все, когда узнал, что его хочет видеть некий молодой человек. По-моему, он догадывался, кем окажется сей юноша. Этот добродушный старичок сразу же проводил меня в кабинет.

Джон Гримшо. Блэкмэн-стрит

— Ну-с, молодой человек, — начал он, — в чем дело?

— Я по поводу ваших часов, — ответил я. — Мне кажется, я знаю, где они находятся.

— А, так это ты их украл! — взревел он.

— Нет, — осадил его я. — Мне ничего не известно о том, как вы их лишились. Меня просто послали к вам поговорить об этом деле. Даже если меня арестуют, вы все равно ничего не узнаете.

— Ну, хорошо, — смягчился он. — Я не сделаю тебе ничего плохого. Давай их сюда, и вот тебе чек на обещанную сумму.

— Никаких чеков, — заявил я. — Мне нужна звонкая монета.

— У меня уйдет час, чтобы собрать столько денег наличными.

— Вот это подходит, — сказал я. — Часов у меня с собой все равно нет. Я вернусь и принесу их, а вы пока что собирайте деньги.

Я ушел и вскоре взял часы там, где их оставил. Когда я вернулся, пожилой джентльмен так же сидел за столом, а перед ним лежала небольшая горка золотых монет.

— Вот твои деньги, — произнес он, двигая их ко мне.

— Вот ваши часы, — отозвался я.

Он пребывал в полнейшем восторге, что получил их назад. Внимательно их осмотрев и убедившись, что с ними ничего не случилось, он водворил их в свой жилетный карман, что-то довольно бормоча себе под нос.

— Итак, мой юный друг, — начал он, — я знаю, что именно ты украл часы. Расскажи, как ты это проделал, за что я тебе добавлю пять фунтов ассигнациями.

— Я бы вам так и так ничего бы не сказал, — отвечал я, — особенно при свидетеле, который спрятался за портьерой.

В первый раз я тщательно оглядел комнату, и от моего взгляда не ускользнуло, что теперь портьера задернута плотнее, чем раньше.

— Н-да, крепкий ты орешек, — добродушно протянул он. — Ладно, забирай деньги, и на том покончим. А я впредь стану осторожнее, чтобы ты в суматохе снова не стянул у меня часы. Засим прощай. Нет, не в эту дверь, — сказал он, когда я направился к шкафу. Он встал и открыл другую дверь, поменьше. Слегка задев его, я открыл дверь в коридор и через несколько мгновений уже заворачивал за угол на площади. Не зная, как скоро пожилой джентльмен хватился пропажи, но, проходя в дверь мимо него, мне удалось во второй раз увести у него часы, и на следующее утро фамильная реликвия оказалась в плавильном тигле. Неплохо, а?

Все говорило о том, что старый жулик наконец-то разговорился.

Когда он заканчивал свою историю о часах, в его голосе звучали победные нотки, что доказывало, что хотя бы изредка гордость за свою ловкость и изворотливость брала верх над раскаянием за все содеянное им. Он казался довольным тем удивлением и даже изумлением, которые вызвал у меня его рассказ о собственной сноровке и находчивости.

— Да уж, — рассмеялся он. — Вот это было дельце! Но иногда случается так, что можно посмеяться и над нами. Даже самые опытные из нас попадают впросак. Со мной тоже однажды произошел забавнейший случай. Вы, возможно, вспомните его, потому что в свое время о нем даже писали.

— Я сгораю от нетерпения услышать его из ваших уст, — скромно произнес я, стараясь раззадорить своего попутчика.

2

— Знаете, нелегко рассказывать о себе, особенно когда в какой-то истории ты предстаешь в комичном свете, но на сей раз именно так и случилось. Я тогда провернул очень даже неплохое дельце и на часть денег купил прекрасное бриллиантовое кольцо. Я тогда подумал, что это замечательное вложение на черный день, который когда-нибудь да наступает у каждого из нас. Так вот, я его купил и возвращался домой в омнибусе, когда волею судьбы на одной из остановок вошла очень изящно одетая молодая дама и села рядом со мной. Сперва я особо не обратил на нее внимания, но чуть позже что-то твердое у нее под платьем задело меня по руке. Я сразу определил, что это кошелек и вдруг подумал, что смогу с пользой для себя скоротать скучную поездку, завладев этим самым кошельком. Работать пришлось очень осторожно, но вот, наконец, мне удалось залезть рукой в ее довольно узкий карман, и я уже было решил, что дело сделано. И в этот самый момент она вдруг встала, чтобы сойти на остановке, так что я едва успел вытащить руку с кошельком, да так, чтобы не попасться. Прошло довольно много времени, как она сошла, когда я вдруг обнаружил, что, в спешке вытягивая руку из кармана, я совершенно не заметил, как новое и неплотно сидевшее у меня на пальце кольцо соскочило и осталось в кармане той молодой дамы. Я выскочил прямо на ходу и побежал туда, куда она, по моим расчетам, могла направиться, чтобы еще раз попытаться «ощипать» ее. Но она как сквозь землю провалилась, и с тех пор я ее ни разу не видел.

Что самое плохое, в кошельке оказалось всего четыре с половиной пенса медью! Вот это кара за то, что пытался обворовать такую прелестную даму! Если бы сейчас у меня были те самые двести фунтов, что я потратил на кольцо, я бы не отказался... Ах, прости, Господи! Что я такое говорю!

Он вдруг впал то ли в ностальгическое, то ли в покаянное молчание, однако я решил вытянуть из него как можно больше, к чему и приложил все усилия.

— В той области, о которой вы только что говорили, риска гораздо меньше, чем, например, в краже со взломом, — заметил я.

— Да! — воскликнул он, вновь воодушевляясь. — Это игра для самых смелых и самых рискованных! Взять хотя бы спорт, сэр, рыбалку или охоту — это все детские забавы! Представьте себе огромное загородное поместье с его многочисленными слугами, собаками и ружьями. Против них — ты, а с тобой лишь верная фомка, сноровка и везение, что немаловажно. Это победа интеллекта над грубой силой, воплощенной в замки и решетки.

— Большинство людей придерживаются прямо противоположного мнения, — скромно сказал я.

— Я никогда не шел наобум с кастетом или дубинкой, — возразил мой попутчик. — Однажды мне пришлось прибегнуть к удавке, но это не соответствовало моим принципам, так что я бросил это дело. Чего я только не перепробовал! Я даже побывал прикованной к постели вдовой с тремя детьми, но никогда не одобрял насилия.

— Вы побывали кем? — я удивленно вытаращил глаза.

— Вдовой, прикованной к постели. Так я себя рекламировал и собирал подписки в пользу бедных. Да, всякое бывало... Вам, я вижу, все это интересно, — продолжил он, — тогда я расскажу еще одну историю. В тот раз я оказался на волосок от тюрьмы. Мы с приятелем колесили по стране и ненадолго осели в одном провинциальном городке, неважно в каком. Однако и туда просочились слухи о нас, и всем домовладельцам рекомендовали быть начеку, поскольку по соседству кто-то заметил присутствие подозрительных личностей. Нам бы изменить планы, видя, что на сей раз нам тут ничего не светит, но мой приятель был парень смелый и рискованный, не привыкший отступать. Бедняга Джим! Худенький, щупленький такой — в чем только душа держалась! Но сердцем он обладал поистине отчаянным и бесстрашным. Он сказал, что все у нас выгорит, главное — тщательно подготовиться, так что я согласился. Начать мы решили с Морли Холла, поместья некоего полковника Морли.

Так вот, лучше бы мы с этим Морли вообще не связывались. Это был хитрый, хладнокровный вояка, немало повидавший на своем веку и особенно гордившийся тем, что в свое время поймал немало преступников. Мы, однако, тогда об этом ничего не знали и, исполненные самых радужных надежд, решились «взять» его дом.

Мы выбрали его усадьбу потому, что свели дружбу с его бездельником-конюхом, ставшим орудием в наших руках.

Этот парень набросал нам приблизительный план поместья и угодий. В доме все и вся запиралось на прочные замки, да и сам он хорошо охранялся. Единственным слабым местом оказалась подъемная дверь со сломанным запором, которая вела с крыши в чулан. Если бы нам как-то удалось взобраться на крышу, мы бы точно проникли оттуда в дом. План этот нам обоим понравился, тем более что в нем присутствовала какая-то оригинальность. Хороший взломщик охотится не только за деньгами, драгоценностями и столовым серебром. Для него очень важны аккуратность и бесшумность работы, что с каждым разом поднимает его значимость и вес в глазах «коллег».

Мы на пару дней залегли на дно, чтобы усыпить бдительность хозяина и соседей. На дело мы с Джимом пошли темной ночью, перелезли через уличную ограду и пробрались к дому, не встретив ни души. Я помню, что дул очень сильный ветер, и тучи, как бешеные, неслись по небу. Мы хорошенько осмотрели фасад дома, а потом Джим зашел со стороны сада. Через пару минут он вернулся, весь сияя от радости.

— Ты только глянь, Билл, — прошептал он, схватив меня за руку, — как нам повезло-то! Они там крышу вроде чинили, а лестницу убрать забыли!

Мы вместе обошли дом и увидели возвышавшуюся над нами лестницу, рядом с которой валялись какие-то ведра, наверное, оставленные рабочими еще днем. Мы хорошенько огляделись вокруг, убедились, что все тихо, а потом полезли вверх — сперва Джим, за ним я. Мы добрались до верха и уселись на черепицу, чтобы передохнуть перед делом. Каково же было наше изумление, когда лестница, по которой мы карабкались, вдруг взвилась вверх, повисла в воздухе, а затем мягко опустилась на садовую траву! Мы сперва подумали, что сами оттолкнули ее, но скоро поняли, что жестоко ошиблись.

— Эй, там наверху! — крикнул снизу чей-то голос.

Мы осторожно глянули через край крыши и увидели человека, как сейчас помню, одетого, словно на званый вечер, который стоял посередине лужайки.

— Эй, наверху! — снова крикнул он. — Ну, и как вам там? Удобно, а? Ха-ха! Вы, лондонские ворюги, держите нас тут всех за дурачков. А теперь что скажете?

Мы оба лежали ни живы, ни мертвы, стараясь сжаться в маленькие комочки.

— Да ладно вам, я же вас вижу, — продолжал голос. — А я ведь вас всю неделю поджидал, каждый вечер прячась вон за тем кустом сирени. Я знал, что вы не устоите перед приставленной лестницей, особенно когда окна оказались вам не по зубам. Джо! Джо!

— Слушаюсь, сэр, — раздался другой голос, и из кустов появился еще один человек.

— Пригляди-ка за крышей, пока я съезжу в участок и вернусь с парой констеблей. Оревуар, господа! Полагаю, вы согласны немножко подождать?

И тут полковник Морли — именно он — неспеша направился к конюшне, и вскоре мы услышали на улице удалявшийся цокот подков.

Как вы понимаете, сэр, мы чувствовали себя полными идиотами. И не потому, что попались, а из-за того, что угодили в такую простую ловушку. Мы с отвращением поглядели друг на друга, а потом вдруг ни с того ни с сего расхохотались. Смеяться, однако, было совсем нечему, так что мы принялись исследовать крышу в надежде найти водосточную трубу или что-то наподобие нее, по чему мы смогли бы спуститься вниз и убежать. Но нам фатально не везло, так что мы снова сели и приготовились к худшему. Вот тут-то меня и осенило, и я принялся шарить по крыше, пока не почувствовал под ногами дерево. Я пригляделся и обнаружил, что полковник забыл закрыть висячий замок. С годами часто замечаешь, что самые скрупулезные и изощренные люди совершают глупейшие и элементарнейшие ошибки. Сами понимаете, мы не теряли ни секунды, поскольку констебли могли появиться в любой момент. Мы пробрались в чулан, потом спустились вниз, выбили ставни в библиотеке и пустились наутек, прежде чем изумленный и перепуганный конюх понял, что к чему. Прихватить с собой, увы, нам ничего не удалось. Хотел бы я видеть физиономию полковника, когда он прискакал с двумя фараонами и обнаружил, что птички упорхнули.

— И больше вы с этим полковником не встречались? — спросил я.

— О нет, через пару лет мы обобрали его имение просто подчистую, вплоть до ложечек для соли. Сами понимаете, отчасти мы

хотели ему отомстить. Мы все тщательно продумали, спланировали и провернули это дерзкое, смелое дело прямо среди бела дня.

— Как же вам это удалось? — поразился я.

— Ну, тогда нас было уже трое, Джим тоже входил в нашу компанию, и начали мы вот как. Для начала мы хотели на время избавиться от полковника, поэтому я написал ему записку якобы от сквайра Бротервика, жившего милях в десяти от Морли, который был не очень хорошо знаком с хозяином Морли Холла. Я оделся конюхом и лично передал записку. В ней говорилось, что сквайру известно местонахождение негодяев, ускользнувших от полковника пару лет назад, и что если полковник соблаговолит подъехать к нему, то вдвоем они без труда схватят мерзавцев. Я не сомневался, что послание произведет желаемый эффект, так что я представился конюхом Бротервика, вручил записку полковнику и отправился якобы восвояси к своему хозяину.

Отойдя на безопасное расстояние, я спрятался за живой изгородью. И точно, не прошло и четверти часа, как мимо меня во весь опор промчался полковник на своей гнедой кобыле.

Теперь я расскажу вам о другом своем умении, о котором вы доселе не знали. Я могу подделать любой почерк, стоит мне его лишь однажды увидеть. Научиться этому весьма легко, главное — очень захотеть. За несколько дней до дела мне в руки попало одно из писем полковника, и я написал так, что даже теперь любой графолог вряд ли отличит его руку от моей. Воспользовавшись этим своим навыком, я вырвал лист из блокнота и написал примерно следующее:

«Поскольку сквайр Бротервик заметил в округе подозрительных личностей и дом вновь может подвергнуться попытке ограбления, я отдал распоряжение банку прислать их охраняемую карету для перевозки всех ценностей в безопасное место. Это обеспечит нам полную уверенность в том, что ценности находятся вне всякой досягаемости для злоумышленников. Упакуйте их надлежащим образом, подателю же сего поднесите кружку пива».

Закончив это послание, я адресовал его дворецкому и вернулся в Морли Холл, сказав, что их хозяин перехватил меня по дороге и велел мне доставить эту записку. Меня провели внутрь и попросили подождать, пока все ценности, включая столовое серебро, не обернут ватой и не сложат в огромный дорожный ящик. Все было почти готово, когда я услышал звук скрипевших по гравию колес, неспешно вышел на улицу и увидел, как к воротам подъехала грузовая закрытая повозка. На козлах с самым серьезным видом восседал один из

моих дружков, а Джим в курьерской шляпе резво и деловито вошел в дом.

— Так, так! — услышал я его голос. — Ну-ка, поживей! Что тут для банка? Быстро, быстро!

— Одну минуту, сэр, — пробормотал дворецкий.

— Не можем ждать ни секунды. Все графство в панике, у нас вызовов до самой ночи. Если у вас не все готово, тогда мы едем к лорду Блэкбери.

— Не уезжайте, сэр! — взмолился дворецкий. — Всего-то один узел осталось завязать. Вот, теперь все готово. Оно ведь будет под охраной, да?

— Это уж точно. Это уж не извольте беспокоиться, охраняем в лучшем виде, — ответил Джим, помогая запихивать огромный ящик в повозку.

— Полагаю, что мне следует проехать с вами до банка и проследить, как там все разместят, — сказал вдруг дворецкий.

— Ну и ладно! — согласился Джим, нисколько не смутившись. — Только вот в повозку вам нельзя, потому что ящики лорда Блэкбери займут все свободное место. Так, давайте подумаем... Сейчас двенадцать... Значит так, ждите у банка в половине второго, к тому времени мы как раз прибудем.

— Хорошо, в половине второго, — повторил дворецкий.

— Счастливо оставаться! — крикнул на прощание мой приятель.

Повозка отъехала, а я тем временем срезал уголок и перехватил их у поворота. Мы не мешкая отправились в соседнее графство и там сели на поезд в Лондон. Еще не пробило полночь, как столовое серебро полковника превратилось в бесформенный ком.

Я не мог не рассмеяться, восхищаясь изобретательностью мошенников.

— Да уж, рискованное было дельце!

— Кто не рискует, тот... ну, вы сами знаете, — ответил он.

В этот момент поезд начал притормаживать, и мой попутчик надел пальто, что указывало, что ему скоро выходить.

— Вы направляетесь в Дувр? — спросил он, — а потом на континент?

— Именно так.

— И сколько же вы думаете путешествовать?

— Примерно неделю.

— Ну-с, здесь я должен вас покинуть. Меня зовут Джон Уилки, не забудете? Приятно было познакомиться. Это не мой зонтик там

за вами? — спросил он, перегнувшись через сиденье. — Нет, прошу прощения. Вот он, в углу.

И с милой улыбкой на лице бывший взломщик вышел из купе, поклонился и вскоре смешался с суетливой толпой на перроне.

Я закурил очередную сигару, рассмеялся, вспомнив рассказы попутчика, и поднял оставленный им номер «Таймс». Прозвенел звонок, лязгнули колеса, поезд потихоньку тронулся, как вдруг, к своему величайшему изумлению, я заметил смотрящее на меня сквозь вагонное стекло мертвенно-бледное лицо, донельзя возбужденное и искаженное гримасой ужаса. Я с трудом узнал в этой маске лицо попутчика, с которым мило беседовал предыдущие пару часов.

— Вот, возьмите! — хрипло кричал он. — Возьмите! Я поступил недостойно, ограбив вас на семь фунтов и четыре шиллинга. Поверьте, я не смог совладать с собой!

Он бросил что-то в приоткрытое окно купе и исчез из виду.

Это оказался мой старый кожаный бумажник с обратным билетом и со всеми моими отпускными. Ему лучше знать, как он его вытащил, — наверное, когда нагнулся за воображаемым зонтиком. Он, очевидно, почувствовал угрызения внезапно проснувшейся совести, и именно она заставила его вернуть все на круги своя.

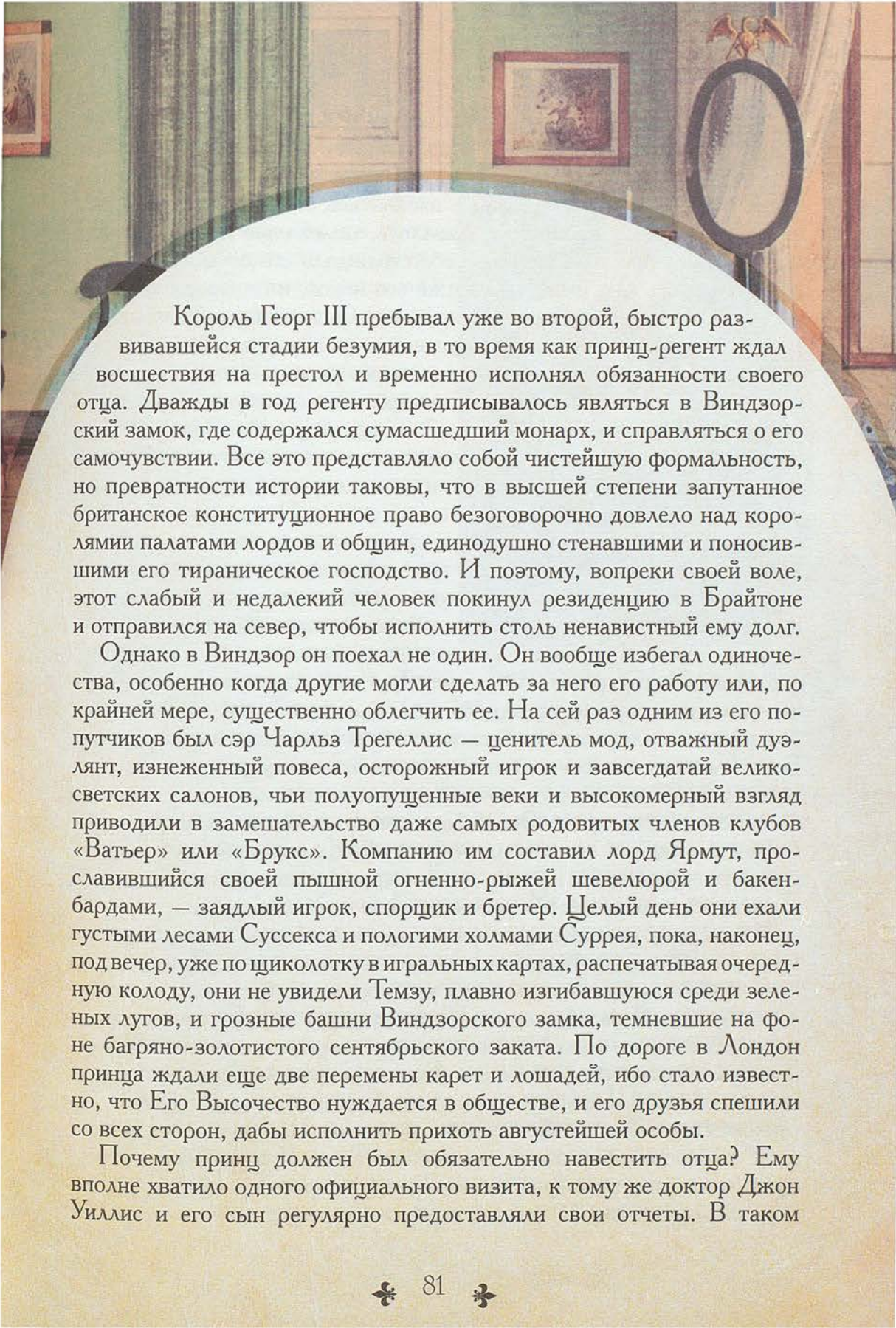

ДЕНЬ ИЗ ЭПОХИ РЕГЕНТСТВА

Описанные мною события происходили в бурные годы начала девятнадцатого столетия, когда Британия переживала век героев и шутов. В перерывах между боксерскими поединками, скаковыми дерби, великосветскими балами и дворцовыми скандалами страна превратилась во владычицу морей и смогла победить хваленую наполеоновскую гвардию. Шутники с Сент-Джеймс-стрит и игроки из клуба «Ватьер» были той же породы и нрава, что и храбрецы Веллингтона или «разгильдяи» и «недоумки», вызвавшие гнев Нельсона, а впоследствии своей доблестью завоевавшие его восхищение. В одном и том же человеке могли причудливо сочетаться пресыщенная изнеженность и отчаянная удаль. Поэтому неудивительно, что денди, вечером жуировавший в светском салоне, наутро превращался в яростного дуэлянта. Над всем этим странным обществом, где замысловато переплелись жестокость и сентиментальность, возвышалась тучная фигура принца-регента Георга, чудовищная по своей ничтожности и чрезвычайно интересная с точки зрения несвойственного человеку отсутствия каких бы то ни было интересов. Слабый и жалкий, лжец и трус, он до сих пор неким непостижимым образом приковывает к себе внимание потомков так же, как когда-то — современников, тем самым невольно вынуждая нас отвращать свой взор от людей куда более достойных.

Король Георг III пребывал уже во второй, быстро развивавшейся стадии безумия, в то время как принц-регент ждал восшествия на престол и временно исполнял обязанности своего отца. Дважды в год регенту предписывалось являться в Виндзорский замок, где содержался сумасшедший монарх, и справляться о его самочувствии. Все это представляло собой чистейшую формальность, но превратности истории таковы, что в высшей степени запутанное британское конституционное право безоговорочно довлело над королевскими палатами лордов и общин, единодушно стеновавшими и поносившими его тираническое господство. И поэтому, вопреки своей воле, этот слабый и недалекий человек покинул резиденцию в Брайтоне и отправился на север, чтобы исполнить столь ненавистный ему долг.

Однако в Виндзор он поехал не один. Он вообще избегал одиночества, особенно когда другие могли сделать за него его работу или, по крайней мере, существенно облегчить ее. На сей раз одним из его попутчиков был сэр Чарльз Трегеллис — ценитель мод, отважный дуэлянт, изнеженный повеса, осторожный игрок и завсегдатай великосветских салонов, чьи полуопущенные веки и высокомерный взгляд приводили в замешательство даже самых родовитых членов клубов «Ватьер» или «Брукс». Компанию им составил лорд Ярмут, прославившийся своей пышной огненно-рыжей шевелюрой и бакенбардами, — заядлый игрок, спорщик и бретер. Целый день они ехали густыми лесами Суссекса и пологими холмами Суррея, пока, наконец, под вечер, уже по щиколотку в игральных картах, распечатывая очередную колоду, они не увидели Темзу, плавно изгибающуюся среди зеленых лугов, и грозные башни Виндзорского замка, темневшие на фоне багряно-золотистого сентябрьского заката. По дороге в Лондон принца ждали еще две перемены карет и лошадей, ибо стало известно, что Его Высочество нуждается в обществе, и его друзья спешили со всех сторон, дабы исполнить прихоть августейшей особы.

Почему принц должен был обязательно навестить отца? Ему вполне хватило одного официального визита, к тому же доктор Джон Уиллис и его сын регулярно предоставляли свои отчеты. В таком

состоянии принц видел отца один-единственный раз и с тех пор никак не мог забыть их встречи. Воспоминания о ней часто преследовали его, когда он беспокойно ворочался по ночам, тщетно пытаясь уснуть, и далеко не всегда ему удавалось избавиться от них с помощью бесчисленных рюмок мараскина. Казалось, положение принца-регента и наследника престола само по себе ограждало его от любых неприятностей. Весь мир стоял на страже его покоя, но природа являлась досадным исключением в этой идиллии. Она являла собой грубую, жестокую и не прикрытую дворцовым политесом реальность. За всю свою жизнь принц не услышал ни единого резкого слова или упрека ни от кого, кроме сурового старика-отца и жены, этой отвратительной немки с непроизносимой фамилией. Пару раз, когда палату общин просили разрешить оплатить его долги из казны, там звучали довольно едкие и нелюбезные речи, но он их не слышал. Они достигали его ушей в самой смягченной и обтекаемой форме. Придворные льстецы и подхалимы, словно сквозь сито, просеивали все, что доходило до него из внешнего мира. И теперь туда, где он доселе жил в тепличных условиях, окруженный потворством и угодничеством, словно вихрь, ворвалась жестокая реальность — болезнь отца. Король, по положению стоявший гораздо выше него, все больше впадал в детство, в слезливое старческое слабоумие. Трусливая натура принца Георга приходила в ужас от одного вида болтливого безумца-старика, беспрестанно изрыгавшего бесконечные потоки бессмысленных слов. В эти минуты он со всей явью осознал, что существует высший закон и суд, перед которым все его исключительное положение и привилегии суть прах. Он всеми силами старался избежать этой встречи, а после — скорее позабыть о ней. Именно поэтому его апартаменты, куда он пригласил своих друзей, помещались в крыле замка, расположенном как можно дальше от покоев короля.

К позднему ужину накрыли двенадцать приборов, и все его участники засиделись за бокалами вина далеко за полночь. Принц много пил, чтобы облегчить тяготившее его моральное бремя. Дом монарших страданий навевал на него невероятную тоску. Остальные пили наравне с ним или даже больше, стараясь выказать сочувствие своему августейшему другу, а также в собственное удовольствие, ибо обильные возлияния являлись в те времена общепринятой нормой. За столом сидели: острый на язык румяный Шеридан, Хертфорд, муж нынешней фаворитки принца, его сын Ярмут, Теодор Хук, душа компании, весельчак и шут, Трегеллис, покрасневшийся после четвертой бутылки, Монфор с похотливым взглядом и безукоризнен-

ноповязанным галстуком, гвардеец Маккиннон и Бенбери, недавно застреливший сэра Чарльза Уильямса в каком-то известняковом карьере. Именно эти люди, вопреки добродетели и мудрости всей Британии, составляли ближний круг принца-регента на пятидесятом году его жизни.

Он сидел, развалившись на стуле, и по мере того, как графини сменяли друг друга, его глаза все больше стекленели, а лицо все сильнее наливалось кровью. Камзол был наполовину растегнут, и наружу торчала мятая рубашка с пышным жабо. От праздности и винопития он очень сильно растолстел, но на дворцовых церемониях всегда выступал с величественной торжественностью. Теперь, в час досуга, все августейшее величие

словно испарилось, и он вольготно устроился во главе стола — грубый, опухший, расплывшийся от жира, рано постаревший человек. За ужином он был забавен. Он обладал двумя несомненными талантами: умел увлекательно рассказать историю или анекдот и довольно неплохо пел. Будь он простолюдином, он всегда оставался бы душой любой компании. Но мозг его с каждым годом слабел, так что он сильно уступал окружающим его закаленным гулякам и бражникам. Несколько бокалов вина веселили его, выпив чуть больше, он делался сентиментально-слезливым; добавив еще немного, он становился совершенно невменяемым. К описываемому времени принц-регент уже начисто утратил всю былую благовоспитанность и сдержанность. В перерывах между возлияниями он гневно ругал братьев, жену и дочь, принцессу Шарлотту. В палате общин он визгливо кричал на вигов, этих проклятых вигов, которые отказывались повиноваться и не давали ему денег, чтобы расплатиться с досаждавшими ему кредиторами. Он обрушивал свою ярость на всех и вся, мешавших молниеносному исполнению

Томас Лоренс. Портрет Георга III

его бесчисленных капризов. Большинство в собравшейся за столом компании хоть как-то поддерживало принца своим напускным сочувствием, остальные же, потупившись, глядели в свои бокалы или же неодобрительно задирали брови, обмениваясь красноречивыми взглядами. Более того, на какой-то стадии пьяного восторга он принимался врать, забрасывая окружающих совершенно абсурдной, наскоро сочиненной тщеславной и самовлюбленной похвальбой. Это являлось одним из пороков всей правящей династии и стало главной причиной сумасшествия его отца, потерявшего способность отличать правду от вымысла. За изнеженным, тупым сибаритом всегда маячит тень безумия.

— Ну да, ну да, неплохо он там справляется, — небрежно протянул Георг, когда речь зашла о недавних победах Веллингтона в Испании. — Совсем неплохо, однако ему везет с теми, кто у него под началом. Вот, помню, при Саламанке...

Все тайком переглянулись, поскольку знали, что принц любит приврать.

— Так вот, при Саламанке, — самодовольно продолжил он, — что бы с ним случилось, если бы кирасиры не атаковали вовремя? А почему они атаковали?

— Потому что Ваше Высочество изволили отдать приказ, — подобострастно ответил кто-то из льстецов.

— Ага, все-таки узнали, а?! — ликующе воскликнул принц. — Йорк старался замолчать это дело, да и Веллингтон тоже — они ведь оба чертовски мне завидуют. Но правды не спрячешь!

— Ле Маршан, — сказал я их командиру, — если кирасиры сейчас же не атакуют, наше дело плохо!

— Но мы не можем атаковать пехотный строй, — спасовал он.

— Тогда, сударь мой, ее атакую я и сам поведу кирасир, — ответил я ему. Я пришпорил своего жеребца, огромного такого вороного с белыми чулками, и повел кирасир прямо на французские каре. Вы ведь можете подтвердить эту историю, Трегеллис.

— Да, я могу подтвердить эту историю, — согласился сэр Чарльз, сделав ударение на последнем слове, что вызвало хихиканье.

— Как осторожно изъясняется наш сэр Чарльз, — ехидно заметил Монфор, изо всех сил строя из себя любимчика принца. — Он, несомненно, подтвердит, что так все было на самом деле.

— Я не имел чести присутствовать там, — ответил сэр Чарльз. — Однако странно, лорд Монфор, что вы спрашиваете подтверждения того, о чем Его Высочество говорит как о свершившемся факте.

Слова Монфора содержали столь тонкий намек на самого принца, что подвыпивший регент просто не понял его. Он хмуро уставился на своего новоявленного фаворита и покачал головой.

— Вы что же, сомневаетесь в правдивости моих слов, лорд Монфор? А? Не слышу?

— Никоим образом, Ваше Высочество.

— Тогда я попросил бы вас, сударь мой, тщательней выбирать выражения.

Он надулся, словно обиженное дитя, а Монфор густо покраснел от локонов парика до белоснежного пышного жабо.

Когда над столом вновь повис гул малозначительных разговоров, он повернулся к Трегеллису.

— Вы завтра рано собираетесь в Лондон, сэр Чарльз? — спросил он быстрым полупшепотом.

— В семь утра я еще буду здесь, — ответил Трегеллис, мило улыбаясь.

— А я, пожалуй, прогуляюсь у Итонских лугов, — с поклоном сказал Монфор.

Это станет его последней прогулкой без трости. Однако шумная компания не заметила осторожного вызова на дуэль. Принц тем временем рассказывал очередную историю. Он, как всегда, потерял нить, но вся компания разразилась гомерическим хохотом. Хук рассказал анекдот, на сей раз связно, но его встретили лишь слабым одобрительным бормотанием. Заговорили о скачках: почему Сэма Чифни сняли с забега, и отчего Его Высочество перестал показываться в Ньюмаркете. С пьяными слезами на мутных глазах принц поведал о том, как гадко там с ним обошлись. Затем перешли к боксу. Ярмут, слывший покровителем ринга, рассказал о некоем Грегсоне, силаче-северянине, которого он видел в заведении Уорда на Сент-Мартин-лейн. В предстоящем поединке его отец поставил против Грегсона сто гиней, и эту «семейную ставку» приняли под крики, свист и улюлюканье. После этого беседа плавно перешла на неисчерпаемую дамскую тему, и сразу стало ясно, сколь сильно деградировали некогда благороднейшие умы в век грубого господства чистогана, запятнав сей самый возвышенный из всех предметов. Бледное лицо Трегеллиса исказилось гримасой отвращения, когда он слушал то и дело прерываемые приступами икоты рассказы принца о его нескончаемых победах на любовном фронте.

— Между прочим, — небрежно произнес он, осторожно меняя тему, — известно ли Вашему Высочеству о новой моде, что ввел в свет

наш бравый капитан Маккиннон? Без его милых и смелых эскапад не обходится ни один бал или званый вечер. Даже леди Ливен клянется, что ее следующий бал не удастся, если он не обойдет зал по стульям, табуретам и инструментам музыкантов.

Пресыщенный аппетит регента постоянно требовал чего-то новенького, дабы принц не потерял вкус к жизни. Хук взлетел на самый верх благодаря своей оригинальности, которая, признаться, уже начала терять былую свежесть. Любой обладавший каким-то даром или талантом, сколь бы странным или гротескным тот ни был, тотчас оказывался в Брайтоне. Маккиннон был впервые «допущен в присутствие», и при словах сэра Чарльза его чистое, молодое лицо солдата пошло от смущения красными пятнами. Регент посмотрел на него остекленевшими глазами.

— Ну-ка, ну-ка, слышать-то я о вас слышал, но, черт побери, не припомню, чем это вы отличились. Это вы загрызли кошку? Нет, то был Инглстон. Или вы изображаете рожок дилижанса? Нет, черт возьми! Вот, вспомнил! Вы у нас по мебели ходите!

— Так точно, Ваше Высочество.

— В любой комнате пройдет по мебели, не касаясь пола! Непревзойденно, ха-ха! Ну, здесь места немного, так что тут и ребенок бы справился.

— Так точно, — ответил Маккиннон. — Здесь это нетрудно.

— Его хотели обхитрить у леди Каннингем! — вскричал Бенбери. — Оставили всего четыре стула и маленькую кушетку, но он вскарабкался по оконному карнизу, а спустился по прикрепленной к стене картинной раме. Он постоянно тренируется, доложу я вам.

Регент оглядел стоящую в комнате мебель, с трудом поднялся на ноги и стянул с себя шелковый темно-фиолетовый камзол.

— Камзолы долой, господа! — приказал он, и через мгновение все, стар и млад, оказались в белых батистовых рубашках.

— Мы все сделаем это! — объявил он. — Все до единого! И черт подери, капитан Маккиннон, мы вас обставим! Клянусь честью, маленькая зарядка никому не повредит. Итак, сударь мой, вы нас ведете! Следом вы, Бенбери! Потом вы, Ярмут! Вы, Хертфорд! Потом я! Все, как сидим! Коснувшийся пола штрафуются — выпивает большой бокал мараскина.

Это был поистине идиотский спектакль, как нельзя нагляднее характеризующий эпоху, когда в высшем свете самое нелепое чудачество или смехотворная экстравагантность обеспечивали куда более прямой и надежный путь к успеху и известности, нежели ум, талант

и дарование. Если же действительно наделенные умом и талантом люди — Фокс или Шеридан — и преуспели в тогдашнем обществе, то скорее благодаря своим порокам, нежели добродетелям. Вордсворт или Кольридж были бы бессильны перед соперником, умевшим кукарекать или обладавшим неиссякаемым запасом задумок для розыгрышей. Поэтому Маккиннон благодаря своему абсурдному достижению буквально штурмом взял лондонские великосветские салоны и через головы своих командиров в одночасье взлетел вверх, оказавшись в кругу избранных, участвовавших в развлечениях и порочных увеселениях августейшего ничтожества — принца Георга.

Маккиннон поднялся со стула, немного взволнованный тем, что ему придется возглавить это шутовское шествие гуськом. Это был высокий, подтянутый молодой человек со спортивной фигурой, явственно указывавшей на его ежедневные гимнастические упражнения. Но здесь он не мог проявить себя в полную силу. Как правильно заметил принц, любой, обладавший хоть какой-то ловкостью, мог без труда обойти комнату по кругу, не касаясь при этом пола, поскольку массивная мебель присутствовала в изобилии. Со стула он перешел на длинный темный дубовый буфет, заставленный блюдами с фруктами. Пройдя по нему, он оказался в нескольких футах от кресла, в которое спрыгнул. За ним с хохотом и криками последовали остальные — одни такие же молодые и подтянутые, как он, другие — растолстевшие от чревоугодия и шатавшиеся от выпитого. Однако все они усердно ринулись участвовать в августейшей забаве. Изысканный щеголь Бенбери с лениво показным изяществом прыгнул с буфета на кресло, но приземлился на подлокотник и свалился на пол. Принц, балансируя между блюдами и ледниками с вином, хохотал так, что ему пришлось ухватиться за висевшую на стене картину, чтобы не упасть. Когда он, в свою очередь, прыгнул на кресло, то пробил ногами сиденье до самого пола, чем вызвал бурный восторг своих собутыльников. «Вот это да! Вот это да!» — кричал Хук, а Монфор принялся изображать тирольский йодль. Они все по очереди падали в сломанное кресло, пока оно не превратилось в груды деревьев и изорванной в клочья обивки. Оттуда, разгоряченные охотничьим азартом, они взобрались на комод, откуда цепочка стульев привела их к камину с тяжелой мраморной облицовкой. Здесь их поджидал самый опасный участок: с одной стороны огромное зеркало, с другой — узорная каминная решетка высотой в полтора метра. Маккиннон без труда прошел по узкому «карнизу», за ним последовали Бенбери, Ярмут, Хертфорд и сам принц, цепляв-

Джеймс Гилрей. Карикатура на принца Уэльского, будущего Георга IV

шийся за зеркало жирными пальцами, оставлявшими на нем мутные разводы. Он почти что дотянул свое грузное, неповоротливое тело до безопасного спуска, как вдруг смолкли восторженные возгласы и воцарилась странная, пугающая тишина. Совсем другой звук, становившийся все громче, словно оборвал пьяные выкрики веселящейся компании.

Это был долгий, монотонный, мычащий зов, похожий на рев неведомого зверя, повторявшийся на одной ноте, но нараставший до какого-то утробного вопля. Вот уже несколько минут Трегеллис и остальные слышали этот неясный и странный шум, но не придавали ему значения. Теперь он становился громче с каждой секундой, как будто по коридору шла неизвестно откуда взявшаяся мычащая корова, быстро приближаясь к дверям столовой. Звук нарастал и делался столь подавляющим, что поверг бражников в недоуменное молчание. Он являл собой нечто необычайное — животное по звучанию, но человеческое по своей натуре — злоещее, бессмысленное уханье и гиканье, от которого в жилах стыла кровь. Они по очереди переглянулись — мужчины в одних рубахах, в нелепых позах застывшие на столах и стульях. Кто мог выть в гулких дворцовых коридорах? Этот немой вопрос застыл в глазах у всех, и только принц смог ответить на него побелевшими губами. Он спустился на стул и застыл, уставившись на дверь выпученными от страха глазами. Снаружи донесся последний ужасный вопль, дверь распахнулась, и в проеме показался безумный король с искаженным гримасой лицом, что-то бессвязно бормотавший себе под нос.

Одет он был в длинный серый халат, из-под которого торчали красные шлепанцы. Его седые волосы стояли дыбом, растрепанная борода покрывала всю грудь, а выпученные глаза бессмысленно вращались. Он застыл на минуту, держась за дверь, — жалкий, сгорбленный старик. Затем рот его широко раскрылся, и вновь комнату огласил долгий, и пронзительный крик. В то же мгновение перепуганные гуляки заметили за его спиной какое-то движение, затем появились лица бежавших со всех ног врачей. Их цепкие руки подхватили короля, его оттащили назад, и дверь с треском захлопнулась за голосящим и извивающимся монархом. Затем в полной тишине раздался глухой стук. Трегеллис ринулся к графину с бренди.

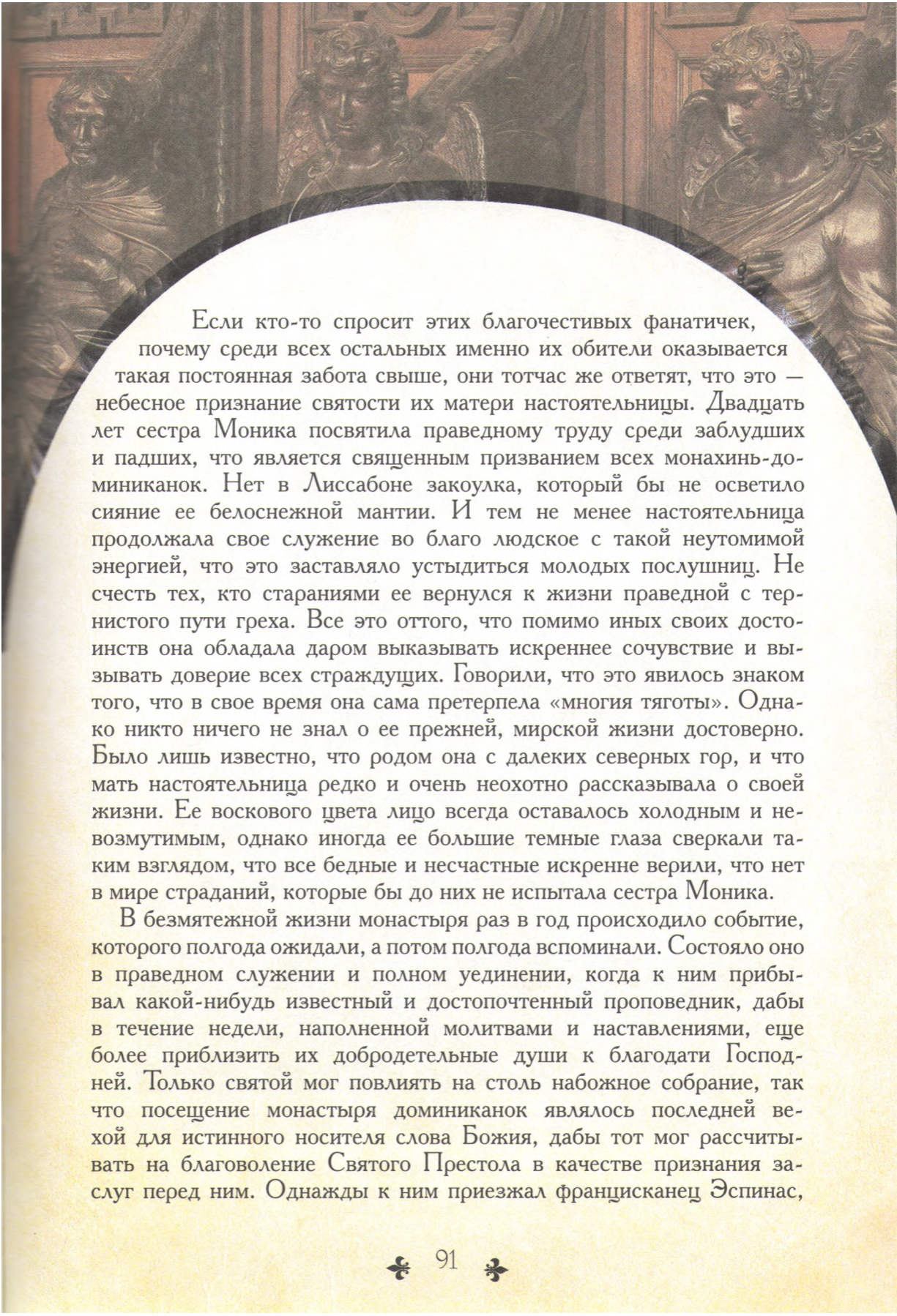
— Ослабьте ему ворот, — хладнокровно приказал он, — и голову держите повыше.

Повинуясь его словам, группка сконфуженных, полупьяных фаворитов подняла тучное бесчувственное тело наследника престола и бережно перенесла его на кушетку.

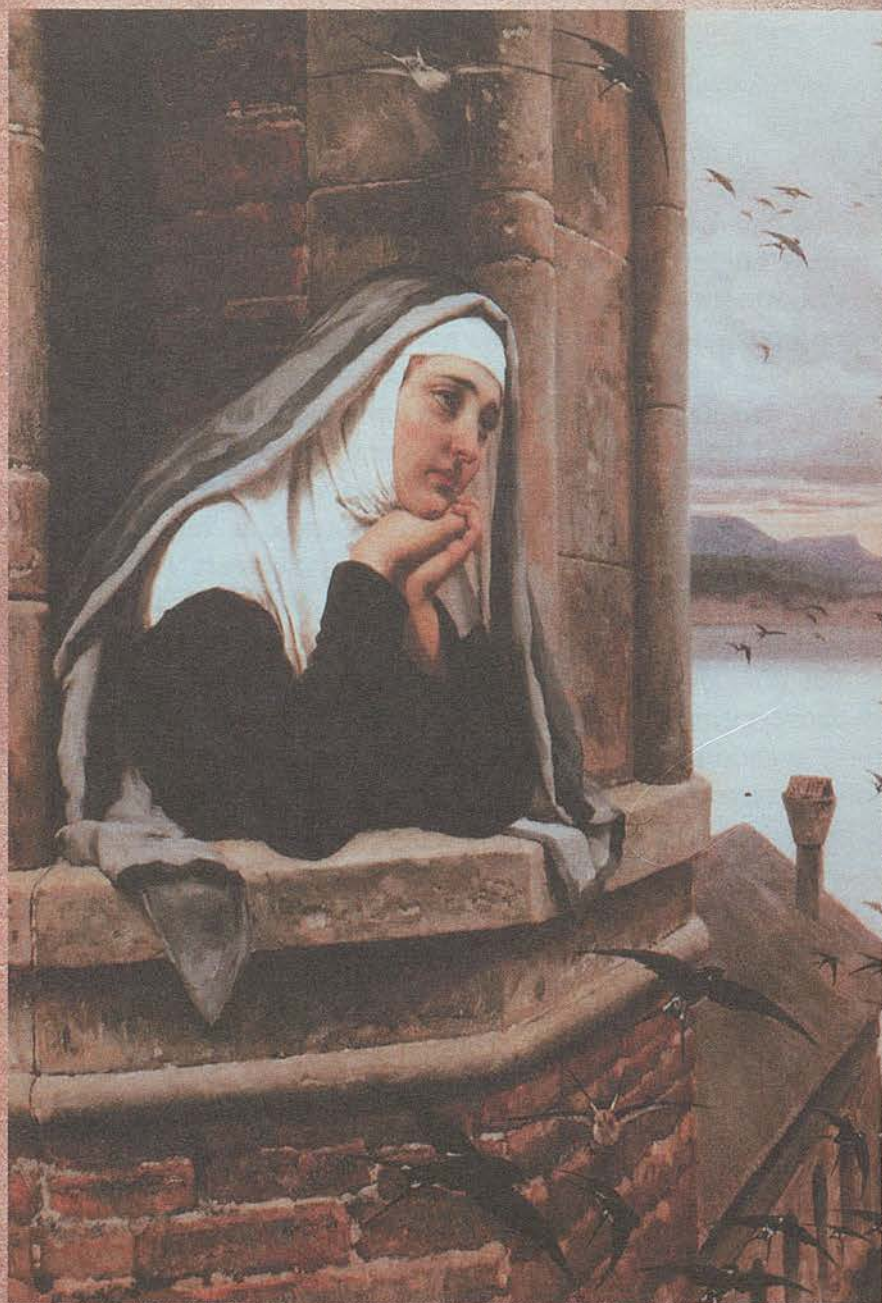
ИСПОВЕДЬ

Женский монастырь Третьего ордена доминиканцев — большое здание с белеными стенами и глубоко врезанными окошками — стоит на углу улицы Святого Петра в Лиссабоне. За крутым деревянным крыльцом высится статуя святого Доминика, основателя ордена, выполненная в человеческий рост. Любой переступивший порог монастыря с удивлением обнаружит несколько странное скопление предметов, стоящих у подножия статуи. Каждое пожертвование по обету меняется от недели к неделе. В большинстве своем эти подношения состоят из кружек с вином, сырных крошек, деревянных щепок и кофейных зерен, однако иногда к ним добавляются дырявая жестяная кастрюля или погнутая тарелка. С наивной верой сестры, когда им что-то надобно по хозяйству, кладут то, в чем они нуждаются, к ногам своего покровителя-святого, тем самым взывая к его помощи. Само собой разумеется, что на следующий же день появляются вино, дрова, новые кастрюли и тарелки — словом, все, что нужно. Результат ли это чуда или скромной помощи набожных мирян — может гадать кто угодно, но только не простодушные сестры-доминиканки. Для них само их существование есть одно нескончаемое чудо, и в качестве опровержения любых сомнений нечестивых еретиков они показывают на полки своих кладовых.

Если кто-то спросит этих благочестивых фанатичек, почему среди всех остальных именно их обители оказывается такая постоянная забота свыше, они тотчас же ответят, что это — небесное признание святости их матери настоятельницы. Двадцать лет сестра Моника посвятила праведному труду среди заблудших и падших, что является священным призванием всех монахинь-доминиканок. Нет в Лиссабоне закоулка, который бы не осветило сияние ее белоснежной мантии. И тем не менее настоятельница продолжала свое служение во благо людское с такой неутомимой энергией, что это заставляло устыдиться молодых послушниц. Не счесть тех, кто стараниями ее вернулся к жизни праведной с тернистого пути греха. Все это оттого, что помимо иных своих достоинств она обладала даром выказывать искреннее сочувствие и вызывать доверие всех страждущих. Говорили, что это явилось знаком того, что в свое время она сама претерпела «многие тяготы». Однако никто ничего не знал о ее прежней, мирской жизни достоверно. Было лишь известно, что родом она с далеких северных гор, и что мать настоятельница редко и очень неохотно рассказывала о своей жизни. Ее воскового цвета лицо всегда оставалось холодным и невозмутимым, однако иногда ее большие темные глаза сверкали таким взглядом, что все бедные и несчастные искренне верили, что нет в мире страданий, которые бы до них не испытала сестра Моника.

В безмятежной жизни монастыря раз в год происходило событие, которого полгода ожидали, а потом полгода вспоминали. Состояло оно в праведном служении и полном уединении, когда к ним прибывал какой-нибудь известный и достопочтенный проповедник, дабы в течение недели, наполненной молитвами и наставлениями, еще более приблизить их добродетельные души к благодати Господней. Только святой мог повлиять на столь набожное собрание, так что посещение монастыря доминиканок являлось последней вехой для истинного носителя слова Божия, дабы тот мог рассчитывать на благоволение Святого Престола в качестве признания заслуг перед ним. Однажды к ним приезжал францисканец Эспинас,

Эжен де Блаас. Безмолвные думы

в другой раз — отец Менас, знаменитый аббат Алькантарский. Но ни тот, ни другой не смогли вызвать такого, хоть всеми силами и скрываемого, радостного ожидания, когда по кельям пронесся слух, что в этот год им окажет честь своим присутствием не кто иной, как сам отец Гарсия, член ордена иезуитов.

Ибо отец Гарсия был священнослужителем, известным всей Европе как достойнейший продолжатель дела таких великих людей, как Игнатий Лойола и Франциск Ксаверий, что основали «общество Иисуса». Этот страстный проповедник и яркий, талантливый писатель являлся к тому же и мучеником, ибо он понес слово Божие в Тибет, вернувшись оттуда с переломанными пальцами и вывернутыми запястьями как знаками своей безграничной веры. Эти изувеченные руки, поднятые в призыве к пастве, повергали ее в молитвенный экстаз. В жизни он был высоким, смуглым, согбенным стариком, чрезвычайно худым от постоянного иссушения плоти, с тонким лицом, острым взглядом и ястребиным носом. Одним словом, он представлял собой воплощение истинного и бескомпромиссного служителя Господа. Его обветренное, испещренное глубокими морщинами лицо некогда отличалось красотой и изяществом, теперь же оно являло собой олицетворенную безграничную веру и стальную волю. Но, как бы то ни было, оно и в пору его молодости, и в преклонные года никого не оставляло равнодушным. Шрам от удара кинжалом, нанесенный ему язычниками, вызывал еще большее благоговение в глазах верующих. Многие бы искренне засомневались, что этот сгорбленный, изможденный на вид человек мог обладать нерушимой силой духа, если бы не его живые темные глаза, истово горевшие из-под густых бровей.

Эти глаза всегда буквально довели над паствой, будь то распутные и погрязшие в грехах жители Лиссабона или же благочестивые обитательницы доминиканского монастыря. Они яростно пылали, когда он обличал грехи и грозил грешникам геенной огненной, они лучились добротой, когда он проповедовал любовь и смирение, и каждый раз они подчиняли слушавших его тому, что вещали его уста. Когда он, одетый во все черное, стоял у алтаря, плотная толпа монахинь в белых одеяниях беспрекословно повиновалась каждому движению его горящих глаз и каждому мановению его изуродованной руки. Но более всех он поразил мать настоятельницу. Она не сводила глаз с его лица, и многие заметили, что она, казалось, навсегда оставившая все мирские чувства в своей прежней жизни, теперь сидела с белым, как ее кlobук, лицом и после каждой службы пошатывалась и дрожала

так, что ее четки громко стучали об аналой. Одна из инокинь рассказывала в трапезной, что когда ей вечером случилось обратиться к настоятельнице за советом, она глазам своим не поверила, увидев, как всегда предельно сдержанная матушка плакала навзрыд, уронив лицо в тонкую жесткую подушку.

И вот, неделя уединения подошла к концу, и вечером субботы каждой монахине надлежало исповедаться, дабы подготовиться к Святому причастию воскресным утром. Одна за другой фигуры в белоснежных одеяниях, призванных символизировать чистоту их душ, входили в исповедальную, сквозь зарешеченное окошко шепотом рассказывали о своем нехитром бытии и с величайшим смирением и раскаянием внимали мудрым наставлениям и замечаниям, которые им, отведя взгляд, шепотом изрекал пожилой священник. Строго согласно статуту инокини, послушницы и сестры возвращались в часовню и ждали лишь прихода матери настоятельницы, дабы завершить день всегдашней вечерней молитвой.

Мать Моника вошла в темную исповедальную и сквозь маленькое зарешеченное окошко увидела седую голову, обращенное к ней ухо и изуродованную руку, закрывавшую остальную часть лица. Рядом с сидящим монахом-иезуитом горела одинокая свеча, и она услышала легких шелест, когда он перелистывал требник. С видом человека, сознающего в тягчайшем преступлении, она опустилась на колени, смиреннейше опустив голову, и скороговоркой что-то пробормотала о банальных ошибках и промахах, связывавших ее с остальным человечеством. Они были столь ничтожны и немногочисленны, что священник всерьез призадумался, какое самое легкое из наказаний соответствовало бы ее почти полной безгрешности, как вдруг исповедавшаяся запнулась, словно хотела сказать что-то еще, но не могла найти в себе сил сделать этого.

— Мужайся, сестра, — произнес отец Гарсия. — Что еще ты не высказала?

— Я не высказала самое худшее, — ответила она.

— Самое худшее не всегда самое тяжкое, — ободрил ее священник. — Отринь страх, сестра, и поведай это мне.

Однако настоятельница все же пребывала в нерешительности. И вот, наконец, она заговорила, но таким тихим шепотом, что сидевший по ту сторону решетки приложил ладонь к уху, чтобы лучше слышать.

— Преподобный отец, — начала она, — мы, носящие облачение святого Доминика, дали обет навсегда оставить все мирские мысли.

И тем не менее я, недостойная настоятельница, в которой все по праву ищут пример для подражания, всю эту неделю оказалась снедаема воспоминаниями о любимом — о любимом мною мужчине, пресвятой отец — давным-давно, за много лет до того, как я приняла постриг.

— Сестра моя, — ответил иезуит, — мысли наши не всегда подвластны нам. Когда они становятся таковыми, что разум наш восстает против них, нам остается лишь горько о них сожалеть и приложить все силы, дабы избавиться от них.

— В этом-то и состоит тяжесть моего греха, святой отец. Мысли сии были мне приятны, и никакими усилиями мне не удавалось отбросить их прочь. Будучи в своей келье, я изо всех сил пыталась одолеть свою слабость, но как только вы начали говорить...

— Я начал говорить?..

— Это ваш голос, святой отец, что заставил меня вспомнить казавшееся мне давно позабытым. Каждое ваше слово вызывало у меня воспоминания о Педро.

Священник вздрогнул от почти бесстыдной откровенности, с которой исповедавшаяся произнесла имя своего возлюбленного.

Георг Урлауб. Исповедь у доминиканца

Моника слышала, как требник упал на пол, но он не удосужился поднять его. На некоторое время воцарилась мертвая тишина, а потом, отвернувшись от окошка, монах скороговоркой объявил меру искупления и отпущение грехов.

Настоятельница поднялась с подушечки и уже было собралась идти, как вдруг до нее донесся сдавленный стон. Она взглянула на решетку исповедальни и в ужасе отшатнулась. Сквозь зарешеченное окошко на нее смотрело искаженное болью лицо с двумя безумными глазами, горевшими таким огнем неутешной тоски и безнадежного отчаяния, что один их взгляд вместили в себя все тридцать лет затаенных страданий и мук.

— Юлия! — воскликнул он.

Она бессильно прислонилась к деревянной перегородке исповедальни, прижав руку к бешено колотившемуся сердцу и побелев, как полотно. В своем белом одеянии она походила на увядшую лилию.

— Это ты, Педро, — еле слышно произнесла она наконец. — Мы не должны разговаривать. Это грех.

— Мой долг как исповедника исполнен, — отвечал он. — Ради Бога, скажи мне несколько слов. В этом мире мы уже никогда не увидимся.

Она снова преклонила колени, и ее мертвенно-бледное лицо оказалось напротив его горящих глаз.

— Я не узнала тебя, Педро. Ты так сильно изменился. Только голос и остался.

— Я тоже тебя не узнал, пока ты не произнесла мое мирское имя. Я не знал, что ты приняла постриг.

Она ответила тяжелым вздохом.

— А что еще мне оставалось? Мне незачем было жить, когда ты оставил меня.

По ту сторону решетки раздался хриплый стон.

— Я тебя оставил? Скорее, когда ты отвергла меня.

— Педро, ты же знаешь, что именно ты оставил меня.

Его тонкое смуглое лицо напряглось, словно он собрал все силы, чтобы встретить удар судьбы.

— Послушай, Юлия, — заговорил он. — В последний раз мы виделись с тобой на площади. У нас не было и минуты, поскольку наши семьи враждовали. Я тогда сказал, что если ты поставишь лампу в своем окне, то это явится мне знаком, чтобы я оставался верен тебе. Если же подоконник останется пуст, я навсегда исчезну из твоей жизни. Лампы там не оказалось.

— Я поставила лампу, Педро.
— Твое окно было третьим сверху?
— Первым сверху. Кто тебе сказал, что третьим?
— Твой двоюродный брат Альфонсо — мой единственный друг в твоей семье.

— Кузен Альфонсо просил моей руки, и я ему отказала.
Изувеченные руки взметнулись вверх в бессильной вспышке ненависти.

— Тише, Педро, тише! — зашептала она.
— Я не сказал ни слова.
— Прости его!
— Нет, никогда я его не прощу! Никогда! Никогда!
— Так, значит, ты не хотел оставлять меня?
— Я вступил в орден в надежде найти скорую смерть.
— И ты не забыл меня?
— Боже правый, помоги мне! Я не мог забыть тебя.
— Как же я рада, что ты меня не забыл. О Педро, бедные, бедные твои руки! Моя потеря обернулась даром для других людей. Я потеряла свою любовь, дав миру святого и мученика.

Тут он закрыл лицо руками, и его худые плечи сотряслись от рыданий.

— Что наши жизни! — сдавленно произнес он. — Что наши попусту потраченные жизни!

Сестры в обители святого Доминика до сих пор говорят о последней проповеди, которую им прочел отец Гарсия. В ней он говорил об ужасных превратностях судьбы, и какой благодатью они могут обернуться, когда на худом стебле взойдет и распустится цветок добрый. Говорил он также о душеубийственном горе, что может обрушиться на нас, и как мы сможем очиститься благодаря ему, если познаем и проявим глубокое и истинное сочувствие к горестям ближних наших. Затем он стал молиться и попросил паству молиться вместе с ним, дабы все «мужи несчастные и жены кроткия» смогли воспринять горе подобным образом и дабы мятежный дух одного смирился, а слабый дух другого укрепился. Такова была молитва, вознесенная к Богу сотней монахинь, и если Пречистый и Благостнейший Господь услышал ее, молитва сия вновь привнесла мир в души матери настоятельницы Моники и отца Гарсии из ордена иезуитов.

ПАСТОРАЛЬНЫЙ УЖАС

Высоко над озером Констанс, примостившись в уютном уголке Тирольских Альп, лежит небольшой городок Фельдкирх. Он не примечателен ничем, кроме большого духовного училища ордена иезуитов и дивной красоты своих окрестностей. Во всей провинции Форарльберг нет места прекрасней этого. Из-за окружающих город холмов примерно в двадцати километрах от города тускло мерцает гладь озера, похожая на огромное ртутное пятно. Далеко внизу, в долинах, весело и резво несут свои воды Рейн и Дунай, пока еще ручейки, ничем не напоминающие величественные реки, в которые они превратятся через много дней пути отсюда. С плоскогорья, где находится Фельдкирх, видны сразу пять государств и великих княжеств — Швейцария, Австрия, Баден, Вюртемберг и Бавария.

Фельдкирх находится в самом центре этого идиллического края невысоких гор и густых лесов. Проезжий тракт, разделяющий город на две части, тянется до развилки у самого Анспаха, откуда более широкая дорога ведет сквозь долины Тирольских Альп в столицу провинции Тироль, город Инсбрук. Та, что поуже, вьется среди лесистых долин и заканчивается километров через пятнадцать в деревне Ладен, где распадается на великое множество тропинок. Я, Джон Хадсон, провел в этом пасторальном уголке почти два года — с июня 1865-го

по март 1867-го. Именно в это время здесь произошли события, благодаря которым дотоле тишайшая деревушка сни-скала себе печальную известность и в течение нескольких недель в первый и, возможно, в последний раз не сходила со страниц европейской прессы. Краткое изложение случившегося, появившееся в британских газетах, оказалось неточным и весьма искаженным. К тому же быстрое наступление прусских войск, закончившееся их победой в битве при Садовой, отвлекло внимание общественности от того, что могло бы живо заинтересовать ее в более спокойные времена. Мне кажется, что теперь, наконец, настала пора детально изложить факты, доселе неизвестные подавляющему большинству читателей, тем более что я сам поневоле оказался активным участником той драмы, а посему вправе привести множество подробностей, которые до сих пор не являлись достоянием широкой публики.

Но сначала несколько слов о том, как я оказался в этой захолустной деревушке. Когда разорилась крупная лондонская компания «Сприндж, Вилкинсон, Спрэгг и Ко.», она смогла выплатить своим вкладчикам чуть меньше восемнадцати пенсов на вложенный фунт стерлингов, так что многие акционеры, включая меня, оказались на грани финансовой пропасти. Однако существовали некоторые обстоятельства юридического свойства, которые ставили меня в несколько привилегированное положение по сравнению с другими пайщиками, и это давало надежду все-таки получить дивиденды в полном объеме. Пока дело путешествовало по бесконечным судебным инстанциям, мои сбережения таяли, и вскоре их стало хватать лишь на самое скромное существование.

Поэтому я решил на некоторое время перебраться за границу, поскольку там я смог бы жить более экономно, а также избежать сочувственно-язвительных взглядов и слов тех, кто общался со мной в куда более благополучные для меня времена. За несколько лет до этого один из моих друзей описал Ладен как одно из самых уединенных мест из всех, где ему довелось побывать, а для меня уединенность и дешевизна всегда являлись синонимами. Я всерьез задумался над

его словами. К тому же этот мой приятель обладал желчно-циничным нравом, так что мне захотелось на некоторое время избавиться себя от его общества. Посему, прислушавшись к гласу бедности и отчасти мизантропии, я отправился в Ладен, где мое появление вызвало настоящий фурор среди деревенских жителей. И вправду, манеры и привычки рыжебородого «Энгландера», его обыкновение совершать долгие прогулки, его костюм в клетку, а главное — причины, побудившие его покинуть свой «фатерлянд», вызвали целый шквал сплетен, домыслов и пересудов среди завсегдаев двух здешних пивных — «Грюнер Манна» и «Шварцер Бара».

В Ладене я ощутил себя счастливым человеком. Места там просто великолепные, а двадцать лет, прожитые мной в каменных мешках Брикстона, научили меня восхищаться природой и ценить каждый час, проведенный на свежем воздухе. В юности я довольно неплохо знал немецкий и уже через пару месяцев своего пребывания в Ладене уже мог вести пространные беседы на научные и абстрактно-отвлеченные темы с только что назначенным сюда католическим приходским священником.

Святой отец оказался для меня настоящей находкой, его мне словно сам Бог послал, поскольку он был образованнейшим человеком и замечательным собеседником. Отец Ферхаген — так его звали — в свои сорок с небольшим лет уже снискал себе блестящую репутацию как автор великолепной монографии по истории раннего папства. Маститые критики благосклонно сравнивали его книгу с работами фон Ранке. В глубине души я подозревал, что на самом деле именно высказанные в его исследовании смелые, неординарные взгляды, отличавшиеся от наставлений Ватикана, и послужили истинной причиной «ссылки» Ферхагена в заштатный сельский приход. Их можно было смело назвать ультралиберальными, и в пору своей пламенной юности он защищал свои позиции с оружием в руках. Об этом свидетельствовал глубокий шрам на подбородке, полученный им в схватке с драгунами на берлинских баррикадах в 1848 году. В общем, святой отец представлял собой весьма неординарную личность, и, несмотря на его несколько неприветливый и замкнутый характер, между нами вскоре установились теплые дружеские отношения.

В Ладене царила такая атмосфера праведности и уважения к закону, что временами в нее с трудом верилось даже мне. Служба интенданта, или констебля, лейтенанта Вюрмса и его помощников давным-давно превратилась в синекуру. Отсутствие в церкви по воскресеньям или по престольным праздникам являлось тягчайшим грехом

Карл Шпицвег. Аромат розы

и преступлением, на которое решались самые «разнузданные» из сельчан. Иногда случалось, что какой-нибудь неотесанный Фриц или Андреас, немного перебрав в пивной, шатаясь, вваливался домой в десять вечера. Он даже мог отважиться отвесить тумака своей дражайшей половине, если та вздумала возмущаться. Но такое происходило весьма редко, и односельчане смотрели на провинившегося со смешанным чувством восхищения и осуждения, как смотрят на человека, совершившего нетяжкое правонарушение с целью самоутвердиться.

Именно в этом идиллическом уголке и разразилась серия громких преступлений, ужаснувших всю Европу. Запредельная жестокость,

с которой они совершались, и окутывавшая их таинственность превосходили все, о чем дотоле мне доводилось когда-либо слышать или читать. Я постараюсь представить краткое изложение тех событий в хронологическом порядке, в чем мне окажет неоценимую помощь мой дневник, который я вел на протяжении почти всей своей жизни.

Итак, из него мы узнаем, что 19 мая 1866 года моя пожилая домохозяйка фрау Циммер буквально ворвалась ко мне в комнату, когда я потягивал чашку горячего шоколада, и, запыхавшись, выпалила, что в деревне произошло убийство. Сперва я не поверил своим ушам, но она продолжала настаивать, и весь ее вид говорил о том, что она сильно напугана. Я надел шляпу и вышел из дома, чтобы узнать, что же на самом деле случилось. Очутившись на главной улице, я увидел, как несколько человек торопливо шли впереди меня. Последовав за ними, я скоро оказался у маленькой ратуши — большого здания, похожего на амбар, где происходили всякого рода собрания. Там уже находилась большая группа людей, оживленно что-то обсуждавших. Подойдя поближе, я увидел, что они обступили труп некоего Мауля, который в свое время служил стюардом на одном из пароходов, курсировавших по озеру Констанс из Линдау во Фридрихсхафен и обратно. Этот Мауль слыл совершенно безобидным и довольно покладистым человеком. Он был небольшого роста, и в деревне его, в общем-то, любили. Все склонялись к тому, что о каких-то его личных врагах не могло быть и речи. Он лежал лицом вниз, судорожно вцепившись руками в землю. Волосы его слиплись от крови, которая стекла за воротник сюртука. Прошло почти два часа, как обнаружили тело, но, казалось, никто и понятия не имел, что с ним делать и куда его перенести. Мое появление, а также присутствие святого отца, который оказался у ратуши почти одновременно со мной, приободрили людей и вселили в них некую решимость. Под нашим руководством труп подняли по ступеням и положили на пол внутри здания. Здесь, убедившись, что перед нами тело без признаков жизни, мы продолжили его осмотр вместе с присоединившимся к нам здешним полицмейстером лейтенантом Вюрмсом. Лицо Мауля выражало полное спокойствие, что указывало на то, что он не подозревал об опасности до самого последнего момента, когда получил смертельный удар. Бумажник и часы остались нетронутыми. После того как мы смыли запекшуюся кровь с задней части головы, мы обнаружили одиночную рану треугольной формы. Оружие, которым наносился удар, раздробило кость и проникло глубоко в мозг. По всей видимости, оно представляло собой острый предмет пи-

рамыдальной формы. По-моему, отец Ферхаген высказал предположение, что удар, скорее всего, наносился небольшой мотыгой, киркой или ледорубом. Все они являются распространенными в здешних хозяйствах инструментами. Лейтенант с быстротой, достойной всяческой похвалы, где-то раздобыл мотыгу. После удара мотыгой по крупной брюкве, которую принесли для этой цели, мы обнаружили след, поразительно похожий на рану, виденную нами на затылке бедняги Мауля. Мы поняли, что обнаружили первое звено цепи доказательств, которая могла привести нас к убийце. Прошло немного времени, прежде чем мы составили вероятную картину преступления.

В тот же день по факту убийства началось нечто вроде расследования, в котором принимали участие сельский староста Пфиффор, взявший на себя обязанности «председателя следственного комитета», полицмейстер, отец Ферхаген, почтмейстер Фреклер и я, выступавшие в роли «сыщиков». Любой житель деревни, способный пролить свет на это дело или же знавший что-либо о передвижениях и контактах жертвы в день убийства, мог добровольно прийти и дать показания. Свидетелей набралось немало, так что вскоре мы составили факты в единую цепочку. В половине восьмого вечера Мауль зашел в «Грюнер Манн» и заказал кувшин пива. В то время в отдельной комнате за стойкой сидели Вагхорн, деревенский мясник, и итальянский торговец по фамилии Челлини, который приезжал в Ладен три раза в год, предлагая дешевые украшения и прочие мелкие товары. Сразу же после прихода Мауля хозяин пивной проводил его туда и вскоре сам присоединился к «избранным» гостям. Все четверо провели вечер в отдельном «кабинете», куда простому люду вход был заказан. Из показаний Вагхорна и владельца заведения — оба они являлись людьми в высшей степени уважаемыми и заслуживающими доверия — следовало, что вскоре после девяти часов между покойным и торговцем возникла ссора. Разговор шел на повышенных тонах, и в конечном итоге итальянец ушел, заявив, что ни секунды не останется там, где позорят честь его страны. Мауль пробыл еще примерно с час и, воодушевившись тем, что обратил своего противника в бегство, в тот раз выпил больше обычного. Один из свидетелей встретил его часов в десять вечера, когда тот шел домой, и отметил, что Мауль действительно перебрал. Другой очевидец встретился с ним всего за пару минут до того, как Мауль дошел до ратуши, где и совершилось злодеяние. Показания этого человека явились наиболее ценными и важными. Он клятвенно уверял, что, проходя мимо ратуши еще

до встречи с Маулем, он заметил какую-то фигуру, притаившуюся в тени здания. При этом он добавил, что этот некто, как ему показалось, был весьма похож на итальянца.

Таким образом, нам удалось установить два бесспорных факта. Первый: итальянец ушел из «Грюнер Манна» раньше Мауля, причем не на шутку разозленный. Второй: некто неизвестный поджигал кого-то у дороги, которой обычно ходил бывший стюард. И третье, пожалуй, самое главное звено в цепи доказательств, стало известно тогда, когда хозяйка, у которой квартировал итальянец, показала, что вчера вечером он вернулся где-то в половине одиннадцатого, что в Ладене считалось поздним временем. В таком случае что же Челлини делал и где был начиная примерно с девяти, когда он вышел из пивной, до десяти тридцати, когда вернулся к себе? Над торговцем начали сгущаться черные грозовые тучи.

Нельзя, однако, отрицать, что очень многое говорило и в его пользу, а обвинение против него строилось, скорее, только на косвенных доказательствах и уликах. Во-первых, в вещах Челлини не обнаружили ни мотыги, ни какого-либо другого инструмента, который мог использоваться для убийства. Во-вторых, непонятно, где он мог его раздобыть, поскольку не заходил домой в промежутке между ссорой и половиной одиннадцатого, как утверждала его хозяйка. Более того, как справедливо заметил Ферхаген, поскольку итальянец был в деревне своего рода «чужаком», он едва ли мог знать, какой именно дорогой Мауль собирался возвращаться домой. Этот довод, тем не менее, не явился убедительным, потому как, по свидетельству слуги покойного, за день до трагедии торговец назойливо предлагал свой товар прямо напротив их дома и вполне мог видеть Мауля в окне. Что же до задержанного Челлини, то сперва он вел себя вызывающе и даже посмеивался, при этом во всеуслышание заявляя о своей невиновности. Его оправдания состояли в том, что после пивной он долго шел по дороге, ведущей в Анспах, чтобы остыть и умерить свой гнев. Именно это и явилось причиной его столь позднего возвращения. Что касается убийства Мауля, то он, по его словам, не знал о нем, как говорится, ни сном ни духом.

Я столь подробно излагаю обстоятельства этого дела, поскольку вскоре произошли события, еще более запутавшие его. Я снова вернусь к дневнику, который очень аккуратно вел в течение всего своего пребывания за границей. Я не стану цитировать его слово в слово, а обращусь к нему как к источнику фактов, изложенных в хронологической последовательности.

Эрик Веренскольд. У могилы

Двадцатое мая. В деревне только и говорят, что о недавней трагедии. Прочесали близлежащий лес и прошли по всему руслу ручья, надеясь найти орудие убийства. Чем больше я обо всем этом думаю, тем больше утверждаюсь в мысли, что убийца — именно Челлини. Сам факт того, что деньги не тронули, доказывает, что убийство совершено из соображений мести. А у кого еще было столько неприязни к бедняге Маулю, как не у мстительного горячего итальянца, которого тот оскорбил? Я нынче ужинал со старостой Пфиффором, и он полностью согласен с моим мнением по этому вопросу.

Двадцать первое мая. Насколько мне известно, никаких новостей по делу об убийстве не слышно. Беднягу Мауля похоронили нынче в полдень на маленьком деревенском кладбище. Патер с большим чувством провел заупокойную службу, на которой присутствовали все жители Ладена и которая то и дело прерывалась рыданиями и горестными возгласами. После похорон я немного проводил отца Ферхгена. Последние события глубоко потрясли этого чрезвычайно впечатлительного человека. Он очень бледен, и пальцы его заметно дрожат.

— Друг мой, — обратился он ко мне, беря меня под руку, — вы ведь немного сведущи в медицине. (В свое время я окончил два курса медицинского факультета.) В последнее время я что-то неважно себя чувствую.

— Вы очень переживаете из-за этого ужасного происшествия, — ответил я.

— Отнюдь нет, — возразил он. — Я некоторое время ощущал легкое недомогание, но в последние дни оно усилилось. У меня стреляющие боли здесь и здесь. — Он поднес руки к вискам. — Они бьют, словно удары молнии. Иногда, когда я закрываю глаза, я вижу яркие всполохи света, а в ушах как будто звенят сотни колоколов. Очень часто я даже не знаю, что я делаю, возникают какие-то провалы. Я очень боюсь как-нибудь потерять сознание во время мессы.

— Вы переутомились, это очевидно, — заключил я. — Вам нужно больше отдыхать и принимать что-нибудь общеукрепляющее. Вы сейчас что-нибудь пишете? Сколько вы работаете в день?

— Часов восемь, — тихо произнес он. — Иногда десять, а бывает — и двенадцать, если меня не беспокоят головные боли.

— Вы должны сократить работу до четырех часов в день, — авторитетно заявил я. — Вам также необходимо больше двигаться и бывать на свежем воздухе. Я пошлю вам немного хинина из своей аптечки. Насыпьте столько, чтобы он тонким ровным слоем покрывал пятишиллинговую монету, и принимайте эту дозу утром и вечером со стаканом молока.

Патер с благодарностями откланялся, заверив меня, что будет выполнять все мои назначения.

От старосты я узнал, что из Анспаха придут четверо полицейских, чтобы перевезти Челлини в тамошнюю тюрьму.

Двадцать второе мая. Сказать, что я поражен — значит не сказать почти ничего о том состоянии, в каком я нахожусь. Я разбит, раздавлен, напуган и ввергнут в панический страх. Минувшей ночью произошло еще одно страшное преступление. Фреклера нашли мертвым в его доме — того самого Фреклера, который днем раньше сидел рядом со мной на заседании нашего «следственного комитета». Я пишу эти строки в конце долгого и насыщенного дня, в течение которого я пытался помочь блюстителям закона. Жители деревни настолько парализованы ужасом от одной только мысли о том, что убийца — один из них, что если бы не наши усилия, Ладен давно бы охватила всеобщая паника. Фреклер, обладавший довольно странными привычками, жил один в доме, стоящем немного на отшибе. Беспокой-

ство вызвало то, что нынче утром он не явился на службу и что в его доме не было заметно никаких признаков жизни. Собралась толпа, и в конце концов дверь взломали. Беднягу Фреклера обнаружили в спальне на втором этаже. Он лежал лицом вниз, причем так, что голова его оказалась в камине. Убили его точно так же, как Мауля, с той лишь разницей, что смертельный удар пришелся по лобной части головы. Пальцы рук были судорожно сжаты, а лицо искажено неопи-суемой гримасой ужаса, как мне показалось, пополам с изумлением. На лестнице обнаружили темные следы обуви, очевидно, принадлежавшие убийце, поскольку Фреклер надел домашние тапочки, прежде чем войти в спальню. Следы, к сожалению, оказались слишком нечеткими, чтобы хотя бы приблизительно определить размер ноги. Они располагались через две ступеньки на третью, что доказывало, с какой дьявольской скоростью этот негодяй несся наверх, чтобы настичь свою жертву. В доме обнаружилась значительная сумма денег, но не пропал ни один грош, ящики комода также остались запертыми.

Как только деревню облетела эта зловещая весть, все местные жители тотчас же собрались огромной толпой у дома убитого. Причиной тому, мне кажется, послужило скорее неосознанно-стадное чувство страха, нежели простое любопытство. Каждый подозрительно поглядывал на соседа. Люди большей частью молчали, а если и говорили, то шепотом, словно отчего-то боясь громких слов. В дом не пускали никого, кроме нас, членов «комитета», так что мы тщательно осмотрели место преступления. Однако мы не обнаружили ничего, что могло бы навести нас на след преступника, разве что заключили, что убийца хорошо развит физически, потому как он с легкостью перепрыгивал через две ступеньки. Кроме того, лейтенант Вюрмс подметил, что уже окоченевшая рука убитого вытянута таким образом, словно он хотел поздороваться с кем-то. Возможно, этот поздний гость и Фреклер хорошо знали друг друга. Но это, по всей видимости, в большой степени относилось к области гипотез и версий. Если что-то и дополняло зловещую картину убийства, так это то, что произошло оно не очень поздно — в половине восьмого вечера. Именно это время показывали часы с кукушкой, лежавшие на полу, которые Фреклер, очевидно, задел, когда падал.

Никто не слышал никакого подозрительного шума и не видел никого, кто бы входил в дом или выходил оттуда. Все произошло быстро, тихо и незаметно, поскольку по улице в то время еще ходило немало людей. Бедный Пфиффор и наш добрый патер просто в ужасе

от всего происшедшего, да и я, признаться, сильно подавлен и пребываю в унынии, особенно когда схлынули нервное напряжение и возбуждение первых минут и часов, сменившихся трезвым анализом. Нынче весь день улицы почти пусты, зато отовсюду слышен стук молотков — местные жители ставят засовы на двери и решетки на окна. Многие мастерят все это из подручных материалов, потому как раньше никто и не думал превращать свой дом в крепость. Фрау Циммер приладила к двери такой огромный деревянный засов, который в иных обстоятельствах смотрелся бы смехотворно и нелепо, если бы вокруг не царил атмосфера всеобщего страха.

Уже поздно вечером я узнал, что Челлини выпустили из тюрьмы, потому что не нашлось никакого предлога содержать его под стражей. В ближайшие деревни разосланы депеши с указанием направить в Ладен всех полицейских, не занятых патрулированием.

Мои нервы так напряжены, что ночью я почти не спал. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я читал Тацита в новом переводе Гордона. Я также достал из чемодана револьвер, почистил его и зарядил, чтобы быть готовым ко всякого рода неожиданностям.

Двадцать третье мая. Полицию усилили — трое прибыли из Анспаха, а еще двое — из Тальштадта, небольшого городка, расположенного по ту сторону кряжа. Полицмейстер Вюрмс разработал очень эффективную схему патрулирования, так что мы можем считать себя в относительной безопасности. Сегодняшний день не принес никаких новостей касательно убийств. Общее мнение таково, что их совершает не кто-то из местных, а какой-то чужак, скрывающийся в лесах. Доводом к этому служит то, что в Ладене все всех знают с колыбели и что среди них вряд ли найдется тот, кто способен на подобные злодеяния. Некоторые горячие головы попытались сегодня прочесать лес, но безуспешно.

Двадцать четвертое мая. Дело принимает новый оборот, события развиваются стремительно. Не успели мы оправиться от одного кошмара, как тут происходит нечто такое, что вновь вызывает всеобщее беспокойство и страх. К счастью, это не очередное убийство, хотя новости достаточно тревожные.

Кое-кто из жителей все же увидел убийцу, причем не на лесной тропинке, а на проезжем тракте, и это доказывает, что тот по-прежнему жаждет крови и что полицейских подкреплений, присланных к нам со всей округи, совершенно недостаточно, чтобы гарантировать нашу безопасность. Я только что вернулся с заседания «следственного комитета», где Андреас Мюрх путано и сбивчиво рассказал нам

о том, что произошло с ним вчера ночью. По его словам, он заблудился в горах из-за тумана. Лишь около одиннадцати вечера он, наконец, выбрался на дорогу примерно в трех километрах от деревни. Мюрх добавил, что, помня о недавних событиях, он сперва не на шутку перепугался, оказавшись один вдалеке от дома, да еще в столь поздний час. Однако туман вскоре рассеялся, выглянула луна, так что он немного успокоился и поспешил домой, хотя и устал. Примерно в полукилометре от деревни дорога резко поворачивает. Андреас дошел до этого места и вдруг услышал приближавшиеся из-за поворота шаги. Охваченный страхом, он спрятался в придорожной канаве, где лежал, боясь шевельнуться, и с ужасом и любопытством смотрел на дорогу. Шаги становились все ближе и ближе, затем из-за поворота появилась фигура человека, шедшего быстрым пружинящим шагом. Минував укрытие, где съезжился помертвевший от страха крестьянин, чье бледное лицо тускло освещала луна, неизвестный вдруг остановился метрах в двадцати от Мюрха и начал что-то искать в придорожной траве. Андреас с ужасом узнал в его руках длинную мотыгу. Незнакомцу, очевидно, показалось, что там кто-то прячется, поскольку он мог слышать шаги Андреаса. Покопавшись на обочине и в канаве с пару минут, он выбрался на дорогу и встал, опершись на свое оружие. Мюрх описывает его как высокого, худощавого мужчину, одетого в черное. Нижняя часть его лица была замотана какой-то повязкой, сверху от нее Андреас увидел лишь расплывчатое мертвенно-бледное пятно. Никаких черт лица, по которым можно было бы опознать неизвестного, Мюрх, конечно же, не различил, но ему кажется, что этого человека он никогда в жизни не видел. Постояв еще немного, мужчина с мотыгой вновь зашагал и вскоре скрылся в темноте, идя в том направлении, куда, по его разумению, пошел человек, который мог видеть его. Сам же Андреас, как легко предположить, пулей ринулся в деревню, где поднял на ноги полицию. Трое шутманов, вооруженных винтовками, прошли по дороге километров пять, но не обнаружили никаких следов злоумышленника. Разумеется, существует вероятность того, что многое в рассказе Мюрха сильно преувеличено, поскольку, как известно, у страха глаза велики. Тем не менее это происшествие нельзя сбрасывать со счетов, ибо он лишний раз доказывает, что этот ужасный кровожадный демон все еще преследует нас.

В здешних местах обитает нелюдимый субъект с крайне зловредным характером по фамилии Хидлер. Живет он в небольшой лачуге на склоне горы Шпигельберг и кормится тем, что охотится на оленей и косуль, а также нанимается в проводники к редким туристам,

которые иногда попадают в эту глухомань. На него сразу же пало всеобщее подозрение, основанное лишь на том, что он высокого роста, худощав и обладает грубым и даже жестоким нравом. Сегодня его домик обыскали сверху донизу, но ничего важного не обнаружили. Тем не менее его все же арестовали и поместили в камеру, где недавно сидел Челлини.

На этом месте записи в моем дневнике прерываются примерно на неделю, поскольку наступило полное затишье, которое, как нам всем казалось, уже никогда больше не нарушится. Кто-то объяснял это тем, что ужасный незнакомец предположительно перебрался на новое, более безопасное для него место. Другие полагали, что нам удалось, наконец, схватить убийцу, а именно — негодяя и проходимца Хидлера. Как бы то ни было, в деревне вновь воцарились мир и спокойствие, и этих недолгих семи дней хватило, чтобы развеять нависшее над Ладеном тяжелое темное облако страха, ужаса и всеобщей подозрительности, хотя полиция ни на секунду не ослабляла бдительности. Открылся сезон охоты, и по этому поводу решили устроить праздник со стрелковыми состязаниями. В Ладене, как и в каждой тирольской деревне, есть свое небольшое стрельбище, так что сегодня целый день слышится отдаленное «бабах», «бабах». Здешние крестьяне — отменные стрелки, они бьют в яблочко с четырехсот метров. Даже лучшая в мире армия не одолеет их в горах, где они знают каждую пядь земли.

Днем мы с отцом Ферхагеном и старостой Пфиффором отправились посмотреть на соревнования. Патер сказал, что хинин пошел ему на пользу и что его аппетит весьма улучшился. Мы дружно согласились, что очень полезно устраивать людям развлечения, дабы они поскорей смогли забыть все те ужасные происшествия. Мяслик Вагхорн выиграл приз, назначенный старостой. Он выбил пять из шести возможных со ста метров, что по всем стандартам считается отличным достижением.

Второе июня. Кто бы мог подумать, что день, начавшийся так безоблачно и радостно, закончится столь печально? С утренней почтой я получил письмо, из которого узнал, что компания «Сприндж, Вилкинсон, Спрэгг и Ко.» готова удовлетворить мой иск в полном объеме, хотя для окончательного разрешения дела и перевода денег потребуется несколько месяцев. Таким образом, мой ежегодный доход увеличится на четыреста фунтов — это очень важно, когда тебе скоро исполнится сорок семь.

А теперь к главным событиям дня. К моей случайной встрече с кровавым негодяем, который вновь объявился у нас, к его неудачной попытке убить фрау Бишофф, хозяйку «Грюнер Манна», не говоря уж о нашем добром патере, который был на волосок от гибели. Кажется, есть что-то сверхъестественное в поведении этого кровавого демона и в той безнаказанности, с которой он продолжает творить свои злодеяния. Настоящая причина состоит в том, что улицы Ладена очень плохо освещены — точнее сказать, не освещены совсем, — а также в том, что ко всем домам вплотную подступает густой лес, так что злоумышленник может скрыться без особого труда. Однако, несмотря на это, сегодня вечером он дважды едва избежал возмездия — один раз от моего револьвера, второй раз от блюстителей закона. Спать, я чувствую, мне нынче не придется, так что я могу уделить достаточно времени тому, чтобы изложить эти в высшей мере странные происшествия в дневнике. Я не трус, но жизнь в Ладене становится опасной. Полагаю, что в конечном итоге все здешние жители переберутся отсюда куда-нибудь в другое место.

Однако вернусь к своему рассказу. Ближе к вечеру меня охватило какое-то уныние и тоска, несмотря на то что утро порадовало меня хорошими новостями. Около девяти вечера, когда только начали сгущаться сумерки, я решил немного пройтись и заодно навестить патера. Я полагал, что недолгая беседа на интеллектуальные темы развеет мою хандру. Я положил в карман револьвер — с недавних пор это вошло у меня в привычку — и вышел из дома, несмотря на все увещевания доброй фрау Циммер. По-моему, несколько месяцев назад я отмечал в своем дневнике, что дом отца Ферхагена расположен несколько поодаль от деревни на склоне небольшого холма. Дойдя туда, я обнаружил, что патера нет дома. Впрочем, этого можно было ожидать, поскольку он в последнее время жаловался на бессонницу, и я порекомендовал ему гулять перед сном. Его экономка встретила меня очень радушно, зажгла лампу и проводила меня в кабинет, где я мог подождать, пока вернется хозяин дома.

Я заметил лежавший на столе томик стихов Шиллера в неизвестном мне издании, начал просматривать его, а затем углубился в чтение. Думаю, прошло около часа, когда вдруг что-то побудило меня оторваться от книги и поднять глаза. В жизни со мной случалось всякое, но ничто не может сравниться с ужасом и трепетом, охватившими меня в ту минуту. Одно лишь воспоминание об этом сейчас, спустя несколько часов после происшедшего, повергает меня в дрожь. Из густой темноты сквозь оконное стекло на меня пристально

смотрело человеческое лицо. Снизу оно было плотно замотано шарфом, верх его скрывали широкие поля фетровой шляпы, так что я успел заметить лишь безумные, казавшиеся звериными глаза и побелевший кончик носа, прижатый к стеклу. И без рассказов Андреаса Мюрха я сразу понял, что наконец-то оказался лицом к лицу с «мотыжником». В его диком взгляде явственно читалась смерть. На мгновение я словно оцепенел, но тотчас же совладал с собой, выхватил револьвер и выстрелил прямо в злое лицо. Я опоздал буквально на какие-то доли секунды. Нажимая на курок, я видел, как лицо исчезло, и в следующий миг стекло разлетелось вдребезги. Я бросился к окну, затем через входную дверь выскочил на улицу, но вокруг было тихо. Ночной гость словно сквозь землю провалился. Без всякого сомнения, он собирался напасть на отца Ферхагена, открыв окно и пробравшись внутрь, и ничто бы ему не помешало, если бы на его пути не оказался человек с револьвером.

Когда мы вместе с перепуганной экономкой стояли на улице и нервно вдыхали свежий ночной воздух, я вдруг услышал сильный шум со стороны деревни. Увы, к этому времени он стал в Ладене обыденным явлением, так что не надо было гадать, что он предвещал. Там снова случилось какое-то несчастье. Нынешняя ночь грозила стать ночью ужаса и кошмара. Я подумал, что мое присутствие в деревне может оказаться кстати, и отправился туда вместе с дрожавшей от страха женщиной, которая наотрез отказалась оставаться одна в пустом доме. У пивной «Грюнер Манн» собралась толпа, и с десятков возбужденных крестьян что-то наперебой рассказывали патеру, прибывшему туда чуть раньше нас. Случилось то, о чем я подумал, но, к счастью, на сей раз все обошлось без смертельного исхода. Двадцатью минутами раньше фрау Бишофф, жена хозяина пивной, вышла из дому к колодцу, чтобы набрать воды, как тут на нее напал высокий мужчина, закутанный в черное с ног до головы, и пытался ударить ее каким-то орудием. К счастью, он промахнулся, и ей удалось что было сил вцепиться ему в запястье, так что второй попытки он сделать не смог. Женщина подняла крик, на который стали сбегаться люди. Неизвестный вырвался и ринулся к лесу, за ним тотчас же побежали двое полицейских. Однако их шансы догнать или выследить его в густом лесу, да еще темной ночью, равнялись почти нулю. Фрау Бишофф храбро пыталась задержать убийцу и заявила, что на его правом запястье остались глубокие следы ее ногтей. Однако это, скорее всего, предположение, поскольку все происходило в темноте. К моему описанию примет преступника она не могла ничего до-

бавить. К счастью, женщина совершенно не пострадала. Патер пришел в ужас, когда я рассказал ему, что произошло в его доме. По его словам, он возвращался с вечерней прогулки, когда услышал доносившиеся из деревни крики, и тотчас же поспешил туда. О своем собственном приключении я никому не рассказывал, потому как люди и так взвинчены и напуганы до предела.

Как я уже писал ранее, если этого загадочного и кровожадного мерзавца не поймают, деревня рано или поздно опустеет. Человек не может жить в постоянном напряжении и страхе. Этот тип — или воинствующий мизантроп, ополчившийся на весь род человеческий, или же сбежавший из сумасшедшего дома маньяк. Совершенно ясно, что после неудавшегося покушения на фрау Бишофф он, снедаемый жаждой крови, направился к дому патера, считая, что в одиноко стоящем строении ему повезет больше. Как жаль, что я не выстрелил в него сквозь карман плаща. Как только он увидел блеснувший револьвер, то сразу же исчез.

Третье июня. К утру уже вся деревня знала о ночном происшествии в доме патера. Я отправился навестить его и заметил, что там образовалось столпотворение из желавших поздравить отца Ферха-

❖ ————— ❖
Людвиг Блойер. Вид на Грютли у Фирвальдштетского озера

гена со счастливым избавлением. При моем появлении собравшиеся встретили меня громкими восторженными криками и приветствиями вроде «унзер тапферер Энгландер» — «наш храбрый англичанин». Очевидно, то, что он едва не попался, сильно напугало негодяя, поскольку у дороги, ведущей в деревню, нашли толстый шерстяной шарф, а чуть позже неподалеку от него обнаружили ту самую мотыгу. Скорее всего, он бросил эти предметы где попало, а затем пустился наутек. Хочется верить, что все случившееся раз и навсегда отвадит его от наших мест. Будем надеяться, что это так!

Четвертое июня. Тихий, спокойный день, что нынче у нас такая же редкость, как бурный и насыщенный событиями — где-то еще. Наш полицмейстер Вюрмс провел тщательное расследование, но так и не определил, кому из местных жителей могли принадлежать шарф и мотыга. Их подробное описание отпечатано и спешно разослано в Анспах и близлежащие деревни в надежде, что тамошние крестьяне смогут помочь в раскрытии этого дела. На воскресенье в нашей кирхе назначена благодарственная служба в честь счастливого избавления отца Ферхагена и Марты Бишофф. Пфиффор сказал мне, что к нам из Вены едет герр фон Вайсендорф, один из лучших сыщиков Австрии. Из британских газет, которые я получаю, также явствует, что мои соотечественники проявляют интерес к здешним трагическим событиям, хотя известия отсюда доходят до них в весьма искаженном виде.

Я так хорошо помню воскресное утро, наступившее после всех описанных мной происшествий и перипетий! Такое утро бывает, пожалуй, только в Тироле. Синее безоблачное небо, сквозь открытое окно веет дивным ароматом сосновых лесов, где-то за холмами позвякивают колокольчики пасущихся на альпийских лугах коров. Мелодично звонит колокол, созывая крестьян к утренней мессе. Глядя на мирную улочку с причудливыми островерхими деревянными домами и старой кирхой, с трудом верилось, что над ней нависла черная туча кровавых злодеяний, повергших в ужас всю Европу. Я сидел у окна, глядя на крестьян в шляпах с фазаньими перьями и их празднично разодетых жен и дочерей, направлявшихся в церковь. Как и подобает добрым католикам, они крестились, проходя мимо дома Фреклера и рядом с местом, где нашел свою смерть бедняга Мауль. Когда колокол смолк и все собрались в церкви, я тоже отправился туда, поскольку у меня вошло в привычку присутствовать при религиозных обрядах везде, где бы мне ни доводилось оказаться.

Войдя внутрь кирхи, я увидел, что служба уже началась. Я расположился на хорах, где помещался орган, откуда я хорошо видел

всех собравшихся. В самом первом ряду сидела фрау Бишофф, чьему чудесному избавлению и посвящалась служба, слева от нее восседал ее супруг, а справа — деревенский староста. По рядам пронесся тихий шепот, когда патер отошел от алтаря и поднялся на кафедру. Мне редко когда доводилось слышать столь великолепную проповедь. Отец Ферхаген всегда был прекрасным оратором, но на сей раз он превзошел самого себя. Темой он выбрал стих «Во цвете жизни все мы смертны». С непревзойденным красноречием он внушал нам, сколь тонок покров, отделяющий нас от вечности, и сколь внезапно он может разорваться и сгнуться. Патер говорил так ярко и образно, что вся паства сидела словно зачарованная и объятая благоговейным ужасом. Затем он с такой проникновенной, нежной грустью и вместе с тем с пафосом заговорил о братьях наших, ушедших столь безвременно и принявших лютую, почти мученическую смерть, что его слова почти тонули в раздававшихся тут и там рыданиях. Потом он сравнил безмятежную жизнь убиенных на уже иных горных вершинах с черной и беспросветной земной юдолью злодея-убийцы, запятнанного невинной кровью, лишённого всякой надежды как в этом мире, так и в мире ином — изгоя среди людей, которому не дано познать ни любовь Божию, ни любовь женщины, ни любовь чада. Ему свыше уготована лишь одна участь — быть до скончания дней терзаемым греховными, сатанинскими помыслами. Патер говорил столь страстно и вдохновенно, что, когда он закончил проповедь, мне показалось, что всех собравшихся охватило чувство безграничного сострадания к этому безжалостному негодяю.

Служба закончилась, и патер в сопровождении двух дьяконов уже уходил из алтаря, как тут он повернулся, чтобы по обыкновению благословить паству. Я никогда не забуду этого зрелища. Летнее солнце, пробивавшееся сквозь витражное оконце под самым куполом, бросало яркий желтый свет на его утонченное умное лицо, изрезанное глубокими морщинами; алое пятно от отражавшейся в окне рубинового цвета мантии чуть подрагивало над его поднятой правой рукой. По рядам пронесся легких шорох, когда собравшиеся наклонили головы, чтобы принять благословение. И тут раздался громкий возглас изумления. Женщина в первом ряду с трудом поднялась на ноги и принялась неистово жестикулировать, показывая на поднятую руку отца Ферхагена. Фрау Бишофф не было нужды объяснять свои выкрики, поскольку там всеобщему обозрению предстали отеки багрово-синие следы.

Именно там, на правом запястье патера, красовались следы, которые могла оставить только отчаянно борющаяся за свою жизнь женщина. А кто, как не фрау Бишофф, вцепился в убийцу мертвой хваткой двумя днями раньше!

У меня нет ни малейших сомнений, что во всей этой ужасной истории бедняга Ферхаген заслуживает самого глубокого сочувствия и сострадания. Живи он в городе, где есть хорошие врачи, развитие мании убийства, явившейся, вне всякого сомнения, следствием нервного перенапряжения и душевного расстройства, можно было бы предотвратить или, по крайней мере, замедлить. Это избавило бы его от тяжких угрызений совести, которые охватывали его в светлые промежутки между припадками, если таковые «просветы», конечно, имели место. Мог ли я с моими поверхностными знаниями в области медицины диагностировать у него столь ужасную форму сумасшествия, да еще в латентной стадии, основываясь на тех скудных и донельзя расплывчатых симптомах, которые он сам мне сообщил? Конечно же, нет. Это сейчас, оглядываясь назад, легко припоминать множество на первый взгляд незаметных нюансов, которые, возможно, помогли бы нам пойти по верному пути; но как же легко быть умным задним числом! Я бы действительно огорчился, если бы думал, что мне и вправду есть в чем себя упрекнуть.

Нам так и не удалось узнать, где он раздобыл свое смертельное орудие, а также где и как он его прятал. Происшествие со мной ясно доказало, что он обычно уходил и возвращался через окно кабинета, тем самым не привлекая внимания экономки. В случае неудавшегося покушения на фрау Бишофф, он стремглав бросился к дому, но, к своему величайшему изумлению обнаружив, что в кабинете кто-то есть, он решил сперва избавиться от орудия и шарфа, а затем смешаться с толпой в деревне. Будучи хорошо физически развитым да к тому же прекрасно зная все лесные тропы, он без труда скрывался и уходил от преследования.

Сразу же после ареста его болезнь перешла в острую форму, и его отправили в психиатрическую лечебницу в Анспахе. Я слышал, что несколько месяцев спустя он предпринял попытку убить одного из санитаров, а чуть позже покончил с собой. Я не ручаюсь за достоверность этих фактов, поскольку узнал об этом совершенно случайно во время разговора в поезде.

Что же до меня, то через несколько месяцев я уехал из Ладена, получив от своих адвокатов приятное известие о том, что мой иск, на-

конец, удовлетворен в полном объеме. Несмотря на все происшедшие там трагические события, я часто с теплотой вспоминаю эту маленькую тирольскую деревню. Будучи на континенте, я пару раз заезжал туда и встречался со старостой, с полицмейстером и с другими своими старыми друзьями. За кувшинами пива и трубками мы говорили не только о веселых днях, но и с горечью вспоминали тот ужасный месяц в тихой деревушке, расположенной в провинции Форарльберг.

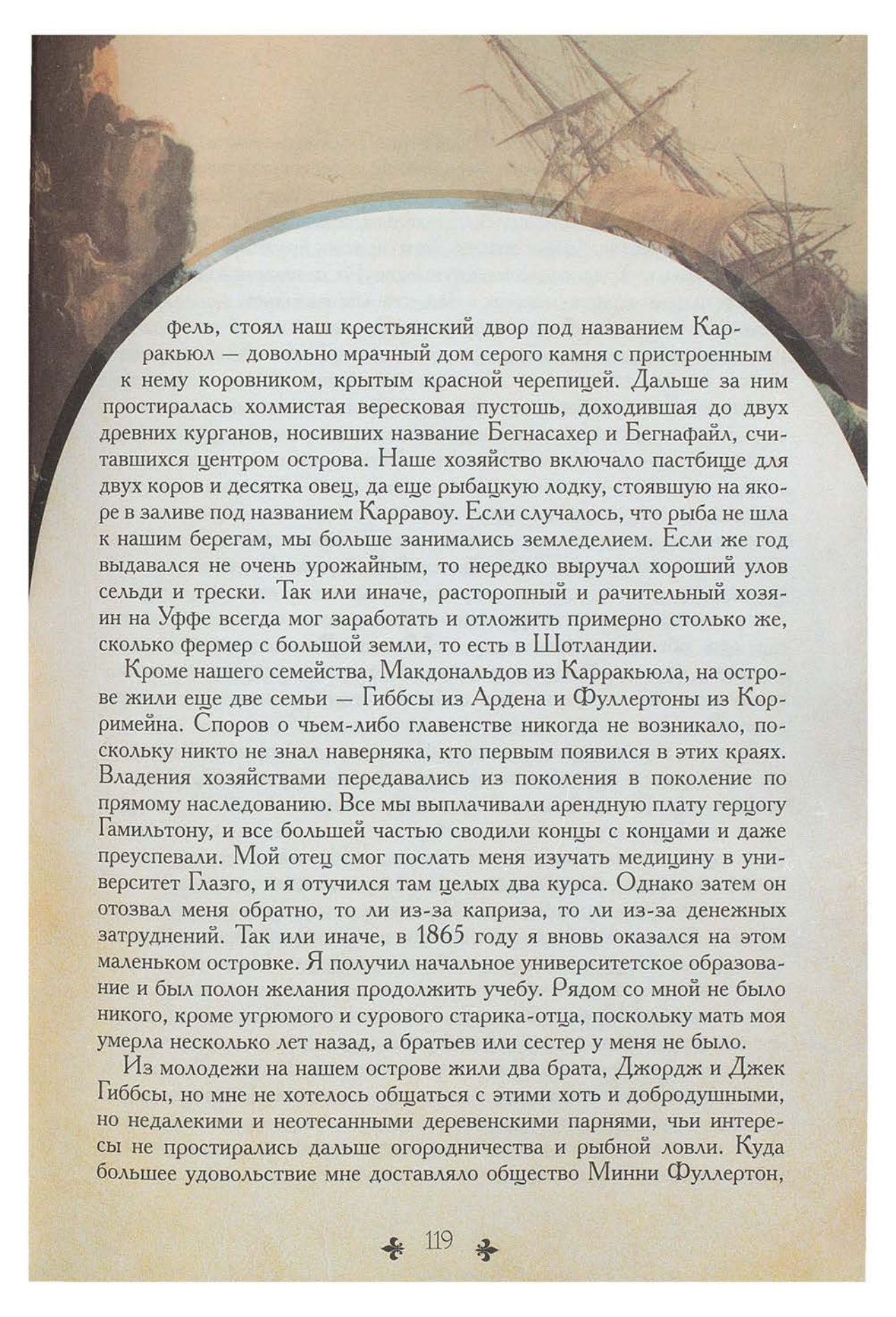

ПОЛНОЧНЫЙ ГОСТЬ

1

К востоку от острова Арран лежит небольшой островок под названием Уффа. Корабли туда заплывают весьма редко, а уж туристам о нем вообще ничего не известно. Эти два острова разделяет пролив или, как его здесь называют, Проток, шириной в три километра с очень опасным северным течением. Даже в самый тихий день в Протоке тут и там видны рябь и бесчисленные мелкие водовороты и воронки, что свидетельствует об очень коварных подводных потоках. Но когда дует западный ветер и огромные валы с Атлантики запирают узенький пролив и сшибаются со своими собратьями с восточной стороны островка, на море поднимается такое волнение и шторм, что даже старые моряки качают головами и говорят, что никогда не видели ничего подобного. Любому судну, попавшему в эти клещи, остается уповать только на Божью помощь.

Мой отец владел третьей частью Уффы, где я родился и вырос. Наша ферма и хозяйство были не очень большими. Любой крепкий мужчина мог взять камень на берегу и в три хороших броска покрыть весь наш участок в длину, а ширина его примерно равнялась длине. На краю этой полоски земли, где мы выращивали кукурузу и карто-

фель, стоял наш крестьянский двор под названием Карракьюл — довольно мрачный дом серого камня с пристроенным к нему коровником, крытым красной черепицей. Дальше за ним простиралась холмистая вересковая пустошь, доходившая до двух древних курганов, носивших название Бегнасахер и Бегнафайл, считавшихся центром острова. Наше хозяйство включало пастбище для двух коров и десятка овец, да еще рыбацкую лодку, стоявшую на якоре в заливе под названием Карравоу. Если случалось, что рыба не шла к нашим берегам, мы больше занимались земледелием. Если же год выдавался не очень урожайным, то нередко выручал хороший улов сельди и трески. Так или иначе, расторопный и рачительный хозяин на Уффе всегда мог заработать и отложить примерно столько же, сколько фермер с большой земли, то есть в Шотландии.

Кроме нашего семейства, Макдональдов из Карракьюла, на острове жили еще две семьи — Гиббсы из Ардена и Фуллертоны из Корримейна. Споров о чьем-либо главенстве никогда не возникало, поскольку никто не знал наверняка, кто первым появился в этих краях. Владения хозяйствами передавались из поколения в поколение по прямому наследованию. Все мы выплачивали арендную плату герцогу Гамильтону, и все большей частью сводили концы с концами и даже преуспевали. Мой отец смог послать меня изучать медицину в университет Глазго, и я отучился там целых два курса. Однако затем он отозвал меня обратно, то ли из-за каприза, то ли из-за денежных затруднений. Так или иначе, в 1865 году я вновь оказался на этом маленьком островке. Я получил начальное университетское образование и был полон желания продолжить учебу. Рядом со мной не было никого, кроме угрюмого и сурового старика-отца, поскольку мать моя умерла несколько лет назад, а братьев или сестер у меня не было.

Из молодежи на нашем острове жили два брата, Джордж и Джек Гиббсы, но мне не хотелось общаться с этими хоть и добродушными, но недалекими и неотесанными деревенскими парнями, чьи интересы не простирались дальше огородничества и рыбной ловли. Куда большее удовольствие мне доставляло общество Минни Фуллертон,

симпатичной дочки старика Фуллертон из Корримейна. Мы вместе росли, а к тому времени она, вполне естественно, превратилась в крепкую, пышущую здоровьем, румяную девушку. Я же сделался широкоплечим и длинноногим молодым человеком. Наверное, нас связывали чувства более теплые, чем просто дружба. Ее старший брат держал в Ардроссане хлебную лавку, и поговаривали, что дела у него шли довольно неплохо. Так что мы казались довольно неплохой и подходящей друг другу парой, но по какой-то странной и непонятной причине мой отец возражал и противился нашему сближению вплоть до того, что категорически запретил мне встречаться с Минни. Я откровенно смеялся над его «повелениями», поскольку был довольно вспыльчивым человеком и не отличался особым почтением к старшим. Наши свидания с Минни продолжались, и когда отцу доводилось узнавать о них, между нами возникали яростные перепалки, чуть не доходившие до рукоприкладства. Одна из таких яростных ссор случилась незадолго до весенних штормов в тот год, когда произошла описываемая мной история. Я вышел прочь, хлопнув дверью и оставив старика с пылающим от гнева лицом и трясущимися от злости руками, и беспечно отправился к месту, где мы обычно встречались с Минни. Впоследствии я часто сожалел, что не прислушался тогда к словам отца, но как я мог предугадать все те трагические события, что обрушились на нас чуть позже?

Я очень хорошо помню тот день. В голове моей проносились мысли одна мрачнее другой, в то время как я шел по узенькой тропинке, яростно сбивая своей палкой кусты чертополоха. С одной стороны наше хозяйство ограничивали комберские утесы, возвышавшиеся отвесно прямо из воды метров на шестьдесят. На самом верху они были покрыты тонким слоем земли с чахлой травой, и оттуда открывался великолепный панорамный вид. Я растянулся на траве, смотрел, как волны с белыми барашками пены бились о песчаный берег, и слушал, как подо мной журчала вода в комберских пещерах. Наши угодья располагались в западной части острова, и со своего места я наблюдал величественное Ирландское море до самого горизонта, где в зыбкой дымке еле различалась размытая береговая линия соседнего островка. Дул свежий северо-западный ветер, и огромные волны с Атлантики, темно-коричневые внизу и зеленые сверху, спешили к берегу одна за другой, с глухим рокотом ударяясь об основание утеса. То и дело высокая волна нагоняла низкую, и они вместе разбивались о прибрежные камни, посылая вверх высокие столбы брызг, достававшие до

того места, где я лежал. Воздух наполнял острый запах водорослей. Дальше к северу виднелось скопление облаков, а сразу под ними сурово высилась гора Гутфелл на острове Арран. Взморье было чисто, разве что одинокий пароходик пыхтел изо всех сил, стремясь поскорее укрыться в Клайдском заливе, да еще жалась к берегу эlegantная и изящная бригантина. Я только было задумался, куда же она держала путь, как услышал неподалеку легкие летящие шаги. Я обернулся и увидел стоявшую рядом со мной раскрасневшуюся от быстрой ходьбы Минни Фуллертон с развевавшимися каштановыми волосами.

— Что нынче злой такой, Арчи, а? — спросила она, с чисто женской интуицией сразу обо всем догадавшись. — Небось, опять старик разорялся насчет меня, так, что ли?

Было странно слышать, сколь сладко и приятно просторечный говор звучал в ее устах, хотя мой отец буквально каркал и облаивал меня в такой же манере. Взявшись за руки, мы уселись на зеленый бугорок, и я рассказал ей об утренней ссоре с отцом.

— Понимаешь, нас хотят разлучить, — сказал я, — но я им покажу, что они не на того напали, если им вздумается запугать меня.

— Не стою я того, Арчи, — вздохнув, ответила она. — Я ведь простая и не шибко грамоте ученая, а ты весь такой ученый, да и говоришь гладко, не чета мне.

— Не надо так, Минни, ты просто замечательная! — воскликнул я, в глубине души признавая, что во многом она права.

— Скоро не стану я никому мешать, — печально продолжала она, глядя мне прямо в глаза. — Давеча ночью глас был. Я призрак видала.

— Привидение?! — вырвалось у меня.

— Ну да, это точно мне знак. Когда братец мой двоюродный Стиви помер, ему в аккурат перед смертью такой же явился.

— Расскажи, дорогая, как это все случилось, — произнес я, пораженный тем, насколько близко к сердцу она приняла все произошедшее.

— Да рассказывать-то особо нечего. Было это часов в двенадцать ночи, а может, и в час. Лежу я себе, думаю о всяком-разном, да в окошко гляжу. И вдруг смотрит с улицы на меня лицо, страшное такое, Арчи. Одно знаю — не из нашенских он. Что за лицо, тоже не скажу — страшное, и все. Может, с минуту пялился он в комнату. Видала только, что лицо-то мужское было, да как глаза у него сверкнули, и носом свои белым он к стеклу приляпался. Я аж вся похоло-

Томас Фэд. Закатный луч

дела, хотела заорать, да не могу. Тут он и пропал, словно и не было его, так быстро, как и вылез.

— Кто же это мог быть? — жадно спросил я.

— Призрак или домовой, — с уверенностью ответила Минни.

— А может, это был Томми Гиббс? — предположил я.

— Не, не, точно не Томми. Лицо было все такое темное, злое и суровое.

— Ну что ж — рассмеялся я. — Будем надеяться, что ко мне он тоже заглянет, кто бы он ни был. Я быстро узнаю, кто он такой и откуда. А пока хватит об этом, не то ночью ты опять до смерти перепугаешься. Ночь и так выдаться беспокойная.

— Да, ненастная ночка для бедняг-моряков, — грустно согласилась она, поглядев на надвигавшиеся с севера темные тучи и на белые пенные барашки бьющихся о песок волн.

— Стой, а интересно, что это там за посудина? Если она не повернет к заливам Ламлаш или Бродик, ее как пить дать на берег выбросит.

Она показала на изящную бригантину, которую я заметил еще раньше. Судно стояло неподалеку от берега. Команда, по всей види-

мости, приготовилась к непогоде, поскольку убрала топсель и фок.

— Пошли, тебе же холодно! — наконец опомнился я.

Тучи закрыли солнце, подул резкий, порывистый, пронизывающий северный ветер. Мы отправились назад, пока не подошли близко к Карракьюлу, где расстались. Минни нехотя зашагала по тропинке, ведущей в Корримейн, расположенный примерно в километре от нашего дома. Я надеялся, что отец не видел нас вместе. Он встретил меня у дверей, кипя от ярости. Лицо его побагровело от злости, а в руках он держал ружье. Не помню, говорил ли я об этом раньше, но мой отец, несмотря на свой возраст, обладал недюжинной физической силой. За всю свою жизнь я редко встречал таких людей.

— Явился, не запылится! — проревел он, потрясая ружьем. — Чурбан ты безголовый...

Я вовсе не хотел выслушивать заготовленный им поток «изящной словесности».

— Выбирай выражения, — огрызнулся я.

— Ты мне тут подерзи еще, сопляк! — рявкнул он, подняв руку, словно собираясь ударить меня. — Живо марш в дом, ну! И выйдишь отсюда, когда дозволю!

— Да пошел ты к черту! — вскипел я, вконец разозлившись, после чего старик попытался ударить меня прикладом ружья, но я отбил его палкой. На мгновение мной словно дьявол овладел, на язык так и просились отвратительные ругательства, но я сумел взять себя в руки и, резко повернувшись, пошел прочь к тропинке, ведущей в Корримейн. Остаток дня я провел у Фуллертонов. Мне показалось, что мой отец, и без того обладавший прескверным характером, начал быстро превращаться в сумасшедшего, да еще буйного и опасного.

2

Занятый своими невеселыми мыслями, я плохо вписывался в оживленную компанию, к тому же, боюсь, я выпил виски больше, чем следовало. Помню, как я споткнулся о табуретку, и Минни удивленно посмотрела на меня. В глазах у нее стояли слезы, а старик Фуллертон украдкой захихикал и тут же закашлялся, чтобы скрыть насмешку. Я намеренно задержался в гостях и отправился домой примерно в половине девятого вечера, что по меркам обитателей острова было очень поздним временем. Я знал, что отец уже будет спать, и если

мне удастся пролезть в окно своей комнаты, то я смогу обеспечить себе спокойную ночь без скандалов и перебранок.

Ветер к тому времени разошелся не на шутку, так что мне пришлось подставлять плечо его порывам, чтобы меня в буквальном смысле не снесло с извилистой тропинки, ведущей в Карракьюл. Очевидно, я все еще находился под влиянием выпитого, поскольку помню, что горла-нил песни, нетвердым голосом подпевая воющему вихрю. Я почти что дошел до изгороди, обозначающей границу нашего участка, как тут произошло нечто, что тотчас же заставило меня протрезветь.

Белый цвет очень редко встречался у нас на острове, где даже бумага считалась чем-то драгоценным, так что он сразу привлекал внимание. Какой-то белесый предмет пролетел прямо у меня под ногами и запутался в кустах утесника. Я поднял его и к своему великому удивлению обнаружил, что это был полотняный носовой платок, к тому же приятно надушенный. Я мог с полной уверенностью заявить, что, кроме меня, ни у кого на острове ничего подобного не было и в помине. В таком забытом Богом месте, как наш островок, все знали соседские «гардеробы» до последней нитки. А уж надушенный платок — это было нечто, из ряда вон выходящее! Кому же тогда он принадлежал? Неужели Минни была права, и на острове действительно завелся чужак? Я пошел медленнее, глубоко задумавшись о находке, которую держал в руке, и о том, что Минни видела прошлой ночью.

Когда я оказался в своей комнате и зажег свечу, я вновь внимательно рассмотрел платок. Он был чистым и новым, с инициалами «А.В.», вышитыми в углу красным шелком. Кроме них, ничего не указывало, кому бы он мог принадлежать. Судя по размеру, платок явно был мужским. Все случившееся настолько взволновало меня, что я еще долго сидел на кровати, и так и этак ломая голову над этим необычным происшествием, но ни к какому выводу так и не пришел. Я уже было подумал рассказать об этом отцу, но он крепко спал: из соседней комнаты раздавался его могучий храп. Оно бы и к лучшему, подумал я, ведь мне несколько не хотелось снова выслушивать его брань, к тому же вполне могло дойти до взаимной перепалки. Жить старику оставалось не очень-то долго, и сейчас меня утешает то, что ничего ему не сказав, я тем самым не усилил нашу с ним вражду и раздоры.

Я лег не раздеваясь, поскольку голова моя снова затуманилась после недолгого просветления. Я просто рухнул на подушку и провалился в тяжелое забытие. Проспал я, должно быть, часа четыре

и проснулся, рывком сев на кровати, словно от страшного кошмара. До сих пор не могу понять, что же тогда случилось. Все вокруг было тихо, и, тем не менее, все мои чувства обострились до предела. Был ли в комнате кто-то еще? Поднявшись на локте, я всматривался в темноту. Я не увидел ничего подозрительного, но все же меня не покидало какое-то странное чувство. В это мгновение в разрыве туч показалась луна, и ее холодный свет залил мою комнату. Я инстинктивно повернулся к окну и — о Боже! — оттуда на меня смотрело злобное лицо, казавшееся еще более злоедем в своей мертвенной бледности. Оно четко и ясно читалось в оконном проеме, глядя на меня яростным взглядом сверлящих глаз-буравчиков. Все было так же, как рассказывала Минни. На мгновение я задрожал от ужаса, словно ребенок, но в следующую же секунду окно и рама исчезли, и я схватился с высоким сильным мужчиной. Мы катались по мелкой гальке, сцепившись друг в друга, словно дерущиеся псы. Когда мы падали на землю, ему удалось сунуть руку в карман, и я каким-то шестым чувством догадался, что у него там, поэтому я мертвой хваткой сжал его запястье. Он пытался вырваться, но я был сильнее его. Тяжело дыша и изрыгая ругательства, мы кое-как встали на ноги, все еще сцепившись вместе.

— Пусти руку, черт подери! — проревел он.

— Тогда брось пистолет! — прохрипел я.

Мы с ненавистью смотрели друг на друга, озаряемые светом луны. Наконец, он рассмеялся и разжал пальцы. Тяжелый блестящий предмет, в котором я безошибочно узнал револьвер, с лязгом упал на камни. Я наступил на него и отпустил руку своего противника.

— Ну, дружок, и что дальше? — со смехом спросил он. — Следующий раунд или конец боя? Я вижу, вы тут на острове очень даже гостеприимны. С такой радостью спешите встретить путника, что даже дверь не открываете, а пулей выскакиваете прямо в окно.

— А вы как думали? Крадетесь от дома к дому по ночам, да еще и с пистолетом в кармане? Что вам здесь надо? — сурово спросил я.

— Надо думать, оружие не помешает, — ответил он, — когда откуда ни возьмись на тебя бросаются вот такие молодые дьяволы. Приветствую вас! К нам пожаловал еще один член почтенного семейства.

Я обернулся и увидел рядом отца. Он вышел из главного входа и обогнул дом. Его серая шерстяная ночная рубашка и седые всклооченные волосы развевались на ветру, сам он был очень возбужден. В одной руке он держал двустволку, которой угрожал мне утром.

Отец приложил приклад к плечу и наверняка вышиб бы мозги или мне, или незнакомцу, если бы я рукой не отвел дуло в сторону.

— Погоди, отец, — начал я. — Давай послушаем, что он о себе расскажет. А вы, — продолжил я, повернувшись к незнакомцу, — ступайте вместе с нами в дом и объясните-ка свое поведение. Только учтите, что нас двое, так что будьте осторожней.

— Не так быстро, мой юный забияка, — проворчал он. — У тебя мой кольт, но у меня в кармане остался нож. В Колорадо меня очень хорошо научили с ним обращаться. Однако давайте зайдем в эту вашу хибару да все хорошенько обсудим. Я весь промок и к тому же чертовски хочу чего-нибудь пожевать.

Отец что-то бормотал себе под нос и продолжал вертеть в руках ружье, но не возразил против того, чтобы я пригласил незнакомца в дом. Мы прошли в кухню, где я чиркнул спичкой и зажег керосиновую лампу. Незнакомец тотчас же наклонился к фитилю и закурил сигарету. Стало светло, и мы с отцом смогли хорошенько рассмотреть его. Он был лет сорока, удивительно хорош собой, чем-то походил на испанца, с иссиня-черными волосами и бородой и загорелым лицом. Глаза его ярко сверкали и из-за острого и пронизывающего взгляда даже казались выпученными, если только не смотреть на него в профиль. Он весь прямо светился какой-то безрассудной удалью и даже некоей четровщинкой, что в сочетании с его сильной жилистой фигурой и беспечно-развязной манерой общения давало все основания полагать, что он немало повидал на своем веку. Одет он был в элегантную куртку из полубархата и светло-серые брюки иностранного покроя. Нисколько не обращая внимания на то, что мы во все глаза рассматриваем его, незнакомец уселся на кухонную тумбочку, свесил ноги и принялся пускать колечки дыма от своей сигареты. Его внешний вид, казалось, немного успокоил отца, главным образом, благодаря восьми кольцам на левой руке гостя, сверкавшим каждый раз, когда тот подносил сигарету ко рту.

— Не очень-то вы на Арчи внимание обращайтесь, — заискивающе произнес старик, — мальчишка он еще совсем, хоть и вымахал такой. Как говорится, сила есть — ума не надо. Я и сам всполошился, как шум-то услышал, а уж что чуть было не пальнул в вас, сэр, так вы уж простите старика. Вы ведь нездешний, это точно, может, судно какое разбилось — или не разбилось, а? — Мысль о кораблекрушении пробудила в моем отце демона жадности, глаза его вмиг заблестели, а жилистые старческие руки затряслись.

— Я прибыл сюда на шлюпке, — отрезал незнакомец. — Я подошел к первому дому от берега, и мне будет нелегко забыть оказанный вами «теплый» прием. Этот ваш «мальчишка» мне чуть шею не сломал.

— Хорошенькое дело! — возмущенно перебил его я. — Что же это вы не подошли к двери, как порядочный человек, а вместо этого подкрались к окну?

— Тише, Арчи, тише, — умолял меня отец. Незнакомец же улыбался мне так дружелюбно, словно мы с ним уже успели помириться.

— Все без обид, — примирительно сказал он. Говорил он довольно странно, с каким-то непонятным акцентом, иногда чуть шепелявя, временами по-американски раскатисто, хотя большей частью очень чисто. — Я бы поступил точно так же, приятель. Ты, наверное, заметил вчера бригантину у берега?

Я кивнул.

— Это и есть моя посудина, — продолжил он. — Я там и владелец, и шкипер, и все остальное. Может же человек тратить деньги, как ему хочется? Я люблю плавать и люблю новые впечатления. По-моему, ничего плохого в этом нет. Прошлый месяц я провел в Средизем-

---

А.Л. Грейс. Предупредительная жена

номорье, но мне до чертиков надоели голубые небеса и прекрасная погода. Остров Хиос, доложу я вам, прямо-таки райское местечко. Я прибыл сюда, чтобы подышать свежим воздухом свободы. Мы здесь обследовали все острова, а когда подплыли к вашему, что-то такое мне в нем понравилось. Так что я изменил курс, бросил якорь и прошлой ночью сошел на берег разузнать, что да как. Первый дом, что я увидел, был не ваш, а другой, дальше к западу, однако я сразу убедился, что нашел то, что мне по душе, — спокойный, тихий уголок. Потом я вернулся на корабль, отдал все приказы, а затем снова сюда. Думаю, у вас можно будет остановиться на несколько недель. Человек я неприхотливый и со средствами. Скажем, десять долларов в неделю за постой и кормежку, за полмесяца плачу вперед.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда четыре новеньких сверкающих наполеондора и пододвинул их к моему отцу, который тотчас же схватил блестящие монеты.

— Прошу меня простить за столь негостеприимный прием, — смущенно начал я. — Видимо, я был спросонок и сразу ничего не понял.

— Ни слова больше, дружище, ни слова больше! — с жаром воскликнул он, сжав и трясая мою руку. — Мне к таким вещам не привыкать. Ну что ж, считаем, что договорились?

— Да живите, сколь вашей душеньке угодно, — ответил отец, перебирая монеты. — Уж мы-то с Арчи завсегда сможем угодить вам. Вы не подумайте, здесь у нас не глушь какая. С Ламлаша вот приходят лодки, привозят нам газеты да новости всякие.

Меня поразило, что незнакомец несколько не обрадовался, услышав это, скорее наоборот.

— Вот как? Неужели до вас сюда газеты доходят? — нахмурился он.

— Ну да, ну да, «Скотсман» и этот, как его, «Глазго Герольд». Может, это самое, мы завтра поутру с Арчи доплывем до вашей пусудины да привезем вам багаж и все такое, а?

— Да мой бриг уже миль за пятьдесят отсюда, — ответил гость. — Он мчит в Марсель быстрее ветра. Я приказал старпому вернуться сюда примерно через месяц. А что до багажа, то я все свое ношу с собой. Чем толще кошелек, тем меньше поклажи. Все самое необходимое — в узле под окном. Кстати, меня звать Дигби, Чарльз Дигби.

— Мне казалось, что ваши инициалы А.В., — заметил я.

Он спрыгнул с кухонного шкафа, словно ужаленный, и лицо его на мгновение потемнело.

— Что за черт, что ты несешь?! — в его голосе послышалась угроза.

— Я думал, что, возможно, это ваша вещь, — ответил я, подавая ему найденный платок.

— Ах, вот оно что! — произнес он с деланной улыбкой. — Я сперва не понял, о чем ты. Все в порядке. Это платок Виттингдейла, моего второго помощника. Пусть он побудет у меня до его возвращения. А сейчас дайте мне что-нибудь поесть, иначе я умру с голода.

Мы собрали ему почти все, что было съестного в доме. Он ел жадно, почти не жуя и глотая огромные куски. За едой он осушил большой стакан виски с водой. Затем отец проводил его в пустовавшую отдельную комнату, которой гость, по его собственным словам, остался очень доволен, и все мы начали укладываться спать. Когда я вернулся к своей кушетке, я заметил, что ветер усилился, и сквозь разбитое окно увидел пролетавшие мимо длинные клочья водорослей. Взмахивая крыльями, в окно влетела огромная летучая мышь, что у нас на островах считается знаком беды. Но я никогда не был суеверным, поэтому дал ей покружить по комнате, пока она не смогла благополучно вылететь наружу.

3

Наутро ветер дул с прежней силой, хотя небо почти очистилось. Наш гость встал рано, и мы вдвоем пошли прогуляться к берегу. Перед нами открылся грандиозный вид. Огромные волны шли нескончаемой чередой, накатываясь друг на друга, а затем с грохотом обрушивались на камни, поднимая тучи мелких камешков и водяной пыли, наполняя воздух мельчайшими капельками влаги с острым запахом.

Мы стояли рядом и любовались прибоем, как вдруг я заметил, что к нам изо всех сил бежит мой отец. Он поднялся еще до рассвета и пропал где-то на участке. Увидев, что мы смотрим в его сторону, он замахал руками и начал что-то кричать, но ветер уносил его слова прочь. Мы ринулись к нему, видя, что он хочет рассказать нечто важное.

— Бриг разбился, и все потонули! — выпалил он нам в лицо.

— Что?! — прокричал наш гость.

Я никогда прежде не слышал, чтобы в одном-единственном слове звучало столько радости и восторга.

— Все потонули, и ничегошеньки не осталось! — повторил отец. — Да пойдёмте, вы сами все увидите.

Иван Ливазовский. Морской вид

Мы отправились вслед за ним на другую сторону утесов и спустились на песчаный берег. Он был весь усеян обломками, кусками снастей и обшивки, сломанными шпангоутами и какими-то разбитыми бочонками. У самого берега на волнах качался огромный брус, то и дело вздымаясь кверху, словно гигантское копье, а затем снова падая и исчезая в бушующей стихии. Дигби подбежал к какой-то лежавшей недалеко деревяшке, нагнулся и внимательно ее рассмотрел.

— Боже милосердный! — произнес он наконец и глубоко вздохнул. — Вы правы. Это действительно «Прозерпина», и погибли все до единого. Какой ужас!

Когда он говорил эти слова, его лицо было темным и мрачным, но глаза при этом блестели и сверкали. Во мне начинала зарождаться глубокая антипатия и недоверие к этому человеку.

— Был ли у кого-нибудь хоть малейший шанс выбраться на берег? — спросил он.

— Нет, нет, и весь груз потонул, — ответил мой отец с неподдельной печалью в голосе. — Берега-то тут ох какие коварные. Аккурат за Протоком есть подводный запертыш, и закручивает он аж до

самой большой земли. Черт подери, если уж суждено было кому разбиться, что бы им не сесть на камни к востоку, чтоб честный человек собрал, что стодится по хозяйству. Так нет же, все досталось этим мерзавцам с Аррана, что б им пусто было! Бочку пустую, может, и занесет сюда, а вот сундук какой или тело чье-то — так это нет, даже и не думай.

— Бедняги! — воскликнул Дигби. — Хотя... все там будем, так что без разницы — здесь или где-то еще. Я лишился корабля, но, благодарение Богу, я могу купить себе другой. Их, конечно, жаль, очень жаль. Я предупреждал Ламарка, что нельзя слишком долго дрейфовать у опасного берега, если к тому же и барометр падает. Пусть теперь первый помощник пеняет на себя, жадный пес, надоедливый, вечно сующийся туда, куда не просят.

— Перестаньте ругаться, — перебил я. — Он же мертв.

— Прекрасно сказано, мой юный поборник морали! — парировал он. — Вы бы, наверное, тоже не были столь сладкоречивы, если бы с утра пораньше лишились пяти тысяч фунтов. Ну что ж, слезами горю не поможешь. Се ля ви, как говорят французы. Дела плохи, но могло быть куда хуже.

Отец и Дигби остались на берегу у обломков, я же отправился в Корримейн, чтобы успокоить Минни насчет призрака в окне. Когда я ей все рассказал, она согласилась со мной, что, скорее всего, экипаж бригантины знал о нашем загадочном госте гораздо больше, чем ему хотелось бы. Мы договорились, что я буду наблюдать за ним, но так, чтобы он того не заметил.

— Ой, Арчи, — разволновалась она, — ты уж давай-ка не перечь ему, да не зли его понапрасну-то, ведь у него пистолет и ножище тот. Так оно спокойней будет, если его не задирать.

Я рассмеялся и обещал ей соблюдать предельную осторожность, так что она немного успокоилась. Старик Фуллертон пошел вместе со мной, надеясь разжиться всякими деревяшками, и они с моим отцом долго еще рыскали вдоль берега, однако безо всякого результата, поскольку подводное течение было очень сильным и все унесло к Аррану, в залив Ламлаш.

Удивительно, насколько быстро незнакомец приспособился к жизни на острове и сколь полезным он сделался в нашем хозяйстве. Через две недели он знал весь островок не хуже меня. Если бы не очень приятные воспоминания о кораблекрушении и не кислый осадок, оставшийся у меня после этого происшествия, можно было бы сказать, что в глубине души он мне даже понравился. Характер его похо-

дил на климат тропических широт — временами мрачный и грозовой, но большей частью светлый и солнечный. Дигби мог просто так, безо всякого повода вдруг загорланить песню или разразиться шквалом шуток и анекдотов, что было совершенно несвойственно хмурым северянам. В периоды «затишья» он становился замечательным собеседником, ярко и образно рассказывал о людях и их характерах, а также о своих бесчисленных и порой весьма странных приключениях. В жизни мне редко приходилось встречать таких великолепных рассказчиков. Вечерами мы с отцом могли часами сидеть у очага, словно зачарованные, слушая, как Дигби разворачивал пестрые ленты своих повествований, не выпуская изо рта сигареты. Казалось, что его котомка, с которой он прибыл, была набита табаком и ничем больше. Я заметил, что в разговорах у камелька, которые большей частью адресовались моему отцу, наш гость, возможно, сам того не сознавая, играл на слабых струнах характера старика. Рассказы о хитрости, ловкости, о многочисленных способах обмана при добывании денег так и сыпались из уст нашего гостя, и в лице моего отца они находили благодарного слушателя. Однажды я не сдержался и сделал Дигби замечание, когда уже за полночь отец вышел из комнаты, хохоча во все горло и хлопая себя по коленям, поскольку ему чрезвычайно понравилась одна из историй нашего гостя. Речь в ней шла о крестьянах, живших на побережье Бискайского залива. Так вот, ночью, когда бушевал шторм, они привязывали фонари к бычьим рогам и уводили животных вглубь от берега. Затем крестьяне принимались гонять быков из стороны в сторону и заставляли их вставать на дыбы. Экипажи кораблей, находившихся в море, принимали эти фонари за огни других судов и смело шли на сближение с ними, в результате чего оказывались выброшенными на скалистый берег.

— Не надо рассказывать старику подобные вещи, — возмутился я.

— Мой юный друг, — доброжелательно ответил Дигби, — ты еще ничего в жизни не видел. У тебя, безусловно, сформировались идеалы и представления о благородстве, чести и всяком таком прочем. Ты возвел их в догму, что свойственно умным молодым людям вроде тебя. У меня тоже были представления о добре и зле, но очень скоро они рассеялись, словно туман. Все эти помыслы и стремления сродни тонкому гляncу, который реальная жизнь безжалостно сдирает своим наждаком. Я вступил в жизнь, как и все, с чистой и цельной душой, но сейчас на ней больше ран, рубцов и шрамов,

чем на моем теле. Я не преувеличиваю, вот, взгляни. — С этими словами он расстегнул куртку и показал грудь.

— Боже праведный! — ахнул я. — Откуда это все у вас?

— Это от пули, — ответил он, показывая на глубокую синеватую ямку под ключицей. — Я получил ее на баррикадах в Берлине в 1848-м. Местный хирург сказал, что она прошла чуть ниже артерии. А вот это, — продолжил он, демонстрируя два овальных шрама на шее, — меня пытался загрызть вождь племени сиу, когда я с Кастером ходил в прерии. Там же я получил стрелу в ногу. Это — памятка от взбунтовавшегося матроса с моего корабля, ну а остальное — так, мелочи, следы от прививок, что мне делали в Калифорнии. Так что меня можно простить, когда я, чуть что, хватаюсь за оружие, потому как я побывал во многих передрягах.

— А это что? — спросил я, кивнув на замшевый мешочек со шнурком, висевший у него на шее. — Похоже на талисман.

Дигби торопливо застегнул куртку, видимо, мой вопрос привел его в замешательство.

— Ничего особенного, — грубо оборвал он меня. — Я ведь католик, а это то, что мы называем скапулярием. Там образок и молитва.

В тот вечер он, вопреки своему обыкновению, отчего-то сделался неразговорчивым, и весь следующий день держался замкнуто и старался избегать меня. Это небольшое происшествие заставило меня призадуматься, более того, я еще более укрепился в своих неясных сомнениях, когда вскоре заметил, что шнурка на шее у него больше не было. Очевидно, он его снял после моего бестактного вопроса. Что могло скрываться в том мешочке, окутанном такой тайной и столь тщательно оберегаемом? Если бы я тогда знал всю правду, я бы скорее отдал руку на отсечение, чем продолжал бы любопытствовать.

Помимо всего прочего, наш гость обладал еще одной интересной особенностью. Все его планы на будущее, которыми он охотно и подробно делился с нами, были никоим образом не ограничены с материальной точки зрения. Он легко и непринужденно говорил о замыслах и проектах, требовавших огромных денежных затрат. Глаза моего отца блеснули, когда Дигби беззаботно рассуждал о суммах, казавшихся нам, людям экономным, просто чудовищными. Нам обоим представлялось странным, что человек, по его собственным словам, всю жизнь проживший скитальцем и искателем приключений, мог владеть таким огромным состоянием. Отец настаивал на том, что Дигби выбрал золотую жилу где-то в Америке. У меня же на сей счет были свои мысли, сперва

смутные и разрозненные, но все больше обретавшие форму и верное направление.

Очень скоро мои подозрения обрели реальные и прочные основания, а произошло это вот как. Мы с Минни встречались в нашем укромном месте на комберских утесах, о чем я рассказывал ранее, и почти каждый день мы проводили там по два-три часа. Как-то утром, вскоре после беседы с нашим гостем, мы сидели в своем закутке, который укрывал нас как от ветра, так и от любопытных взглядов моего папаша. Вдруг Минни заметила Дигби, идущего вдоль берега. Он неторопливо подошел к основанию утеса, усеянного скользкими после отлива валунами, но вместо того, чтобы повернуть назад, он начал карабкаться на огромные камни и протискиваться между ними по щиколотку в воде, пока не оказался прямо под нами. Мы видели его как на ладони. Для него это место представляло собой, очевидно, идеал уединения: море впереди, камни по бокам и отвесная стена утеса сзади. Даже посмотрев вверх, он едва ли заметил бы размытые силуэты двоих любопытствующих, смотрящих на него из-за выступа скалы. Он торопливо оглянулся, сунул руку в карман, вытащил тот самый замшевый мешочек, о котором я упоминал, и вынул из него небольшой предмет. Затем Дигби вытянул руку и посмотрел на этот предмет долгим и, как мне показалось, обожающим взглядом. Мы наблюдали за ним, поглощенные этим странным зрелищем. Наконец, он водворил предмет обратно в мешочек, бережно положил его в карман и отправился назад в куда более веселом расположении духа.

Мы с Минни посмотрели друг на друга. Она улыбалась, я был мрачен.

— Ты видела? — спросил я.

— Чего? А, это, ну да, видала.

— И что же это, по-твоему?

— Да стекла кусок, чего ж еще-то, — ответила она, глядя на меня удивленными глазами.

— Да нет же! — горячо воскликнул я. — Стекло никогда так не отражает солнечные лучи. Это бриллиант, и, если я не ошибаюсь, один из самых больших. Он размером крупнее всех тех, которые я видел за свою жизнь, и стоит целое состояние.

Для бедной простушки Минни слово «бриллиант» было пустым звуком. Она их никогда не видела и не имела ни малейшего понятия об их ценности. Так что она не придавала этому особого значения и принялась щебетать о том о сем, но я ее не слышал. Напрасно она

пускалась на простодушные ухищрения, чтобы вновь завладеть моим вниманием. Что бы я ни видел — сверкающие волны или блестящие на солнце мокрые камни, — всюду мне мерещились искрящиеся грани драгоценного камня. Я как-то сразу помрачнел и ушел в себя, так что в конечном итоге Минни пошла к себе в Корримейн одна, а я в задумчивости отправился домой. Отец и Дигби как раз собирались обедать, и наш гость весело поприветствовал меня.

— Заходи, заходи, дружище! — воскликнул он, пододвигая мне табурет. — А мы уж начали подумывать, не случилось ли с тобой чего. Ах ты, ловелас! Ставлю последний доллар, что тебя задержала та хорошенькая девчонка, с которой я тебя недавно видел.

— Не лезьте не в свои дела, — огрызнулся я.

— Ну-ну, какие мы обидчивые, — примирительно хохотнул он. — Молодым людям нужно придерживать характер, а у тебя он еще тот. Ты слышал, что я от вас уезжаю?

— Очень жаль, — откровенно ответил я. — Когда собираетесь отплыть?

— На следующей неделе. Однако не бойтесь, мы еще увидимся. Тут мне было слишком хорошо, чтобы с легкостью забыть здешние места. Я собираюсь купить хорошую яхту на паровом ходу — тонн в двести пятьдесят или около того. Через несколько месяцев я приведу ее сюда, и мы вместе хорошенько прокатимся.

— Сколько же такая яхта может стоить? — поинтересовался я.

— Сорок тысяч долларов, — беспечно бросил гость.

— Вы, должно быть, очень богаты, — заметил я, — чтобы швырять такие деньги ради удовольствия.

— Богат! — отозвался Дигби, и на мгновение в нем вскипела его южная кровь. — Богат, ха, не то слово... Однако я замечтался. Я просто состоятельный человек или очень скоро им стану.

— И откуда же у вас деньги? — спросил я, несколько не задумываясь, и тотчас пожалел об этом. Мгновением позже я понял, что совершил ошибку. Наш гость как-то сразу подобрался и сделал вид, что не слышал моего вопроса, а отец прикрикнул на меня:

— Хватит тебе, Арчи, вечно ты к джентльмену с вопросами пристаешь, надоел уже!

Однако по острому взгляду глаз старика, сверкавших из-под густых бровей, я догадался, что он долго ломал голову над тем же вопросом.

Следующие два дня я терзался сомнениями, рассказать ли отцу о том, что я видел, и поделиться ли с ним своим мнением о нашем

госте. Но он упредил меня, сделав открытие, которое подтвердило мои домыслы и предположения и расставило все по своим местам. На третий день, когда Дигби отправился на свою обычную прогулку, я зашел в кухню и увидел отца, сидевшего у огня и погруженного в чтение газеты. Он с трудом читал по слогам, водя по строчкам заскорузлым указательным пальцем. Когда я вошел, он скомкал газету, инстинктивно пытаясь ее спрятать, но, заметив меня, разгладил ее на коленях и знаком подозвал к себе.

— Ну, и как тебе этот прощельга Дигби? — спросил он. По его виду я сразу понял, что отец очень взволнован.

— Да ничего хорошего, — ответил я.

— Поди сюда, сынок, поди сюда, — проворчал он. — Вот ты у меня парень ученый. Прочитай-ка мне вот тут, прочитай да скажи, выжил я из ума или нет. Это вот «Глазго Герольд», четыре дня, как вышел. Шхуна рыбацкая из Лох-Ранза нынче поутру проходила да и оставила. Вот отсюда читай: «Сообщение из Парижа». Вот тут вот, где про все подробности, — читай, читай.

Я начал читать с отмеченного места. Это был обычный репортаж парижского корреспондента газеты. «Стали известны все подробности ограбления, в результате которого герцогиня де Рошвилль лишилась гордости своей фамильной коллекции драгоценностей. Это был бриллиант чистейшей воды весом в восемьдесят три с половиной карата, третий по величине во Франции и семнадцатый в Европе. Он перешел во владение аристократического рода благодаря прапрадеду герцогини, сражавшемуся в Индии под командованием генерала Бюсси, который и вывез бриллиант в Европу. Уже тогда он стоил целое состояние, теперь же его цену просто невозможно определить. Необходимо напомнить, что два месяца назад он был ночью украден из шкатулки герцогини, и хотя полиция сделала все возможное, выйти на след похитителя так и не удалось. Полицейские чины очень сдержанно комментируют это сенсационное происшествие, однако можно предположить, что у них есть основания подозревать некоего Ахиллеса Вольфа, уроженца Лотарингии, имевшего американское гражданство. Это весьма эксцентричный субъект, к тому же ведущий богемный образ жизни, и весьма возможно, что его внезапное исчезновение из города в день кражи — всего лишь совпадение. Внешне предполагаемый похититель весьма хорош собой, с правильными и утонченными чертами лица, темноглазый и черноволосый, обладающий довольно грубыми, резкими, развязными и бес-

церемонными манерами. За его поимку обещано крупное вознаграждение».

Когда я закончил чтение, мы с отцом долго сидели и молча смотрели друг на друга. Наконец, старик дернул рукой и показал пальцем через плечо.

— Это он.

— Да, скорее всего, так, — согласился я, вспомнив инициалы на платке.

Мы снова замолчали. Отец взял стоявший у камина пучок хвороста и стал вертеть его в руках.

— Здоровенный, наверное, камушек-то, — наконец произнес он. — С собой такой не очень-то потаскаешь. Небось, где-нибудь во Франции он его припрятал.

— Нет, бриллиант при нем, — сказал я и тут же проклял себя за собственную глупость.

— А тебе-то откуда знать? — тотчас же спросил старик, пронзив меня острым взглядом.

— Потому что я его видел.

Пучок хвороста с хрустом переломился пополам в его руках, но отец не сказал ни слова. Скоро вернулся наш постоялец, мы пообедали, но никто из нас ни единым словом не обмолвился о газете.

4

Когда я читаю произведения, написанные от первого лица, меня всегда забавляет тот факт, что автор представляет себя неким идеальным существом с безупречной репутацией. У всех остальных есть свои страсти, слабости и пороки, он же предстает перед читателем как холодная и безупречная абстрактная сущность, бесцветной нитью проходящая сквозь весь запутанный клубок повествования. Я не стану совершать подобной ошибки. Сейчас я вижу себя таким, каким я был тогда, — легкомысленным, немного черствым, вспыльчивым, импульсивным, не очень обремененным какими-либо принципами. Таков я был, и именно таким я себя и описываю.

В тот момент, когда я окончательно убедился, что наш гость по фамилии Дигби на самом деле является похитителем бриллианта Ахиллесом Вольфом, я принял окончательное решение. Иные оказались бы весьма щепетильны и наверняка терзались бы какими-то сомнениями, полагая, что если они жили с ним под одной крышей и вместе преломляли хлеб, то он заслуживал бы с их стороны снисхождения

и милосердия. Я никоим образом не мучился подобными сентиментами. Рядом со мной находился преступник, скрывавшийся от правосудия. Волею судеб он оказался в наших руках, и за его выдачу причиталось огромное вознаграждение. Я ни секунды не колебался в том, как именно я должен поступить.

Чем больше я размышлял по этому поводу, тем больше я восхищался, насколько умно и хитро он обставил все дело. В условленном месте его наверняка поджидало судно с командой из сообщников или же из ничего не подозревавших рыбаков. Таким образом, находясь на море, он сразу же затруднял поиски, поскольку полиция стала бы искать его на континенте, что вполне логично. Более того, если бы он отправился в Англию или в Америку, он едва ли бы смог избежать поимки. Но, выбрав удаленное и почти безлюдное место на самых задворках Европы, он на некоторое время смог сбить сыщиков со следа, а кораблекрушение уничтожило последнюю ниточку, которая могла бы привести к нему. Теперь он был целиком и полностью в нашей власти, поскольку без нашей помощи ему никак не выбраться с острова. Так что спешить нам не следовало, и мы могли обдумать наши планы не торопясь.

Ни я, ни отец внешне никоим образом не изменили нашего отношения к гостю, который пребывал в своем обычном веселом и беззаботном настроении. Он очень приятно пел, помогая нам чинить сети или конопатить лодку. Голос у него был очень высокий, почти тенор, один из самых мелодичных, которые мне когда-либо доводилось слышать. Убежден, что он сделал бы блестящую карьеру на оперной сцене, но, как подавляющее большинство отпетых мерзавцев, он поставил крест на всем лучшем, чем его одарила природа, и развивал лишь худшие из своих дарований. Отец иногда украдкой как-то странно поглядывал на него, и мне казалось, что я знаю, о чем он думает. Но тут я ошибался.

Однажды, спустя примерно неделю после нашего с отцом разговора, я выравнял и прибавил доски забора, отставшие и покосившиеся под натиском ветра, когда с берега вернулся отец. Тяжело ступая по гальке, он подошел ко мне и присел на камень. Я продолжал забивать гвозди, время от времени поглядывая на него. Он угрюмо сидел и посасывал свою короткую черную трубку. Я чувствовал, что его что-то очень тревожит, поскольку он хмурил брови и шевелил губами.

— Так ты чего, веришь газете-то? — спросил он наконец, выбивая трубку о камень.

— Да, — коротко ответил я.

— Ну, и чего ты об этом думаешь?

— Конечно же, мы должны получить награду! — уверенно сказал я.

— Награду! — яростно рявкнул он. — Награду тебе подавай! Захотелось, понимаешь, камень вернуть. А стоит он огромные тыщи и тыщи. Хочешь вернуть его каким-то паршивым лягушатникам! А они тебе за все за это швырнут пару фунтов, как кость псу какому шелудивому! А тут все само в руки прет, и ты еще нос воротишь!

— Слушай, отец, — произнес я, положив молоток, — надо довольствоваться тем, что мы сможем получить. Сколько предложат, столько и возьмем.

— А ежели мы камушек возьмем, а? — прошептал отец, хитро глядя мне в глаза.

— Он его никогда не отдаст.

— А ежели б отдал, куда он здесь-то... Ежели б вдруг раз — и...

— Прекрати, отец, прекрати сейчас же! — вскричал я, потому что старик выглядел, словно дьявол, вырвавшийся из преисподней. Теперь я понял, к чему он клонит.

— Раз — и все! — запальчиво крикнул он. — Кто ж его видел-то, пришел он иль ушел, кто ж доискиваться-то станет, где он там себе шляется? Всяко в жизни бывает-то, спотыкнулся али там оступился на скале-то... Или же проснулся, глядь — а в глотке ножик торчит... Чего лучше-то, а?

— Отец, что ты такое говоришь? — ахнул я. Мысли вихрем пронеслись у меня в голове.

— Ты это думай-решай, да или нет, — он закончил разговор и ушел с сердитым видом, через каждые несколько метров оборачиваясь и многозначительно поднимая палец: мол, никому ни слова.

Отец больше не пытался говорить со мной на эту тему, но сказанное им не давало мне покоя ни днем, ни ночью. Я с трудом мог представить себе, что он говорил серьезно, поскольку он всегда был честным и добродетельным человеком, возможно, властолюбивым и скупым по своему характеру, но уж никак не способным совершить смертный грех. Возможно, искушения обходили его стороной, поскольку кривая преступности всегда ползет вверх там, где жизнь бурлит, а соблазны подстерегают тебя на каждом шагу. В безлюдном же захолустье вроде нашего островка она падает до нуля. На острове Уффа очень легко быть святым.

Как-то утром за завтраком наш гость спросил, починили ли мы лодку. Я ответил, что да.

— Я хотел бы, — сказал он, — чтобы вы вдвоем отвезли меня сегодня в Ламлаш. За это получите два соверена. Не знаю, смогу ли я вернуться вместе с вами или же останусь там.

Мы с отцом тотчас переглянулись.

— Ветер чего-то не очень, — начал старик.

— Ничего, что ветер слабый, зато попутный, — перебил Дигби, будем называть его так.

— Да и фок-то не привязан, — упрявился отец.

— Без толку искать причины да отговорки, — раздраженно заявил наш постоялец. — Если вы не согласитесь, я найму Томми и его отца, но все равно уеду. Ну, так что, по рукам?

— Поехали, — мрачно произнес отец, и мы спустились на берег, чтобы приготовить лодку.

— Что ты думаешь делать? — спросил я.

— Да сам не знаю! — раздраженно огрызнулся старик. — Вот уж не везет так не везет, не подфартило, и все тут. Ну, доплывем мы с ним до Ламлаша — так счастье прямо из рук выскользнет, вот ведь незадача. Сынок, ты у меня молодой и сильный, может, вдвоем-то мы его и одолеем?

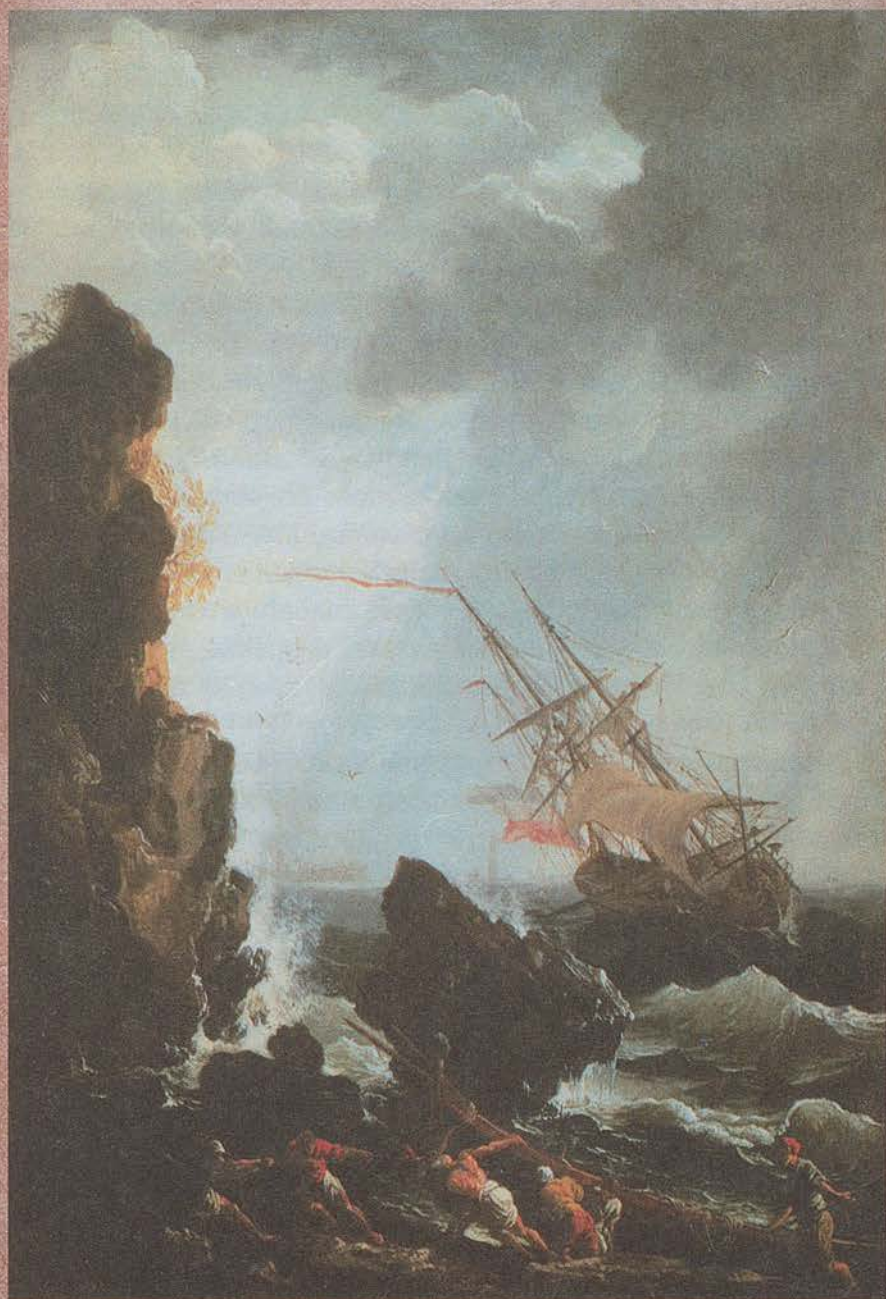
— Нет! — решительно ответил я. — Я готов выдать его властям, но будь я проклят, если прибегну к насилию.

— Ты трусливый безмозглый дурак! — крикнул он, но меня несколько не трогали его оскорбления, так что я промолчал, а он все продолжал бубнить себе под нос, увязывая парус дрожащими пальцами.

Примерно к двум часам дня лодка была готова, и при легком северном ветре мы надеялись добраться до Ламлаша засветло. На темно-синей воде струилась лишь легкая рябь, и стоя на берегу, готовые к отплытию, мы видели покрытые лиловой дымкой водопад Карлин и вершину Гоутфелла. Пониже их до самого горизонта простирались аргилеширские холмы. К югу в лучах солнца сверкала голая вершина горы Элса, вдалеке крошечным белым платочком угадывался парус рыболовной шхуны, державшей путь к шотландскому берегу. Дигби и я уже поднялись на борт, когда отец вдруг побежал туда, где я чинил паруса, и вернулся с небольшим топориком, который засунул под лодочную банку.

— Зачем вам топор-то? — удивленно спросил наш гость.

— На лодке он завсегда сгодится, — ответил старик, отведя взгляд.

Карл Верне. Морской пейзаж с кораблекрушением

Мы отошли от берега, поставили фок, кливер и грот и резво по-неслись через Проток, только волны весело налетали и бились о нос нашего суденышка. Оглянувшись, я увидел, как за кормой простирался наш остров. Вот слева Карравоу, наш причал на Карракьюле, уходящие ввысь бурые комберские скалы, а дальше за ними — зубчатые гребни Бегнафайла и Бегнасахера. Я заметил наш коровник с крышей из красной черепицы; за болотом в воздухе вился синеватый дымок — там был Корримейн. Сердце мое наполнилось нежностью при виде родных мне с детства мест.

Мы прошли почти половину Протока, как вдруг попали в полный штиль. Паруса бессильно повисли на мачте. Мы почти не двигались, лишь течение потихоньку сносило нас на юг. Я стоял у руля, отец возился с парусами, а наш гость одну за другой курил сигареты и наслаждался видом. По его требованию мы взяли весла, чтобы начать грести. Я уже никогда не узнаю, как все началось, но когда я нагнулся, чтобы поднять весло, я услышал, как наш гость закричал так, словно его убивают. Я выпрямился и увидел его прислонившимся к мачте. Лицо его представляло собой сплошную кровавую маску. Отец наступал на него с топором в руке, и прежде чем я успел пошевелиться, Дигби ринулся на старика и крепко обхватил его за пояс.

— Ах ты, старый черт! — прохрипел он. — Я чувял, что ты затеял, гадина! Но ты никогда его не получишь! Слышишь — никогда!

Ничто не заставит меня забыть лютую и жгучую ненависть, вложенную в эти слова. Мой отец издал пронзительный крик, противники качнулись, на какое-то мгновение словно повисли в воздухе, а затем рухнули в воду. Я рванулся к борту с багром в руках, но море уже поглотило их. Когда на месте их падения расходились круги и булькали пузырьки воздуха, я снова увидел их. Вода была очень чистой, и глубоко-глубоко внизу я заметил то появляющиеся, то вновь исчезающие размытые очертания двух лиц, смотревших на меня с неопишным ужасом. Они медленно погружались, сжимая друг друга в последнем смертельном объятии, пока не превратились в темное пятно. Затем они исчезли навсегда. Они так и будут там лежать, француз и шотландец, покуда не вострубят трубы Страшного Суда и мертвецы не восстанут из моря. Над ними будут бушевать шторма и проплывать корабли, но они будут спать спокойным и бестревожным сном в безмолвных глубинах Протока у острова Уффа. Я верю, что когда настанет Судный день, с ними будет и тот проклятый камень, дабы воочию показать всем то тяжкое искушение, коему их подверг

дьявол, в надежде хоть на малейшее оправдание и избавление их от грехов и ошибок, совершенных ими в земной жизни.

Обратный путь был долгим и тяжким. Я изо всех сил налегал на весла, стараясь сбросить нестерпимое нервное напряжение. Ближе к вечеру подул попутный ветерок, что немного помогло мне. Уже почти стемнело, когда я вновь оказался в теперь уже совершенно пустом доме. Все, что произошло тем весенним днем, потом еще долго преследовало меня в самых страшных снах.

Я не остался на Уффе. Ферма и рыбацкая лодка пошли с молотка на аукционе в Ардроссане, и вырученной суммы вполне хватило, чтобы я смог продолжить обучение на медицинском факультете университета. Я буквально бежал с острова, словно из проклятого места, и больше никогда там не появлялся. Сосед Гиббс, его сын и даже Минни Фуллертон навсегда исчезли из моей жизни. Несомненно, она очень скучала по мне, однако до меня дошли слухи, что молодой Макбейн, купивший наше хозяйство, сразу после окончания лова трески стал в Корримейне желанным гостем, и поскольку он был добрый мальчик, да к тому же недурен собой, у него были все шансы стать достойным претендентом на руку и сердце Минни. Что касается меня, то я закончил курс и открыл практику в одном из районов Пейсли, населенном преимущественно буржуа со средним и высоким достатком. В недолгие часы досуга я набросал нечто вроде воспоминаний о событиях, приведших к гибели моего отца. Ахиллес Вольф и бриллиант герцогини де Рошвилль теперь уже далеко в прошлом, однако могут найтись люди, которым будет интересно узнать об их пребывании на острове Уффа.

РОК «ЕВАНГЕЛИНЫ»

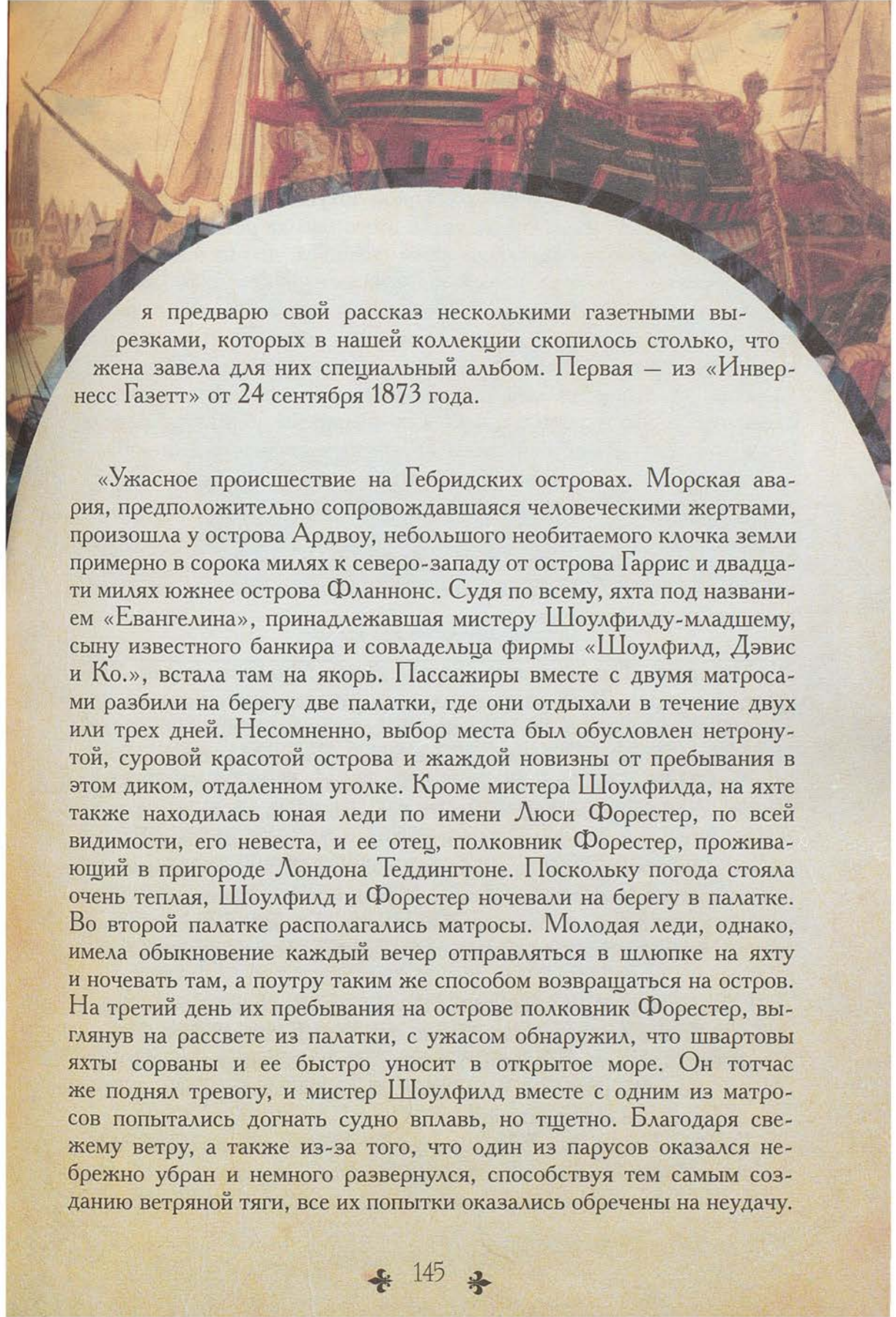

1

Мы с женой часто смеемся, когда нам случается читать нынешние сенсационные репортажи или истории, основанные на реальных событиях, поскольку какими бы необычными и захватывающим они ни были, мы всегда неизменно приходим к заключению, что все они блекнут по сравнению с тем, что произошло с нами во времена нашей молодости.

Много раз моя супруга просила меня описать случившееся с нами, но когда я задумывался над тем, что некоторые люди в Англии могут еще помнить яхту «Евангелина» и захотят узнать реальные обстоятельства ее исчезновения, мне казалось, что не стоит возвращаться к этой теме. Даже здесь, в Австралии, мы время от времени встречаем упоминания о ней в газетах и журналах, так что становится очевидным, что еще остались те, кто не забыл эту странную историю. Так или иначе, теперь, в канун Рождества, меня, наконец, уговорили написать все так, как было на самом деле.

В свое время инцидент с «Евангелиной» наделал много шума и вызвал живейший интерес на Британских островах, доказательством чему стали многочисленные статьи в газетах и отклики на них. В качестве примера, а также для того, чтобы вкратце изложить факты,

я предварю свой рассказ несколькими газетными вырезками, которых в нашей коллекции скопилось столько, что жена завела для них специальный альбом. Первая — из «Инвернесс Газетт» от 24 сентября 1873 года.

«Ужасное происшествие на Гебридских островах. Морская авария, предположительно сопровождавшаяся человеческими жертвами, произошла у острова Ардвоу, небольшого необитаемого клочка земли примерно в сорока милях к северо-западу от острова Гаррис и двадцати милях южнее острова Фланнонс. Судя по всему, яхта под названием «Евангелина», принадлежавшая мистеру Шоулфилду-младшему, сыну известного банкира и совладельца фирмы «Шоулфилд, Дэвис и Ко.», встала там на якорь. Пассажиры вместе с двумя матросами разбили на берегу две палатки, где они отдыхали в течение двух или трех дней. Несомненно, выбор места был обусловлен нетронутой, суровой красотой острова и жаждой новизны от пребывания в этом диком, отдаленном уголке. Кроме мистера Шоулфилда, на яхте также находилась юная леди по имени Люси Форестер, по всей видимости, его невеста, и ее отец, полковник Форестер, проживающий в пригороде Лондона Теддингтоне. Поскольку погода стояла очень теплая, Шоулфилд и Форестер ночевали на берегу в палатке. Во второй палатке располагались матросы. Молодая леди, однако, имела обыкновение каждый вечер отправляться в шлюпке на яхту и ночевать там, а поутру таким же способом возвращаться на остров. На третий день их пребывания на острове полковник Форестер, взглянув на рассвете из палатки, с ужасом обнаружил, что швартовы яхты сорваны и ее быстро уносит в открытое море. Он тотчас же поднял тревогу, и мистер Шоулфилд вместе с одним из матросов попытались догнать судно вплавь, но тщетно. Благодаря свежему ветру, а также из-за того, что один из парусов оказался небрежно убран и немного развернулся, способствуя тем самым созданию ветряной тяги, все их попытки оказались обречены на неудачу.

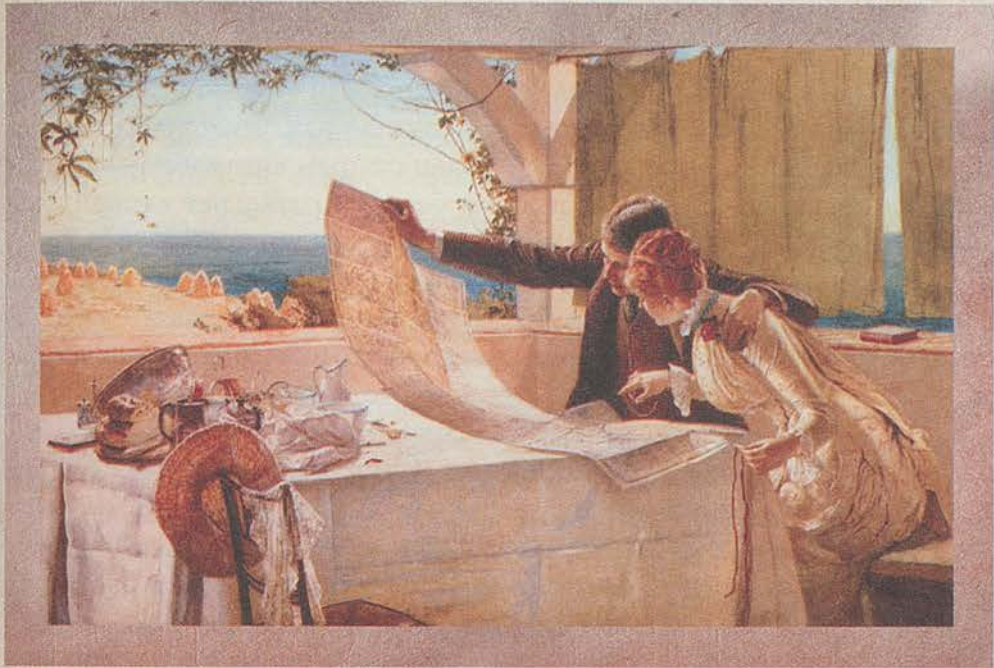
В последний раз яхту с несчастной юной леди на борту видели дрейфующей курсом вест-зюйд-вест. Ситуация еще более усугублялась тем, что оставшиеся на острове лишь через три дня смогли связаться с проходившей мимо рыбацкой шхуной и сообщить о печальном происшествии. Сразу после этого погода резко ухудшилась и волнение на море сделалось таким сильным, что надежд на спасение пропавшей яхты почти не осталось. Как стало известно редакции, фирма Шоулфилда объявила вознаграждение в тысячу фунтов экипажу судна, которое обнаружит яхту. За спасение мисс Форестер обещана награда в пять тысяч фунтов. Однако мы уверены, что наши храбрые и стойкие моряки и без всякой награды сделают все, что в их силах, чтобы по-рыцарски прийти на выручку сей юной леди, известной своей красотой и непревзойденным очарованием. Нам всем остается утешаться лишь тем, что на «Евангелине» имеются большие запасы пищи и воды».

Эта заметка появилась 24 сентября, четыре дня спустя после исчезновения яхты. А 25-го из Северной Ирландии пришла телеграмма следующего содержания.

«Портраш. Житель нашего города Джон Муллинс, моряк, сообщает, что утром 21-го он заметил яхту, отвечающую описанию пропавшей «Евангелины». В то время его собственная барка находилась примерно в пятидесяти милях к северу от острова Мэлинхед и лежала в дрейфе, поскольку стоял густой туман. Яхта прошла на расстоянии около двухсот метров от его правого борта, но из-за сильного тумана Муллинс не может поручиться, что это была именно «Евангелина». Она шла курсом на запад под взятым гротом и кливером. На румпеле стоял какой-то мужчина. Муллинс совершенно ясно видел на борту женщину, и ему показалось, что она звала его, но с точностью этого утверждать не может, поскольку сильно шумел ветер».

В нашей коллекции множество других материалов, полных сомнений, гипотез и опасений касательно судьбы «Евангелины». Однако я приведу здесь только один из них. Это публикация в «Сентрал Ньюс», которая развеяла последние надежды самых ярых оптимистов. Появилась она 3 октября.

«Голуэй, 2 октября, 7:25 пополудни. Только что в гавань зашла рыбацкая барка «Гленмулет», ведя на буксире искореженные обломки судна. Все это не оставляет ни малейших сомнений в судьбе несчаст-

Эдвард Брюнтон. Молодожены

ной «Евангелины» и юной леди, что находилась на ее борту. Среди обломков — бушприт, носовая фигура и рама носового полуклюза с названием корабля. По их внешнему виду можно заключить, что яхта налетела на один из опасных рифов на северо-западном побережье, после чего эти и другие обломки унесло в открытое море. На полуклюзе обнаружен кусок злосчастного швартовочного троса, ставшего причиной катастрофы. Это крепкий канат из манильской пеньки, на котором ясно видно место разрыва — видно столь ясно, что можно предположить контакт с острым сколом камня или с лезвием ножа. Сегодня вечером несколько судов прошли вдоль всего побережья в надежде найти еще какие-нибудь следы кораблекрушения и сколь можно точно выяснить, что же случилось с молодой леди.

Однако с 21 сентября и по настоящее время не удалось выяснить ничего нового о судьбе «Евангелины» и находившейся на ее борту мисс Люси Форестер. Эти обломки представляют собой единственное свидетельство случившегося с ними, и в этом свете некоторые заявления прессы кажутся по меньшей мере невероятными. Например, как рыбак Джон Муллинс мог говорить, что видел на борту

мужчину, когда Ардвоу представляет собой необитаемый остров, а посему на борту не могло оказаться никого, кроме мисс Форестер? Ясно, что Муллинс или увидел не то судно, или мужчина ему просто померещился. Далее, в передовице «Скотсмена» утверждается, что предположение о том, что трос обрезали острым камнем или ножом, является абсурдным. В самом деле, на берегу Ардвоу нет камней, там ровный песчаный берег, и было бы нелепо предположить, что мисс Форестер, славившаяся столь же своим благоразумием, сколь и красотой, намеренно бы перерезала единственную нить, связующую ее с отцом, с возлюбленным и с жизнью вообще. «Было бы замечательно, — заключает «Скотсман», — если бы те, кто выражает свое мнение по этому вопросу, придерживались простых правил анализа фактов и свидетельств, изложенных Огюстом Дюпенем, героем Эдгара По, в одном из бессмертных творений писателя. Исключите невозможное, говорил Дюпен, и все остальное, сколь бы невероятным оно ни представлялось, и должно быть правдой. Поскольку невозможно, чтобы трос перетерся об острый камень или что его перерезала юная леди, и вдвойне невозможно, что его перерезал кто-то еще, то следует, что канат оборвался сам по себе — либо из-за некоего внутреннего дефекта, либо из-за каких-то прежних по-вреждений, которые он в свое время выдержал. Они мало-помалу привели его в негодность, после чего он и лопнул. Поэтому это трагическое происшествие, вокруг которого строится столько предположений и догадок, следует отнести к категории несчастных случаев, которые, как это ни прискорбно, нельзя ни предвидеть, ни предотвратить».

Существовала еще одна версия, которую я бегло изложу, прежде чем приступлю к собственному рассказу. Согласно ей, кто-то из матросов повздорил с мистером Шоулфилдом или с полковником Форестером и обрезал канат, желая отомстить. Эти измышления полностью беспочвенны, поскольку оба моряка отличались добрым характером и очень давно состояли на службе у семьи Шоулфилдов. Моя жена не устает повторять мне, что именно из-за своей природной лени я сижу с альбомом и переписываю оттуда старые газетные статьи. Это, безусловно, самый легкий способ рассказать мою историю. Однако наконец-то настало время решительно отложить в сторону пожелтевшие страницы и своими словами поведать вам, как все было на самом деле.

Меня зовут Джон Винсент Гиббс, я сын Натаниэля Гиббса, бывшего капитана одного из вест-индских полков. Мой отец был очень хорош собой, и ему удалось завоевать сердце мисс Леблан, унаследовавшей богатые плантации сахарного тростника в Демераре. После женитьбы отец обрел весьма изрядное состояние и, оставив военную службу, сделался плантатором. Я родился через год после свадьбы родителей, но моя мать скончалась от родильной горячки, а отец сделался столь неутешен после этой утраты, что очень быстро угас и сошел в могилу вслед за моей матушкой всего через несколько месяцев.

Поскольку я не знал своих родителей и вырос сиротой, да еще в тропиках, — все это, боюсь, оказало влияние на мой характер, в котором преобладали своеволие, упрямство и импульсивность.

Сразу же по достижении мной совершеннолетия я продал поместье и земельные владения, после чего вложил деньги в государственные облигации таким образом, чтобы обеспечить себе пожизненный доход в сумме в полторы тысячи фунтов ежемесячно. Затем я отправился в Европу, где долгое время вел рассеянный, если не сказать — богемный, образ жизни, переходя из университета в университет и изучая те предметы, которые занимали меня согласно моим капризам. Год я провел в Гейдельберге, занимаясь одновременно химией и метафизикой, а по возвращении в Лондон я впервые окунулся в светскую жизнь. Тогда я был молодым человеком двадцати четырех лет от роду, смуглым, темноволосым и темноглазым, разбивавшимся во всем на свете, но толком не владевшим ни одной из областей человеческого знания.

Именно тогда в Лондоне я впервые встретил Люси Форестер. Способно ли мое скромное перо хоть в малой степени описать ее красоту? Глаза мои никогда не видели и не увидят женщины более прекрасной. Ее лицо, голос, фигура, движения и жесты являлись частью одного редчайшего гармоничного целого. Достаточно сказать, что я влюбился в нее в первый же вечер, когда мы познакомились, и чувство это росло и крепло во мне до тех пор, пока не овладело всем моим существом.

Сначала мои ухаживания проходили весьма успешно. Я познакомился с ее отцом, пожилым военным, и стал частым гостем в их доме. Очень скоро я подметил, что главной чертой характера мисс Форестер была безграничная и трогательная привязанность к отцу. В соответствии с этим я пытался завоевать ее расположение своим донельзя почтительным и внимательным отношением к ее батюш-

ке. Мне удалось заинтересовать ее многими предметами, и мы очень сдружились. Наконец, я отважился заговорить с ней о любви и признался ей в охватившем меня чувстве. Полагаю, что говорил я столь пылко и страстно, что она испугалась и в какой-то степени даже отшатнулась от меня.

На следующий день я вернулся к этому разговору, на сей раз с большим успехом. Она призналась, что любит меня, но тотчас добавила, что у отца она единственная дочь и что ее долг — обеспечить отцу спокойную и размеренную жизнь на склоне лет. Ее личные чувства, добавила она, никогда не помешают ей исполнить эту священную обязанность. Для меня это не имело никакого значения. Сознание самого факта, что я ей дорог, привело меня в неопикуемый восторг. Что же до остального, то я готов был ждать.

В то время полковник благосклонно относился к моим ухаживаниям. Не подлежит сомнению, что светские сплетни и слухи многократно увеличили мое состояние, и у полковника сложилось превратное представление о моем положении в обществе. Как-то в разговоре я рассказал ему об истинном положении моих финансовых дел. Я заметил, что, слушая меня, он как-то странно переменялся в лице, и с той поры его поведение резко изменилось.

Так совпало, что в то же самое время молодой Шоулфилд, сын банкира, закончил Оксфорд и, познакомившись с Люси, стал оказывать ей повышенное внимание. Полковник Форестер сразу же всеми возможными способами стал поощрять его ухаживания, а я получил от него послание, в котором сухим и нарочито официальным тоном мне предлагалось во имя обоюдного блага не докучать им более своим присутствием.

Я все еще лелеял надежды, что Люси не станет участницей меркантильных интриг своего отца. Целыми днями я поджидал ее в местах, где она любила бывать, ища возможности поговорить с ней. Наконец, я встретил ее однажды утром в Сент-Джеймском парке. Она смотрела мне прямо в глаза с неопикуемой нежностью и тоской, но хотела молча пройти мимо. Кровь бросилась мне в голову, и я схватил ее за руку.

— Ты оставила меня, да? — воскликнул я. — У меня больше нет надежды.

— Тише, Джек, — урезонила меня она, поскольку мои возгласы могли привлечь внимание. — Я предупреждала тебя, что так и случится. Так хочет мой отец, и я должна подчиниться, чего бы это ни стоило. Пусти же меня и не старайся удержать.

— Так надежды нет?

— Ты скоро забудешь меня, — ответила она, — Перестань думать обо мне.

— Ага, ты такая же, как он! — в гневе вскричал я. — Это у тебя в глазах — только деньги, деньги, одни проклятые деньги!

Я тотчас же пожалел о сказанном, но тут она грустно удалилась, и я остался в полном одиночестве.

Я сел на скамейку и уронил голову на руки. Я был ошеломлен, поражен, раздавлен. За те десять минут мир для меня перевернулся вверх дном. Мимо меня проходили люди — они смеялись, шутили, сплетничали. Мне казалось, что я смотрю на них, на живых, глазами мертвеца. Я не испытывал ни интереса, ни сочувствия к их стремлениям, маленьким радостям и горестям.

— Я уйду прочь от этого людского стада, — сказал я вслух, вставая со скамейки. — Женщины лживы, мужчины глупы, а все вокруг — сплошная корысть, подлость, гнусность и низость.

Несчастливая любовь, к сожалению, превратила меня в циника, глупого и безрассудного. Впрочем, так случилось со многими до меня и со многими после.

Многие месяцы я путешествовал, изо всех сил стараясь новыми впечатлениями и ощущениями навсегда вытравить из памяти красивый, но лживый образ. В Венеции я услышал, что она помолвлена с молодым Шоулфилдом.

— У него куча денег, — сказал мне турист-соотечественник за обедом в отеле «Европа». — Для нее он прекрасная пара.

Для нее!

Вернувшись в Англию, я переезжал с места на место, стараясь избегать прежних друзей и знакомых и ведя замкнутый образ жизни. Примерно тогда мне в голову впервые пришла мысль отделиться от человечества в пространстве, так сказать, физически в той же мере, в коей мои мысли и чувства отличались от общепринятых взглядов стада. Мне кажется, что я от природы обладал меланхолическим темпераментом, и все мои невзгоды превратили меня в законченного мизантропа. Для меня, всегда жившего одиноко, без родителей, родственников и друзей, Люси была всем. И теперь, когда я лишился и ее, любое человеческое лицо вызывало у меня ненависть. Я пришел к заключению, что одиночество в пустыне куда лучше, чем одиночество в толпе. В каком-нибудь диком уголке я окажусь наедине с природой и продолжу свои занятия, не боясь быть потревоженным.

В то время когда я все больше укреплялся в своем решении, на память мне пришел островок Ардвоу, о котором, по странному стечению обстоятельств, мне как-то рассказал Шоулфилд в один из редких вечеров, когда нам вместе с ним довелось быть в доме Форестеров. Он рассказывал о его отдаленном и уединенном расположении и о красоте его природы, поскольку его отец владел землями на острове Скай, откуда он летом обычно совершал путешествия на яхте и во время одного из них посетил этот Ардвоу. Шоулфилд вскользь заметил, что зачастую туда годами не ступает нога человека, поскольку овец там не пасли из-за отсутствия травы, а для рыбаков остров не представлял никакого интереса. Вот это, подумал я, и есть самое подходящее для меня место.

Одержимый своей новой идеей, я отправился на Скай, а оттуда в Уист. Там я нанял рыбацкую барку у человека по имени Макдейрмид и вместе с ним и его сыном добрался до острова. Он выглядел в точности так, как я его себе представлял: хмурый и безлюдный, с огромными мрачными скалами, уходящими ввысь прямо из песчаного берега. По словам Макдейрмида, здесь некогда располагалась перевалочная база контрабандистов, откуда они доставляли свои грузы на побережье Шотландии. Он показал мне несколько «складских» пещер, одна из которых мне особенно приглянулась, так что я решил, что она и станет моим пристанищем. К ней вела запутанная не хуже лабиринта каменистая тропка, что защищало ее от вторжения извне. Внутри пещера оказалась достаточно просторной, а свет проникал в нее через скальный проем вверху, который в сырую погоду можно было чем-нибудь закрыть.

Моряк рассказал мне, что это место показывал ему еще его отец, но о нем ничего не знали те, кто изредка наведывался на остров. Неподалеку от пещеры был родник с пресной водой, а рыба в море ловилась в неограниченном количестве.

Я остался настолько доволен результатами своей экспедиции, что вернулся в Шотландию, полный решимости реализовать свой сумасбродный мизантропический план.

В Глазго я закупил большую часть предметов первой необходимости, которые я хотел взять с собой. В их число входили утепленный спальный мешок, наподобие тех, что используются в арктических широтах, набор вычислительных, геодезических и астрономических инструментов, обширная «походная» библиотека, включавшая все современные труды по химии и физике, двуствольное

ружье, рыболовные снасти, лампы, свечи, керосин и масло. В Обане и Сторновэе я приобрел два мешка картофеля, мешок муки и большой запас мясных консервов, а также переносную печку. Все это я перевез на барке Макдейрмида, взяв с него и его сына клятву хранить молчание, которую, насколько мне известно, они сдержали. Мы также доставили на остров стол, стул и запас бумаги, перьев и чернил.

Все это мы сложили в пещере, а затем я попросил Макдейрмида приезжать на остров первого числа каждого месяца или как можно скорее после него, если позволит погода, чтобы узнать, не нужно ли мне еще что-нибудь. Он обещал и, получив за свои услуги щедрое вознаграждение, отплыл восвояси, оставив меня на острове в полном одиночестве.

Меня охватило странное чувство, когда коричневый парус его лодки скрылся за горизонтом и передо мной остался лишь необъятный морской простор. Барка была последней нитью, связывавшей меня с остальным человечеством. Когда она исчезла, я вернулся в пещеру, осознавая то, что теперь никакие рукотворные видения или звуки не станут действовать мне на нервы. Впервые за много месяцев я почувствовал хоть какое-то удовлетворение. В печи ярко горел огонь, благо топлива для нее на острове было в избытке, а печная труба выводилась наружу сквозь проем вверху. Я сварил картошки и приготовил хороший ужин, после чего я читал и писал до самой темноты. Затем я залез в спальный мешок и крепко уснул.

Я рискую утомить читателей рассказами о своем житье-бытье на острове, хотя мелкие детали моего хозяйствования чрезвычайно интересуют мою обожаемую супругу, несмотря на то что с того времени прошло уже более десяти лет. Разумеется, я не стал полностью счастливым человеком. Надо признать, что временами я впадал в глубочайшее уныние и пребывал в нем долгие дни, будучи даже не в состоянии разжечь огонь и приготовить себе пищу. В подобных случаях я бесцельно бродил по берегу или по окрестным холмам до тех пор, пока с ног не валился от усталости. После этих приступов меланхолии я на некоторое время становился не то чтобы спокойным, а, скорее, апатичным. Иногда я посмеивался над своей жизнью анахорета и размышлял над тем, что если владелец острова — по моему разумению, он все-таки кому-то принадлежал — узнает о моем существовании, то как он поступит: то ли безжалостно прогонит меня прочь, то ли затребует арендную плату за мою маленькую пещеру.

Прошло три месяца. Это я знал по регулярным приездам моего верного моряка. Затем произошло событие, в корне изменившее всю мою жизнь и в конечном итоге послужившее причиной написания этого рассказа.

В тот день я обходил владения своего маленького «королевства» и вернулся в свое обиталище около четырех часов, после чего засел за книгу «Принципы политической экономии» Дэвида Рикардо, по которой я писал аналитическую статью. Я работал примерно три часа, и вскоре начало темнеть (стоял уже сентябрь), так что пора было заканчивать, как вдруг, к своему превеликому удивлению, я услышал человеческий голос. Сам Робинзон Крузо не смог бы испытать большего изумления, увидев след человеческой ноги. Первое, о чем я подумал, — какие-то непредвиденные обстоятельства заставили Макдейрида прибыть сюда раньше времени, и он зовет меня. Но после недолгого раздумья я понял, что слышанный мной голос резко отличался от грубоватого гэльского говора моряка. Пока я сидел с пером в руке, прислушиваясь и теряясь в догадках, с берега раздался взрыв смеха. Меня охватило какое-то иррациональное и безрассудное возмущение, что кто-то осмелился нарушить мой покой, так что я выскочил из пещеры и начал осматривать окрестности в поисках незваных гостей.

Внизу, в бухточке, стояла на якоре небольшая изящная яхта водоизмещением примерно в двадцать пять тонн. На берегу два ее пассажира — один молодой, второй постарше — пытались с помощью матроса поставить палатку. Они забивали колышки в песок и привязывали к ним веревки. От яхты отвалила небольшая шлюпка с гребцом на веслах и закутанной в плед женщиной. Когда шлюпка пристала к берегу, один из яхтсменов, тот, что помоложе, ринулся к ней и подал пассажирке руку, помогая ей сойти. Как только она стала в полный рост, я тотчас же узнал ее. Даже спустя десять лет я вновь охвачен бурей эмоций, которые испытал тогда, когда на заброшенном острове снова увидел женщину, которую любил больше всего на свете.

Сперва все это показалось мне настолько невероятным и необъяснимым, что я предположил, что она вместе с отцом и своим возлюбленным (к тому моменту я узнал и их) каким-то образом прослышали о моем местонахождении и явились сюда с целью оскорбить и унижить меня. Это первое, что пришло мне в голову. Мои мысли лихорадочно

метались в поисках какого-то логического объяснения. Однако беззаботность, с которой вся компания вела себя, убедила меня, что в их намерениях не было ничего дурного. Немного поразмыслив, я пришел к выводу, что в конечном итоге их прибытие сюда не являлось каким-то удивительным совпадением. Несомненно, Шоулфилд взял молодую леди и ее отца в поездку с целью навестить своих богатых друзей на острове Скай. Если это действительно так, то более чем естественно, что по пути они наведались на этот островок. К тому же я вспомнил, что в свое время рассказ Шоулфилда об этом уединенном уголке вызвал у Люси любопытство и неподдельный интерес. Теперь весь ход событий представлялся мне настолько логически обоснованным, что оставалось лишь удивляться, как я раньше до этого не додумался.

Палатку вскоре установили, и все трое в ней поужинали после того, как поставили еще одну, на сей раз поменьше, для двух матросов. Стало очевидно, что вся компания решила расположиться здесь на некоторое время.

С наступлением темноты я осторожно спустился к берегу и как можно ближе подобрался к их лагерю. Шоулфилд спел морскую песню, и после некоторых уговоров она тоже запела — грустную балладу, мою любимую еще со старых лондонских времен. Интересно, что бы она подумала, если бы увидела меня, небритого и растрепанного, прячущегося за камнями, словно дикий зверь? Меня охватила такая тоска, что я больше не мог этого вынести. Я вернулся в свою унылую пещеру с таким чувством, что все мои прежние раны вновь открылись.

Около десяти часов я увидел, как она, озаренная лунным светом, в одиночестве спустилась на берег, села в шлюпку, взялась за весла и направилась к яхте, где привязала лодку за кормой. Я вспомнил, что она всегда гордилась тем, что в море чувствует себя как дома. Теперь я точно знал, что она еще не замужем, и это вызвало во мне бурю радости и надежд.

Утром я видел, как она вернулась на берег, и вся компания позавтракала в палатке. После этого они весь день гуляли по острову и собирали ракушки, которые иногда выбрасывало на берег. Ко мне никто не приближался, поскольку путь к моей пещере преграждали беспорядочно нагроможденные камни и попасть туда мог лишь тот, кто знал о тропинке, причудливо вившейся среди крутых утесов. Я наблюдал, как она в задумчивости бродила по песку, и один раз она прошла прямо под моей крепостью. Лицо ее было бледным, и она

казалась еще более печальной, чем тогда, когда мы в последний раз виделись. А в остальном она почти не изменилась. Ей очень шел синий морской прогулочный костюм с белыми кружевами и позолоченными пуговицами. Странно, как в памяти сохраняются мелкие, на первый взгляд, незначительные детали!

Шел второй день их пребывания на острове, и к вечеру я обнаружил, что мой запас пресной воды подходит к концу, так что надо было идти к роднику. Он находился примерно в ста метрах от пещеры, к тому же недалеко от палатки. Я подумал, что под покровом темноты меня уж точно никто не заметит. Как только стемнело, я взял ведро и отправился к роднику. Выполнив свою миссию, я уже собрался возвращаться, когда совсем рядом услышал шаги и голоса двух мужчин. Я едва успел спрятаться за куст утесника, как они остановились буквально на расстоянии вытянутой руки от меня.

— Помочь вам! — сказал один из них, в ком я сразу узнал старика Форестера. — Дорогой мой, вы сами должны себе помочь. Вам надо набраться терпения и решимости. Когда я начал с ней разговор об этом деле, она сказала, что подчинилась мне в том, что перестала с ним общаться. Но когда я потребовал большего, она заявила, что я превышаю пределы власти, данной отцу над своей дочерью. Именно так она и выразилась.

— Вот никак не могу взять в толк, — раздраженно откликнулся другой. — Вы все время обнадеживаете меня, но на этом все и заканчивается. Она относится ко мне хорошо и даже дружелюбно, но не более того. Те, с кем я общаюсь в клубе, уже решили, что я с ней помолвлен. Да что там в клубе — все так думают!

— Не спешите, мой мальчик, помолвка вот-вот состоится, — ответил Форестер. — Дайте ей время.

— У нее из головы все не идет этот чернявый Гиббс, — прошипел Шоулфилд. — Полагаю, что этот субъект умер или сошел с ума, о чем я всегда предостерегал. Так или иначе, но он исчез с лица земли. Правда, для нее, кажется, это не имеет никакого значения.

— Тьфу ты! — фыркнул Форестер. — С глаз долой — из сердца вон, и рано или поздно это произойдет. На Скае вам представится уникальная возможность, так что не упустите свой шанс. Со своей стороны я обещаю давить на нее, насколько это будет в моих силах. А сейчас нам надо вернуться в палатку, иначе она подумает, что мы заблудились.

После этих слов они ушли, и вскоре их шаги стихли во мраке ночи. Я поднялся, словно во сне, и медленно понес ведро обратно в пещеру. Там я рухнул на стул и бессильно уронил голову на руки, раздираемый противоречивыми чувствами. Значит, она осталась верна мне. Значит, она никогда не была помолвлена с моим соперником. И тем не менее над ней, словно некое проклятие, продолжал довлеть давний запрет отца. Я не приблизился к ней ни на шаг. Но чего только стоит весь этот заговор, о котором я узнал по чистой случайности! Этот дьявольский сговор между меркантильным папашей и беспринципным ухажером! Должен ли я, способен ли я допустить, чтобы они сообща — один угрозами, другой — лестью и лживыми уговорами — достигли своей цели: заставить ее навсегда забыть меня? Никогда! Я брошусь к ее ногам и стану умолять выслушать меня. Я дам ей еще один шанс рассудить между ее отцом и мной. Разумеется, думал я, у меня, кто любит ее столь преданно и нежно, на нее больше прав, чем у корыстолюбивого старика, готового продать ее тому, кто больше предложит.

В то же мгновение мне пришла в голову мысль, что я смогу увезти ее от них, дабы поговорить с ней с глазу на глаз и все ей объяснить в более-менее спокойной обстановке, без какого-либо постороннего вмешательства. Подобный план мог придумать только человек с очень импульсивным характером. Я знал, что если она по какой-то причине покинет остров, второй такой возможности мне не представится. Осуществить задуманное мной можно было только одним способом, и я твердо решил, что поступаю именно так.

Всю ночь я ходил взад-вперед по пещере, обдумывая мельчайшие детали. Я бы начал действовать сразу же, не дожидаясь рассвета, но ночь выдалась исключительно темной, и все небо заволокло тучами. Никогда еще время не тянулось так томительно долго. Наконец, на горизонте показалась сероватая полоска зари. Я сунул в карман складной нож и все оставшиеся у меня деньги. Затем я крадучись спустился на берег на значительном расстоянии от спавшего лагеря и поплыл к яхте. Трап, по которому Люси вечером поднялась на судно, оказался не убраным, так что по нему я взобрался на борт. Двигаясь как можно тише, чтобы не разбудить ее, я немного распустил один из парусов, чтобы он мог набрать ветер, а затем, добравшись до носа, я перерезал толстый якорный канат. С минуту яхта дрейфовала, затем стала

слушаться руля, парус забрал ветер, и мы медленно двинулись в сторону Атлантического океана.

Прошу понять меня правильно. Я никоим образом не хотел с помощью силы ни изменить симпатии или антипатии молодой леди, ни заставить ее нарушить клятву, данную отцу. Для этого я слишком уважал свои принципы. Моей единственной целью являлось обрести возможность откровенно поговорить с ней, вполне вероятно, что в последний раз. Если бы я не знал, основываясь на словах ее ухажера, что она все еще любит меня, я бы отрубил себе правую руку с той же решимостью, с какой перерезал канат. Как бы то ни было, если бы мне удалось уговорить ее стать моей женой, мы смогли бы доплыть до Ирландии или вернуться в Обан, где обвенчались бы без церковного оглашения, прежде чем оставшиеся на Ардвоу сумели бы добраться до большой земли. Если же, с другой стороны, она бы раз и навсегда отказалась от меня, я бы исполнил свой долг и привел «Евангелину» обратно на остров, после чего стойко понес бы любое наказание, сколь бы суровым оно ни оказалось. Некоторые обвиняли меня в том, что благодаря именно моей персоне дама очутилась в столь компрометирующем ее положении. Но прежде чем судить, они должны поставить себя на мое место, когда выпадает единственная возможность сделать свою жизнь счастливой и осуществление этой возможности требует безотлагательных действий и быстрых решений. Моя дикая и примитивная жизнь на острове могли также в какой-то степени притупить во мне чувство уважения ко всевозможным условностям цивилизации.

Когда яхта медленно плыла в открытое море, я услышал, как вдали раздались громкие крики, и увидел Форестера, Шоулфилда и двух матросов, неистово метавшихся по берегу. Я изо всех сил старался остаться незамеченным. Чуть позже Шоулфилд и один из моряков ринулись в воду, но, проплыв совсем немного, безнадежно отстали, поскольку ветер крепчал, и даже на слегка распушенном парусе мы давали не меньше пяти узлов. Все это время мисс Форестер спала мирным сном и не ведала о том, что яхта вышла в море, потому что качка была незначительной, как если бы судно стояло на якоре.

3

Стоянка располагалась в южной части острова, и когда ветер установился, мы двинулись прямо в Атлантический океан. Я по-

ка не ставил никаких парусов, потому что это сразу бы заметили с берега. Мне хотелось создать у них впечатление, что яхта случайно сорвалась с якоря и начала дрейфовать сама по себе, поскольку тогда, когда им удастся связаться с большой землей, они бы пошли по ложному следу. Однако спустя три часа, когда остров превратился в маленькую точку на горизонте, я поднял грот и кливер.

Я усердно подтягивал фалы, когда мисс Форестер в своем морском костюме вышла из каюты и поднялась на палубу. Я никогда не забуду выражения полнейшего изумления на ее прекрасном лице, когда она поняла, что находится в открытом море, да еще с таким диковатого вида спутником. Сперва она посмотрела на меня с ужасом и удивлением. И вправду, я со своими отросшими волосами, бородой и рваной одеждой не внушал особого доверия.

Не успел я открыть рот, чтобы сказать ей хоть слово, как она узнала меня и, кажется, начала понимать, что же произошло.

— Мистер Гиббс! — вскрикнула она — Джек, что ты наделал?! Ты увез меня с Ардвоу! Сейчас же верни меня обратно! Что станет с моим бедным отцом?

— Ничего ему не сделается, — ответил я. — Не так уж он о тебе и беспокоится и вряд ли станет возражать, чтобы немножко от тебя отдохнуть.

Некоторое время она молчала, прислонившись к перилам сходного трапа, стараясь собраться с мыслями.

— Ничего не понимаю, — произнесла она наконец. — Как ты здесь оказался и почему мы в море? Чего ты хочешь, Джек? Что ты думаешь делать дальше?

— Цель у меня одна, — начал я дрожащим голосом, приближаясь к ней, — Я хотел получить возможность поговорить с тобой наедине, без свидетелей. От этого зависит моя жизнь. Вот почему я так поступил. Я всего лишь прошу тебя ответить на один-два вопроса и обещаю сделать все так, как ты пожелаешь. Хорошо?

— Да, — несмело сказала она. — Хорошо.

Она смотрела себе под ноги, чтобы не встретиться со мной взглядом.

— Ты любишь этого Шоулфилда? — спросил я.

— Нет, — твердо ответила она.

— Ты когда-нибудь выйдешь за него?

— Нет.

— Послушай, Люси, — проговорил я, — умоляю тебя, ответь мне честно, без опаски, поскольку от этого зависит счастье нас обоих. Ты все еще любишь меня?

Она промолчала, но когда подняла голову, я прочел ответ в ее глазах. Мое сердце переполнилось радостью.

— Тогда, ангел мой, — воскликнул я, взяв ее за ладонь, — если мы любим друг друга, кто может стать между нами? Кто осмелится разлучить нас?

Она не ответила, но и не попыталась вырвать руку.

— Уж только не твой отец, — с жаром продолжал я. — Он не властен над тобой, и у него нет на тебя никаких прав. Ты прекрасно знаешь, что если завтра появится кто-нибудь богаче Шоулфилда, он станет заставлять тебя мило улыбаться ему, нисколько не задумываясь о твоих чувствах. В подобных обстоятельствах у тебя нет никаких причин сохранять ему преданность, если для этого из чисто корыстных побуждений ты должна отдать себя тому, кого в душе ненавидишь.

— Да, ты прав, Джек, — промолвила она тихо, но очень твердо. — Прости, что я с тобой так обошлась тогда, в Сент-Джеймском парке. С тех пор я не раз горько жалела об этом. И все же я любой ценой должна была хранить верность отцу, если бы он вел себя так же. Увы, это не так. Хотя он знает о моей неприязни к мистеру Шоулфилду, он постоянно пытался свести нас вместе во время этой прогулки на яхте, что с самого начала вызывало у меня отвращение.

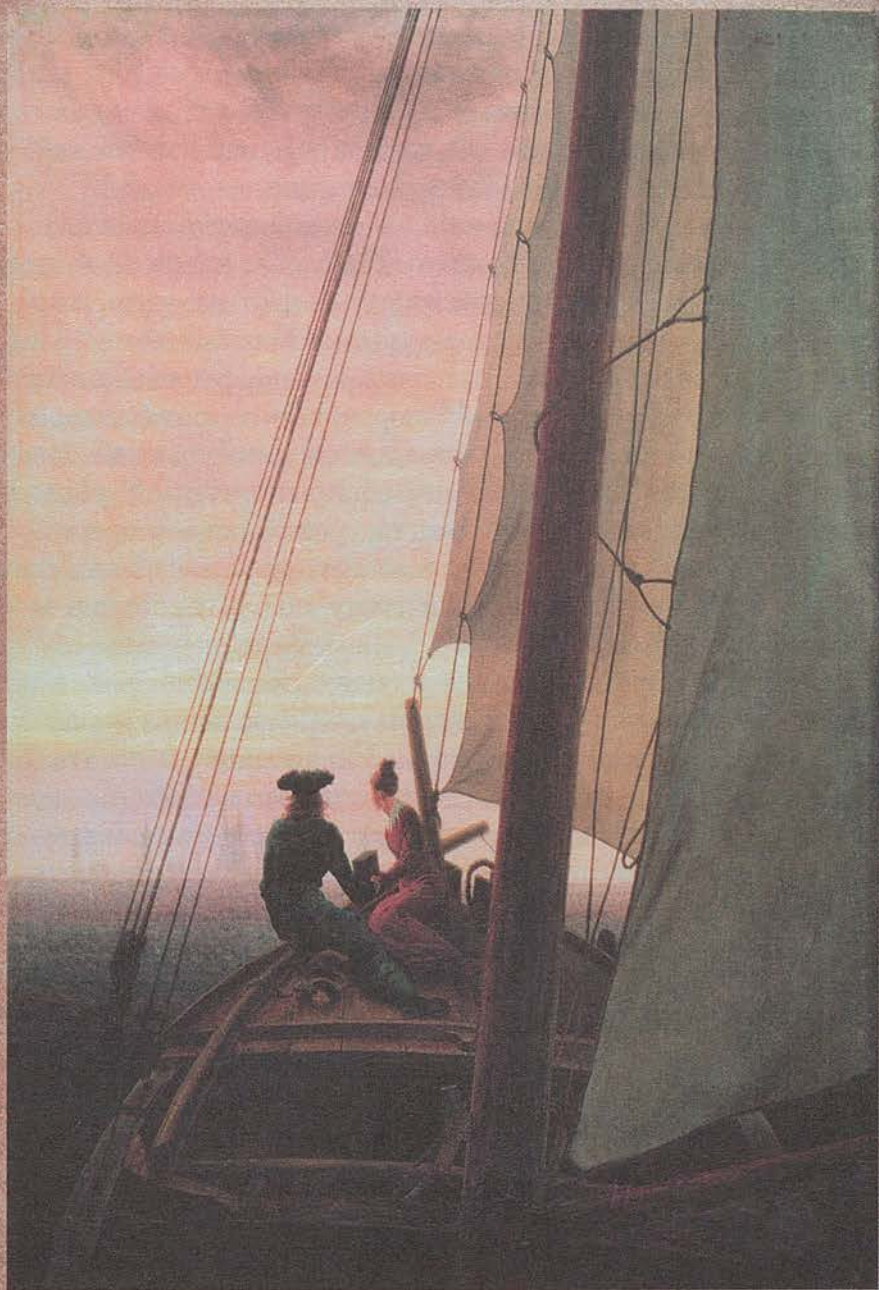
Она повернулась ко мне и продолжала:

— Джек, ты остался мне верен, несмотря ни на что. Если ты еще любишь меня, то с этой минуты я принадлежу тебе, одному тебе и навсегда. Отныне я не в их власти.

И вот, в этот счастливый момент судьба, наконец, вознаградила меня за долгие месяцы, проведенные в нескончаемой тоске и боли. Мы долгие часы сидели и говорили о нас, о наших мыслях и чувствах, о том, что происходило с нами с момента нашего грустного расставания, а тем временем яхта плыла по воле волн, и паруса бились о перекладины над нашими головами. Наконец, я рассказал, как доплыл до «Евангелины» и перерезал канат.

— Но Джек! — воскликнула она. — Теперь ты пират и пойдешь под суд за угон судна.

— Пусть делают что хотят! — дерзко ответил я. — Я угнал яхту, а обрел тебя.

Каспар Давид Фридрих. На паруснике

— Но что же ты собираешься делать дальше? — поинтересовалась она.

Мы отправимся на север Ирландии, — сказал я. — Потом я вверю тебя заботам какой-нибудь почтенной женщины, пока мы не получим разрешение на венчание и сможем действовать без оглядки на твоего отца. Я отошлю «Евангелину» обратно на Ардвоу или в Скай. Так, боюсь, что поднимается ветер. Тебе не страшно, дорогая?

— С тобой мне не страшно ничего, — спокойно ответила она.

Погода не сулила ничего хорошего. На западе все небо заволокло огромными темными тучами, наплывавшими друг на друга, с красноватой каймой по краям, что предвещало шквальный ветер. Первые порывы уже донеслись до нас, раскачивая наше суденышко так, что оно кренилось до уровня воды. Поворачивать к шотландскому берегу было уже поздно, так что наш единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы каким-то чудом обогнать шторм. Я убрал топсель и бомквивер, а также отдал риф на гроте. Затем я привязал все движущиеся предметы на случай, если мы вдруг зачерпнем бортом воду. Я попросил Люси спуститься в каюту, но она отказалась и осталась рядом со мной.

В течение дня порывистый ветер сменился шквальным, а потом разразилась настоящая буря. Наступила черная, непроглядная ночь, а нас уносило все дальше в океан. «Евангелина» перекачивалась с волны на волну, словно пробка, так что воды мы на борт почти не набрали. Пару раз в разрывах стремительно несшихся туч показывалась луна. В эти мгновения нашему взору представала огромная черная бушующая водная стихия, простиравшаяся до самого горизонта. Пока Люси держала румпель, мне удалось добраться до каюты и принести оттуда немного еды и воды, после чего мы наскоро перекусили. Все мои уговоры и увещевания спуститься вниз были тщетны — она твердо решила остаться со мной на палубе.

На рассвете ветер еще больше усилился и поднимал такие волны, что они вздымались выше мачты. Яхту болтало под убранными парусами, мы то взмывали на гребни валов, повсюду видя ревущее море без конца и края, то скатывались во впадины, откуда, казалось, мы больше не выберемся. По моим грубым подсчетам нас вынесло почти к северному побережью Ирландии. Было бы полным безумием в такую погоду направляться к незнакомому и опасному берегу, но я взял курс на пару градусов к югу, чтобы нас не унесло прочь от западного берега, если мы уже прошли Мэлинхед. Утром Люси показалось, что она видела очертания рыбацкой лодки, но точно мы этого

утверждать не могли, поскольку стоял густой туман. Скорее всего, это была лодка того самого Муллинса, который вроде бы разглядел нас лучше, чем мы его.

Весь второй день мы продолжали держать курс на юго-запад. Туман усилился настолько, что с кормы мы едва видели бушприт. Наше суденышко показало великолепные мореходные качества. Мы уже смирились со своим положением и настолько уверовали в его надежность, что и думать забыли о том, что нас где-то может подстерегать опасность, тем более что ветер и шторм стали понемногу стихать. Мы даже хотели поздравить друг друга с тем, что выбрались из этой передраги, как тут нас неожиданно постигла ужасная катастрофа.

Часов около семи вечера я спустился поискать в рундуке чего-нибудь съестного, как вдруг услышал сверху изумленный крик Люси. Я мигом ринулся на палубу и увидел, что она стоит у румпеля и напряженно всматривается в туман.

— Джек! — крикнула она. — Я слышала голоса. Здесь рядом кто-то есть.

— Голоса? — не поверил я. — Это невозможно. Если бы мы были у берега, мы бы слышали шум прибоя.

— Тсс, — прошептала она. — Послушай сам.

Мы стояли, изо всех сил напрягая слух, как вдруг впереди по правому борту на нас из тумана стремительно двинулся длинный ряд римских цифр, над которыми как бы парила огромная женская фигура. Времени на раздумья или реакцию уже не оставалось. Над нами навис темный силуэт, паруса наши опали, а затем выплывший из туманной мглы огромный корабль обрушился на нас, как хищник набрасывается на жертву. Инстинктивно я успел схватить висевший на румпеле спасательный пояс, одел его на Люси и, схватив ее за талию, вместе с ней прыгнул в воду.

Очень трудно описывать то, что происходило дальше. В подобных ситуациях полностью теряешь чувство времени. Возможно, минуты, а возможно — и долгие часы я плыл рядом с Люси, как только можно подбадривая ее, уговаривая положитьсь на спасательный пояс и не тратить силы. Она выполняла все мои указания и держалась очень стойко. Всякий раз, когда нас поднимало на гребень волны, я оглядывался в поисках нашего погубителя, но тщетно. Мы оба кричали, взывая о помощи, но ответом нам был лишь рев ветра. Я плавал хорошо, но намокшая одежда стесняла движения и тянула вниз,

так что силы стали понемногу оставлять меня. Я оставался рядом с Люси, и она заметила, что я слабею.

— Держись за пояс, дорогая, что бы ни случилось, — проговорил я.

Она повернула ко мне свое прекрасное лицо.

— Если ты меня покинешь, я его сдержу.

Нас снова вынесло на гребень волны, и я оглянулся. Ничего не видно. Но чу! Что это? Я услышал какой-то режущий ухо, лязгающий звук, отличавшийся от плеска волн. Да — скрип весел в уключинах. Мы еще раз крикнули «Помогите!». Нам ответило раскатистое «Эгей!», и следующее, что мы помним, когда пришли в себя, — мы лежим в теплых и удобных подвесных койках, а вокруг — добрые и заботливые лица. Мы оба были без чувств, когда нас поднимали на борт.

Нас подобрал большой норвежский барк «Фрейя» водоизмещением в пятьсот тонн, пять дней тому назад вышедший из Бергена и направлявшийся в Аделаиду на берегах Австралии. Ничто не могло сравниться с тем радушием, с которым капитан Торбьорн и команда судна отнесли к двум несчастным, выловленным из бурных вод Атлантики. Впередсмотрящий заметил нас, но отворачивать было слишком поздно. Они сразу же спустили шлюпку, которая после тщетных поисков совсем уже собралась возвращаться, как вдруг там услышали наш последний слабый крик о помощи.

Находившаяся на борту супруга капитана тотчас же взяла мою дорогую спутницу под свое крыло. Мы быстро и без приключений добрались до Аделаиды, где впоследствии обвенчались в присутствии госпожи Торбьорн и всех офицеров «Фрейи».

После свадьбы мы отправились в провинцию и купили там большую ферму, где по сей день живем в счастье и достатке. Вскоре через подставных лиц фирме Шоулфилда была перечислена сумма, полностью покрывавшая стоимость «Евангелины».

Весьма скоро из доставленных в Австралию британских газет мы узнали о смерти полковника Форестера, скончавшегося от черепно мозговой травмы, полученной при падении с лестницы в одной из гостиниц Глазго. Люси ужасно горевала, но новые знакомства и повседневные заботы помогли ей пережить эту утрату.

С тех пор нас ничто не связывает с Англией, и мы не помышляем о возвращении на родину. Мы читаем английскую прессу и время от времени от души веселимся, заметив случайное упоминание о яхте «Евангелина» и о печальной судьбе молодой леди, пропавшей вместе

с ней. Мое краткое описание реальных событий может заинтересовать тех немногих, кто еще не забыл эту давнюю историю, а также тех, кто незнаком со всеми обстоятельствами этого дела и хотел бы узнать о том, что когда-то в действительности произошло на островке Ардвоу у берегов Шотландии.

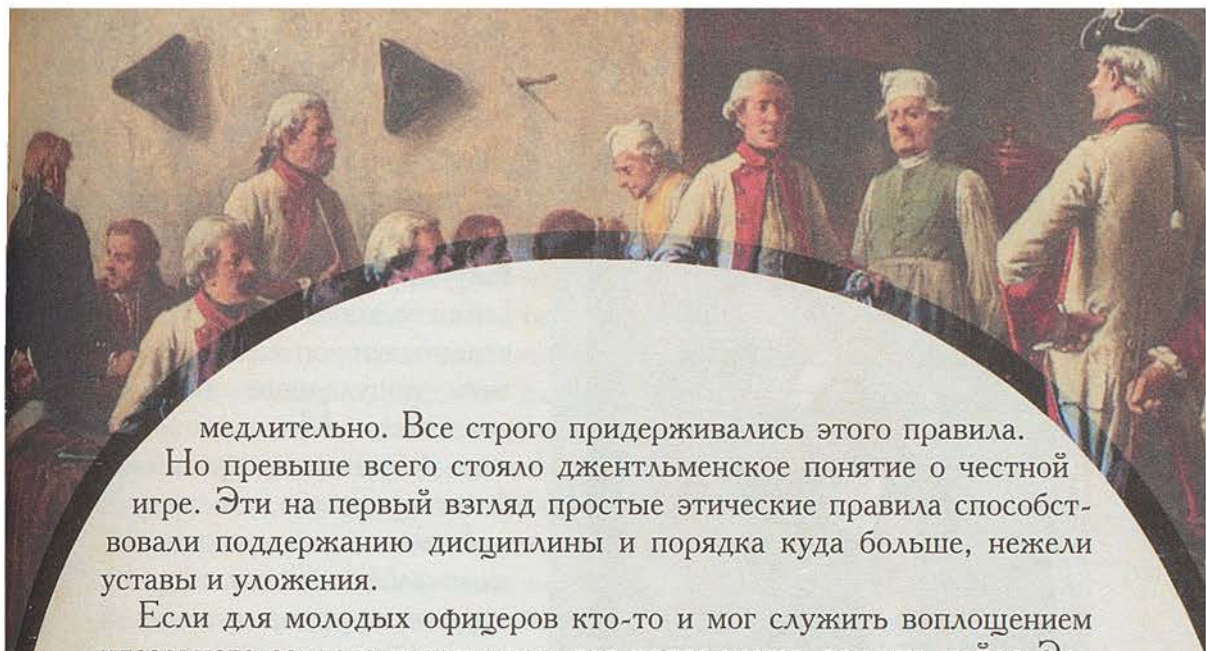

СКАНДАЛ В ПОЛКУ

То давнее происшествие, случившееся в нашем полку, было весьма деликатного свойства. Мне кажется, что те из нас, кто в той или иной мере оказался причастен к нему, вряд ли когда-нибудь об этом забудут, даже если б они того и захотели. Правила общения между офицерами не были столь строгими в отличие от царившей в Третьем драгунском полку железной дисциплины, и коль скоро любой из нас числился на хорошем счету и хотел служить, то личные отношения он мог выстраивать более-менее по своему усмотрению. Но иногда случалось такое, что выводило из себя даже нашего полковника, слывшего заядлым игроком: он приходил в ярость, стоило ему узнать, что на кого-то пало подозрение в жульничестве за карточным столом.

Позвольте кратко описать наших офицеров. Они с той же легкостью относились к десяти заповедям, с какой прошли сквозь кинжальный огонь пушек под Кассасином. Как люди военные, они посылали на смерть других и убивали сами, попирая тем самым заповедь «не убий». Но гораздо выше полузабытых библейских наставлений стоял неписанный кодекс чести. Соблюдался он строго и неукоснительно, и горе тому, кто осмеливался пренебречь им. Все долги, касавшиеся проигрыша в карты или по пари, должны были выплачиваться неза-

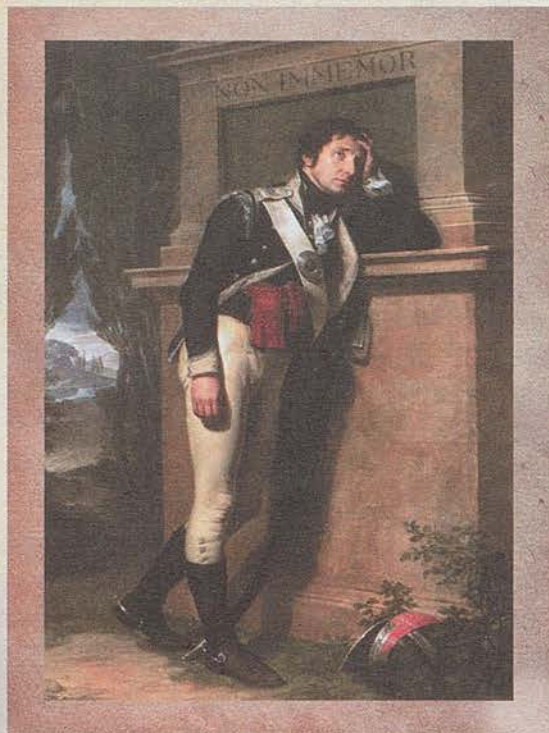

медлительно. Все строго придерживались этого правила. Но превыше всего стояло джентльменское понятие о честной игре. Эти на первый взгляд простые этические правила способствовали поддержанию дисциплины и порядка куда больше, нежели уставы и уложения.

Если для молодых офицеров кто-то и мог служить воплощением идеального солдата и примером для подражания, так это майор Эррингтон. Он был старше полковника и за свою долгую службу успел дважды побывать военным корреспондентом и даже военным атташе. За это время он получил ранения из «бердана» и «манлихера», которые были куда страшнее индийских «джезелей» или египетских «ремингтонов». Все мы прошли Египетскую и Суданскую кампании, но когда после ужина он частенько начинал предаваться воспоминаниям вроде «помню, как только генерал Гурко пересек Балканские горы» или «ехал я рядом с принцем Фридрихом Карлом Прусским за пару дней до битвы при Гравелоте...», то мы всякий раз чувствовали себя пигмеями по сравнению с ним. Ведь нам оставалось похвастаться лишь пленными африканцами и пуштунами, и мы всей душой жаждали заменить все Министерство иностранных дел комитетом из младших офицеров драгунского полка, дабы Британия проводила более энергичную внешнюю политику.

При всем этом наш старейший служака оставался скромным, тактичным и отзывчивым человеком. Это было его единственным недостатком как командира. Он храбро сражался, очень многих превосходя своей доблестью, однако не проявлял строгости и суровости по отношению к подчиненным. Каким бы тяжким ни был проступок представшего перед ним нарушителя устава и как бы грозно и решительно наш майор ни хмурил брови, глаза его лучились такой теплотой и добротой, что даже пьяный дезертир чувствовал, что перед ним не разъяренный начальник, а, скорее, старший брат или отец. Будучи самым богатым человеком в полку и обладая немалым состоянием, майор, тем не менее, жил очень скромно. Кое-кто называл его скрягой, но большинство из нас считало это еще одним проявлением его глубокого

Хью Гамильтон. Портрет офицера

и извиниться, Джонс» или «В сложившихся обстоятельствах ваше поведение вполне оправданно, Холл». Мы всегда следовали его наставлениям, и всякий раз дела решались ко всеобщему удовлетворению. Если бы нам сказали, что все полковые лошади захромали одновременно или что капеллан пригласил на чай старшину, известного безбожника, мы бы удивились куда меньше, чем если бы до нас дошел слух о том, что майор Эррингтон замешан в чем-то постыдном и бесчестном.

Все произошло следующим образом. Начну с того, что наш полковник был прирожденным игроком. Скачки, карты, кости — все равно, главное — азарт. Выигрывал ли он или проигрывал, держал ли пари за или против, но играл он всегда. Все шло хорошо, пока он ставил по шиллингу за очко и по полкроны за роббер в висте, даже когда по мелочи залезал в полковую казну. Но когда он подписался на акции одной американской железнодорожной компании и вложил все свои средства в семипроцентные облигации, продававшиеся по шестьдесят два фунта за штуку, он ввязался в игру,

такта, поскольку он опасался, что, живя на широкую ногу, он невольно заставил бы других почувствовать себя бедняками. Неудивительно, что он сделался самым популярным в полку человеком. Мы, молоденькие лейтенанты, буквально боготворили его, и именно к нему мы шли со своими размолвками, мелкими ссорами и прочими недоразумениями в надежде получить ненавязчивый мудрый совет для их разрешения. Он терпеливо выслушивал нас, сидя в кресле и задумчиво глядя в потолок, покуривая свою манильскую сигару, и потом коротко изрекал нечто вроде «Я считаю, что вам следует взять свои слова обратно

где выигрывает только банк, а маклер сидит близ Уолл-стрита. Было бесполезно убеждать старика в том, что по сравнению с этим «предприятием» рулетка в Монте-Карло — надежнейший способ умножить семейные сбережения. Он упрямо стоял на своем, пока не случилось неизбежное. На железную дорогу наложил лапу какой-то магнат, в конечном итоге выкупивший ее, а наш полковник едва не оказался в суде по делам о несостоятельности. Неделю за неделей он ждал повестки о вызове и подаче документов. Он, разумеется, хранил гробовое молчание, ибо распространяться о своих неудачах ему не позволяла гордость, но по утрам его глаза как-то странно слезились, да и мундир сидел на нем совсем не так щеголевато, как раньше. Мы, конечно, все очень сочувствовали нашему бедняге-командиру, но еще больше мы жалели его дочь Виолетту. Мы все поголовно были влюблены в Виолетту Лоуэлл, так что ее горе стало общим несчастьем нашего полка. Она была не то чтобы красавица, но вся такая светлая, яркая и веселая, словно сама весна, очень добрая, милая и приветливая — словом, для нас она представляла собой идеал женщины. Она принадлежала к такому типу девушек, после знакомства с которыми как-то уже не думаешь, симпатичные они или нет. Знаешь одно — тебе приятно быть с ней рядом, видеть ее счастливое лицо, слышать ее голос. И ты понимаешь, что само ее присутствие делает жизнь веселей и прекрасней. Именно так все мы относились к Виолетте — от старого вояки майора Эррингтона до только что прибывшего молоденького лейтенанта, чей еще ни разу не открытый бритвенный прибор красовался на его туалетном столике. Когда ее милое личико омрачилось из-за финансовых неудач отца, мы все тоже погрустнели и пребывали в мрачном расположении духа, из которого нас не могли вывести даже роскошные обеды в ресторане «Дойц и Гульдерман».

Больше всего эта история с акциями потрясла майора. По-моему, он воспринял все происшедшее куда острее, чем сам полковник, поскольку именно он приложил все силы и использовал всю свою логику и красноречие, чтобы убедить командира не покупать эти проклятые облигации. Они с полковником дружили с незапамятных времен, и майор лучше других знал, что позор банкротства явится для старика смертельным ударом. Но куда больше его заботила дочь нашего командира. Никто из нас не знал, насколько далеко простирались его забота и нежное к ней отношение, поскольку майор слыл замкнутым и немногословным человеком и, как истый англичанин, скрывал свои

чувства так тщательно, словно это были ужасные пороки. И все же, несмотря на все его усилия, нам удалось приподнять завесу, скрывавшую его сердечные тайны, — стоило лишь внимательно проследить за взглядом его серых глаз, чтобы убедиться, что ему очень нравится наша Виолетта.

После ужина полковник удалялся в свои комнаты и приглашал в гости всех желающих. Майор Эррингтон всегда принимал приглашение, и они с полковником пару часов играли в экарте. Остальные же составляли вист на четверых или просто курили и наблюдали за игрой. А посмотреть действительно было на что. Полковник слыл одним из лучших игроков, и оба они показывали высший класс, поскольку делали высокие ставки. Несмотря на грозившее ему банкротство, наш командир, разумеется, горел желанием поставить на карту все.

Но в поведении Эррингтона мы заметили что-то новое и необычное. В свое время он вообще отказывался играть на деньги. Теперь же он смело рисковал при первой же возможности, временами казалось даже, что он провоцирует оппонента повысить ставку. Играл он с видом человека, полностью поглощенного происходившим за карточным столом, поглощенного настолько, что он вольно или невольно совершал ошибки. Он очень сильно волновался и был словно сам не свой. Несколько раз он сыграл уж совсем из рук вон плохо. Но в целом ему продолжало везти, и он выигрывал. Нам было невыносимо больно видеть, как наш старик, только что перенесший тяжелый удар судьбы, беззаботно проигрывает деньги, в которых он так нуждается, самому богатому человеку в полку. Тем не менее майор оставался в наших глазах олицетворением чести, и если он так себя вел, значит, тому была какая-то очень веская причина.

Однако один из младших офицеров позволил себе усомниться в этом. Молодой, невысокого роста лейтенант Петеркин только что прибыл в полк, но уже успел проявить свой острый, пронизательный ум, весьма причудливо сочетавшийся с практичностью и сметкой издавшего виды скакового жучка. Свою первую ставку он сделал в девять лет, в десять — победил в заезде, а в тринадцать стал владельцем скакуна-фаворита, так что к нам он попал столь же пресыщенным и вместе с тем сообразительным и практичным, как и остальные младшие офицеры. Он обладал смелостью, предприимчивостью и веселым характером, так что все мы хорошо с ним ладили, пока он не осмелился высказать первые робкие подозрения в адрес майора.

Произошло это однажды утром в бильярдной, где нас было шестеро — пятеро лейтенантов и капитан Остин. Они с Петеркиным гоняли шары, а мы подбадривали их, устроившись по углам. Внезапно Остин с грохотом швырнул кий в угол стола.

— Вы жалкий лжец, Петеркин, — произнес он, не повышая голоса.

Это сразу нас заинтересовало, поскольку мы не слышали начала разговора. Оставив свои «посты», мы с интересом воззрились на них. Петеркин, как ни в чем не бывало, тщательно натирал мелом свой кий.

— Вы еще пожалеете о своих словах, капитан Остин, — невозмутимо ответил он.

— Неужели?

— Да, и вам придется извиниться передо мной.

— И вправду?

— Попрошу вас об одном — нынче вечером самому убедиться в том, о чем я вам рассказал. Завтра все мы соберемся здесь в это же время, и вы выскажете присутствующим здесь господам офицерам свое мнение.

— Они не имеют к этому никакого отношения.

— Попрошу меня простить, капитан Остин, но они к этому имеют самое прямое отношение. Несколько минут назад в их присутствии вы нанесли мне оскорбление, и принести мне свои извинения за него вы должны также в их присутствии. Я расскажу им, в чем состоит суть дела, а затем...

— Ни единого слова! — гневно вскричал Остин. — Не смейте повторять эту чудовищную клевету!

— Как вам будет угодно, но в таком случае вам придется принять мои условия.

— Ну, хорошо, я так и сделаю. Вечером я лично прослежу за всеми движениями, и завтра мы встретимся вновь на этом самом месте. Однако осмелюсь предупредить вас, мой юный Петеркин, что когда я сделаю ваши беспочвенные обвинения достоянием гласности, вы и часа не останетесь в нашем полку!

Весь пылая яростью, Остин торжественно удалился из бильярдной, в то время как Петеркин лишь усмехнулся и начал отрабатывать косо́й удар, никак не отвечая на наши многочисленные вопросы касательно сути дела.

На следующий день в назначенный час мы все собрались в бильярдной. Петеркин не произнес ни слова, лишь в глазах его на

мгновение промелькнул огонек, когда вошел Остин. На лице его царило донельзя удрученное выражение.

— Ну что ж, — произнес он упавшим голосом. — Если бы я не видел этого собственными глазами, я бы никогда в жизни не поверил, что это возможно. Петеркин, я приношу вам свои извинения. Вы оказались правы. Боже мой, подумать только, что офицер нашего полка мог столь низко пасть!

— Это позор, иначе не скажешь, — ответил Петеркин. — Я сам заметил это по чистой случайности.

— И хорошо, что так. Мы обязаны придать это широкой огласке.

— Если дело касается чести кого-либо из господ офицеров, лучше всего было бы сперва узнать мнение майора Эррингтона на этот счет, — предложил Хартридж.

Остин лишь горько рассмеялся.

— Теперь вам уже можно все рассказать, — начал он. — Довольно тайн. Как вам, должно быть, известно, майор Эррингтон играет с полковником в экарте по высоким ставкам. Два вечера подряд он был замечен в том, что прячет карты, дабы усилить свою позицию после каждой сдачи. Свидетелями этому стали сначала Петеркин, а затем я. Да-да, можете возражать что угодно, но я со всей ответственностью заявляю, что видел это собственными глазами. Вы же знаете, что наш полковник весьма близорук. Эррингтон проделывал свои трюки, почти не скрываясь, когда ему казалось, что за ним никто не наблюдает. Я расскажу обо всем этом полковнику, ибо считаю это своим долгом.

— Нам всем надо заглянуть «на огонек» к командиру нынче вечером, — предложил Петеркин, — но не садиться близко к столу, а осторожно наблюдать издали. Шестерых свидетелей будет более чем достаточно.

— Даже шестьдесят очевидцев не заставят меня поверить в это! — горячо воскликнул Хартридж.

Остин пожал плечами.

— Ну, полагаю, что глазам-то своим вы доверяете. В высшей степени неэтично, чтобы несколько лейтенантов выдвигали столь серьезные обвинения в адрес старшего офицера, имеющего за плечами двадцать лет беспорочной службы. Это грубейшее нарушение субординации. Однако мы обязаны предупредить полковника, а дальше он вправе поступить как сочтет лучшим. Все эти игры слишком затянулись, и сегодня им надо положить конец раз и навсегда.

Итак, в тот вечер все мы собрались в гостиной полковника. Карточный столик выдвинули на середину, и партнеры, как обычно, сели за партию в экарте. Мы расположились у камина и внимательно наблюдали за играющими. На лице полковника выступил нездоровый румянец, а его коротко стриженные волосы стояли торчком, что выдавало в нем признаки гнева. Остин также выглядел раздраженным. Нам стало ясно, что он все рассказал полковнику, который воспринял известие, мягко сказать, не слишком благосклонно.

— Какие нынче ставки? — спросил майор.

— Фунт за партию, как и прежде.

— А как насчет фунта за взятку? — предложил Эррингтон.

— Очень хорошо. Фунт за взятку.

Полковник надел пенсне и смерил своего противника острым вопрошающим взглядом. Майор перемешал колоду и предложил полковнику снять ее перед сдачей.

Первые три партии прошли почти на равных. У майора карты были лучше, но полковник играл тоньше и изощреннее. Перед четвертой партией снова сдавал майор, и когда он положил колоду на стол, он растопырил локти таким образом, что я перестал видеть его руки. Остин легонько ткнул своего соседа локтем, и все мы вытянули шеи. Затем последовал быстрый взмах руки над колодой, и Петеркин едва заметно улыбнулся.

Полковник пошел с валета, и майор побил его дамой. Когда он протянул руку, чтобы принять взятку, полковник вдруг вскочил со стула, изрыгая проклятия.

— Поднимите-ка рукав, сэръ! — в ярости вскричал он. — Черт поberi, у вас же под ним карта!

Майор тоже вскочил на ноги, опрокинув стул. Мы стали потихоньку обступать противников, но ни один из них не обратил на нас ни малейшего внимания. Полковник наклонился вперед и своим пухлым красным пальцем указал на карту, лежавшую на столе рубашкой вверх. Майор стоял спокойно, полностью владея собой, но заметно побледнел.

— Я заметил, что там лежала карта, — произнес он. — Но вы же тем самым не подразумеваете, что...

Полковник с грохотом ударил ладонью по столу.

— Это уже не в первый раз! — рявкнул он.

— Не хотите ли вы сказать, что я добивался выигрыша обманным путем?

— Но я же заметил, как вы скинули карту из колоды, я видел это собственными глазами.

— Я полагал, что за двадцать лет совместной службы вы должны были знать меня куда лучше, нежели мне кажется, — спокойно ответил Эррингтон, — Позвольте заявить, что, принимая во внимание все мной сказанное, вам не следовало бы спешить с необоснованными выводами. Честь имею откланяться, сэр.

Он холодно и церемонно поклонился и вышел из комнаты.

Не успела за ним закрыться дверь, как приоткрылась тяжелая занавесь в дальнем углу гостиной, и мисс Лоуэлл вышла из своего небольшого закутка, где она варила нам кофе. На нас она не обратила ни малейшего внимания, а направилась прямо к отцу.

— Папа, извини, но я все слышала, — сказала она. — Я уверена, что ты его жестоко обидел.

— Я его нисколько не обидел. Капитан Остин, вы сами все видели. Думаю, вы меня полностью поддержите.

— Так точно, сэр, я видел все от начала до конца. Я не только заметил, что он взял другую карту, но и запомнил ту, которую он сбросил. Вот она.

Он наклонился и открыл верхнюю карту.

— Вот эту?! — вскричал полковник. — Но это же козырной король!

— Именно так.

— Но кто, находясь в здравом уме, будет сбрасывать такой козырь? Так, а что же он взял взамен?

Полковник перевернул другую карту. Это оказалась восьмерка. Он присвистнул и в недоумении провел рукой по волосам.

— Он остался почти без козырей, — задумчиво произнес он. — Что бы это значило?

— Это могло значить только одно — майор старался проиграть, папа.

— Что же до меня, сэр, то когда я обдумал все происшедшее, то пришел к убеждению, что мисс Лоуэлл совершенно права, — вмешался капитан Остин. — Все это объясняет, почему он предложил высокие ставки, почему он навязал вам такую жесткую игру, и зная, что с таким хорошим раскладом он не может не выиграть, он счел верным сбросить козыри и подменить их. По какой-то странной причине он пытался проиграть.

— Боже правый! — простонал полковник. — Где и как мне найти слова, чтобы извиниться перед ним и поправить положение?

Таким образом, небольшой карточный скандал в Третьем гусарском полку благополучно разрешился. Все произошло именно так, как мы и предполагали. С тех пор, как нашего командира постигла финансовая катастрофа, все помыслы его старого боевого товарища были направлены на то, как бы помочь ему. Убедившись, что напрямую сделать это никак невозможно, майор решил идти окольным путем и прибегнул к помощи ломберного стола. Убедившись в том, что все его старания оказались тщетны оттого, что ему постоянно приходил хороший расклад, майор предпринял неуклюжие попытки оказаться в проигрыше. Как бы то ни было, благодаря ниспосланной свыше кончине американского миллионера акции железнодорожной компании поднялись до восьмидесяти семи фунтов за штуку, так что теперь полковник не нуждается ни в чьей помощи. Майор, разумеется, вскоре простил своего товарища, и в течение некоторого времени надеялся, что примирение поможет ему покорить сердце Виолетты, ибо в полку ей просто не мыслили иной пары. Однако она разрушила всеобщие ожидания и надежды, выйдя замуж за молодого офицера Мадрасского конногвардейского полка. Майор же наш как был холостяком, так, похоже, им и останется.

ТАЙНА БИЛЬЯРДНОГО ШАРА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА.
ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ДОКТОРУ КОНАН ДОЙЛУ

Мы находились в своей старой квартире на Бейкер-стрит. Шел нескончаемый дождь, и однообразие последних трех дней, никак не оживляемое очередным убийством или разгадкой какой-либо тайны, начинало серьезно портить настроение моего друга Шерлока Холмса. В тот мрачный день он лежал на диване и потягивал концентрированный раствор кокаина через соломинку, изредка прерываясь и развлекая себя игрой на изящной виолончели, привязанной прямо над ним на толстой струне, исполняя несколько тактов из «Боже, храни королеву». Неожиданно он воскликнул:

— Вы же выходили вчера вечером из дома, Ватсон!

От неожиданности я вздрогнул. Холмс тихонько хихикнул и продолжал:

— Дорогой мой Ватсон, это же такое простое дело. — И он одарил меня своей особенной, проникающей в душу улыбкой. — На ваших брюках я заметил две или три крошки особой формы и цвета. Я сразу же отметил их принадлежность к сухому печенью. Должен заметить, что я в свое время написал монографию о крошках сухого печенья, галет и крекеров. По той цепкости, с которой они прилипли к ткани, я смог сделать вывод, что они держатся там не без помощи жидко-

сти. Но что же это за жидкость? Одежда, о которой идет речь, имеет достаточно светлый оттенок, так что кофе я сразу исключаю. Простую воду вы не пьете. А так как я знаю ваши запасы наизусть, следовательно, это должна быть содовая вода. А почему вы, взрослый здоровый мужчина, завтракали лишь сухим печеньем и содовой водой? Это может произойти только в том случае, если вчера вы выходили куда-либо из дома и ужинали в городе.

— Но, дорогой мой Холмс! — воскликнул я. — Вчера вечером я отправился спать в десять часов. А эти брюки ваши, и я имел смелость позаимствовать их у вас на некоторое время, поскольку мои собственные в данный момент... находятся в ремонте, если вам угодно.

Холмс лишь горько улыбнулся.

— Мне никогда не достается слава за расследование, если я начинаю объяснять шаг за шагом, как именно я добился полученных результатов. Боюсь, что этим я всегда выдаю себя. — И, залпом допив остатки кокаина, он устало закрыл глаза.

Неожиданно мы оба вздрогнули от звона дверного колокольчика. Я бросился к окну и был вознагражден видом женской фигуры, входящей в наш подъезд. Я едва сдерживал возбуждение, в тот же миг нахлынувшее на меня.

— Наш посетитель, — как бы между прочим заметил Холмс, — джентльмен высокого роста, плотного телосложения, одетый в длинное синее пальто. У него рыжая борода, хотя насчет последнего я не совсем уверен.

Я догадался, что в заднюю часть корпуса виолончели вмонтировано небольшое зеркало, причем с таким расчетом, чтобы Холмс мог прекрасно видеть все, что происходит на улице.

— Вы великолепно описали полисмена, стоящего напротив нашего дома, — ответил я, — однако я полагаю, что нас почтила своим вниманием особа куда более интересная.

Пока я говорил, в комнату вошла дама лет сорока, одетая во все черное. Мне сразу бросилось в глаза, что она сильно волнуется. Холмс

тотчас же вскочил на ноги и приветствовал ее с нарочитой вежливостью.

— Смею заметить, — галантно произнес он, — что вы только что прибыли из Глазго, четыре года тому назад вам слегка рассекли правую бровь, у вас три золотые зубные коронки, вы носите обувь, пока не собьются каблуки, любите изысканные напитки и питаете слабость к мятным пастилкам. Вы находитесь в весьма стесненных обстоятельствах, много лет тому назад вы пережили бурный роман, а в настоящий момент вы чем-то очень сильно взволнованы.

— Именно так, сэр, — ответила дама, не на шутку встревожившись. — У меня есть веские причины для волнения, однако я никогда не была в Глазго, а зубы...

Холмс прервал ее нетерпеливым взмахом руки.

— К делу, сударыня, к делу, — сказал он. — Расскажите как можно подробнее, что случилось.

Холмс откинулся на спинку кресла и приготовился слушать.

Дама, по-видимому, действительно пребывала в стесненных обстоятельствах, поскольку уже несколько лет сдавала комнаты одинокому джентльмену, некоему мистеру Толлоксу. По ее словам, это был весьма приятный и учтивый господин, весьма обеспеченный и занимавший достойное положение в обществе. Его единственной странностью являлась привычка приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. В остальном же она не замечала за ним ничего необычного или подозрительного вплоть до сегодняшнего утра.

Вчера вечером он сказал, что намеревается поужинать в городе, что не вызвало у хозяйки, миссис Бодл, ровным счетом никакого беспокойства. Она отправилась спать в десять вечера, закрыв дверь на замок, но не накинув щеколду, поскольку знала, что у квартиранта есть запасной ключ. Около часа ночи она проснулась от какого-то непонятного шума, раздававшегося снаружи, именно снаружи и не в доме. Сердце ее бешено колотилось, она со страхом ждала, что же случится дальше. Однако шум вскоре смолк, и миссис Бодл снова заснула. Через несколько часов она вновь внезапно проснулась. На сей раз она четко и ясно услышала какое-то утробное урчание, доносившееся из-за окна. На какое-то мгновение оно стихло, затем в комнате послышался звук, похожий на глубокий вздох, и снова воцарилась тишина. Миссис Бодл так разволновалась, что больше уже не смогла заснуть. Странные звуки и шумы исчезли, лишь тикали настенные часы, да изредка снаружи завывал ветер, но бедная женщина так не смогла успокоиться. До самого рассвета она прово-

рочалась с боку на бок. Соблюдая величайшую осторожность, она вызвала полицию. Затем в сопровождении инспектора и двух констеблей миссис Бодл постучала в дверь спальни своего квартиранта. Ответа не последовало, и миссис Бодл заявила, что это в высшей степени странно, поскольку ночью, по ее мнению, происходили какие-то необычные события. Войдя внутрь, они обнаружили, что постель не тронута и что мистер Толлокс, очевидно, не появлялся в своих комнатах со вчерашнего вечера. Тогда миссис Бодл, оставив в доме шестерых детективов, поспешила на Бейкер-стрит.

В конце этого интереснейшего рассказа, иногда прерываемого всхлипываниями, Холмс возбужденно вскочил. От его прежней апатии не осталось и следа, а глаза горели азартным огнем.

— Нельзя терять ни минуты! — воскликнул он. — Ватсон, ищите кеб. Да, чуть не забыл. Миссис Бодл, позвольте вам представить доктора Ватсона, моего друга и коллегу. Мы сейчас же отправляемся на место преступления.

Во время поездки Холмс сидел в углу кеба, надвинув шляпу на глаза, погруженный в свои мысли. Вдруг он выпрямился, загадочно улыбнулся и начал разговор, который со стороны показался бы бессвязным бормотанием. Никто бы и подумать не мог, что он бился над разгадкой одного из сложнейших дел, на что у менее светлых умов уходят долгие дни раздумий, и перед подобными делами они так часто бессильно опускают руки. Примерно через час мы доехали до Турал-Террас, тихого пригорода с аккуратными домиками и ухоженными садиками, стоявшими по обе стороны улицы. У дома номер 16, где проживала миссис Бодл, с самым беспечным видом прогуливались двое хорошо одетых мужчин. Когда Холмс, хозяйка и я входили в калитку, они вежливо приподняли шляпы. У двери нас встретил Магсон, начальник лондонской сыскальной полиции.

— Странное дело, мистер Холмс, — заметил он, важно покачав своей круглой головой и окинув нас мудрым взглядом своих не замутненных интеллектом зеленых глаз, — весьма странное, но у нас есть зацепки, и я полагаю, что мы очень скоро его раскроем.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — саркастически улыбнулся Холмс. — Однако позвольте поинтересоваться, какие улики вы обнаружили?

Магсон самодовольно усмехнулся, засунул руку в карман пиджака и вынул оттуда белый предмет сферической формы. Не смотря на покрывавший его слой грязи, можно было безошибочно

узнать в нем бильярдный шар. Холмс взял его в руку и внимательно осмотрел со всех сторон. Вдруг из его уст раздался возглас удивления.

— Это же шар-биток! — воскликнул он.

Магсон являл собой воплощенное изумление — очевидно, он упустил из вида столь важный факт. Однако быстро совладав с собой, он заявил важным тоном:

— У нас есть кое-что еще.

С этими словами он протянул Холмсу узкую полоску бумаги. Тот нетерпеливо схватил ее, вынул из жилетного кармана лупу и внимательно изучил находку.

— Мой дорогой Магсон, — произнес он наконец, — вы превзошли сами себя. Это просто великолепно.

Затем, положив обе улики в карман, он попросил нас посторониться и начал метр за метром скрупулезно обследовать сад. То падая наземь, то перебегая от клумбы к клумбе, он не оставил без внимания ни единой травинки или камушка.

— Ну-с, Магсон, — наконец произнес он, закончив осмотр, — вы, разумеется, заметили, что два красных булыжника у калитки этой ночью перевернули, а внизу стены три года тому назад нацарапали слово «Бетси». Конечно же, вы сделали из увиденного соответствующие выводы.

Магсон выглядел совершенно сбитым с толку.

— Зайдемте в дом, Ватсон, — предложил Холмс.

Тщательно исследовав все комнаты, сняв все картины и заглянув под все ковры, он, наконец, остановился и посмотрел на меня вопрошающим взглядом:

— Ну-с, что вы обо всем этом думаете?

— Должен признаться, что я в полной растерянности, — ответил я.

Холмс протянул мне полоску бумаги и сказал:

— Возможно, это прольет свет на наше дело.

Я внимательно посмотрел на бумагу.

— Так, полоска шириной примерно полтора сантиметра, края не оборваны, а ровно обрезаны, заглавными буквами написано следующее: «Зал полон, иски рассмотрены и приняты». Похоже на судебную хронику, но что-то я не слышал, чтобы громкие процессы завершались принятием исков. Ерунда какая-то, — недоуменно пробормотал я.

— Ах, дорогой мой Ватсон! — воскликнул в ответ Холмс. — Именно благодаря расследованию на первый взгляд запутанных, а на

самом деле очень простых дел я и снискал себе известность не без помощи вашего бойкого пера. Признаться, поначалу я счел это дело весьма трудным. Опыт показывает, что если факты лежат на поверхности и на первый взгляд все элементарно, — значит, жди подвоха. Однако после недолгих размышлений я убедился в следующем. Во-первых, совершенно очевидно, что мистер Толлокс вернулся домой, но в сам дом он не заходил. Во-вторых, я сразу же отверг историю миссис Бодл как надуманную и противоречивую, сколь бы правдоподобной она ни казалась. Согласно постулату исключения сомнительного должно остаться нечто ложное или истинное. Поэтому я пришел к выводу, что мистер Толлокс убил миссис Бодл.

Я вздрогнул от изумления.

— Это невозможно! — воскликнул я. — Миссис Бодл в эту самую минуту находится в саду!

— В саду находится мистер Толлокс, переодетый в платье миссис Бодл, и я велел Магсону и его подручным глаз с него не спускать, — ответил Холмс.

— Но как вы все это узнали, Холмс? — спросил я с восхищением, которое всегда приводило его в восторг, поскольку он продолжал с довольной улыбкой:

— Ах, мой дорогой Ватсон, дело оказалось очень простым. Я сразу заметил, что произошла ужасная трагедия. Этот шум снаружи, якобы глубокий вздох, а также обнаруженные мной дополнительные улики утвердили меня в этих выводах еще до того, как мы вошли в дом.

— Но, возможно, — предположил я, — все это выдумала миссис Бодл, или, точнее сказать — выдумал мистер Толлокс?

— Я подумал и об этом, — ответил Холмс, — но сразу же отверг подобную гипотезу как несостоятельную. Шар-биток и полоска бумаги лишь подтвердили мои подозрения, а в результате поисков в доме и в саду я отыскал последние недостающие звенья этой зловещей цепи. — Он на мгновение умолк, наслаждаясь своим триумфом, а затем продолжал: — Послушайте меня, Ватсон, и судите сами. Начнем с шара. Как видите, это не просто бильярдный шар, а шар-биток. Как он здесь оказался, и, самое главное, почему? Очевидно, его перебросил через ограду некто, кому хорошо знаком сам дом и привычки его обитателей, так что в появлении шара кроется немало важный смысл. В чем же состоит этот смысл? Скорее всего, мы здесь имеем дело с игрой слов. Что значит «биток»? Шар, которым бьют. Значит, здесь кого-то будут «бить», захотят «убить» и, ве-

роятно, «убьют». Иными словами, здесь должно произойти убийство. Почему здесь, спросите вы? Да потому, что он служит еще и своего рода меткой. Что же нам поведает полоска бумаги? Совершенно ясно, что здесь мы сталкиваемся с довольно простым шифром, который использует некое тайное общество. Если немного переставить слова и вдуматься в их значения, то это сообщение из «судебной хроники» приобретает куда более зловещий смысл.

Холмс схватил лежавший рядом старый почтовый конверт и написал на обороте: «Поиск завершен. Большой совет — зал полон — утвердил ликвидацию — иски приняты».

— Что вы на это скажете, Ватсон? — хмыкнул он, потирая большие белые ладони.

— Я просто поражен, — только и смог выдохнуть я.

— Вы совершенно правильно подметили, Ватсон, что текст написан заглавными буквами. Это доказывает, что его «автор» нечасто имеет дело с пером и бумагой. Так, какие народности пишут заглавными буквами и совершают убийства в заранее выбранных местах?

Холмс достал карманное издание Британской Энциклопедии, полистал его и прочел:

— «Племя хойти-тойти обитает на Кляксовых островах в южной части Тихого океана. Рост аборигенов в среднем составляет метр тридцать сантиметров, одеваются они в украшенные кораллами набедренные повязки, а в волосы вплетают полоски коры эвкалиптового дерева, ну и так далее... Вот. Благодаря стараниям миссионеров научились писать заглавными буквами... Заранее огораживают метками места совершения своих языческих обрядов». Из этого можно сделать вывод, что и миссис Бодл, и мистер Толлокс принадлежат к народности хойти-тойти. Кроме того, они оба — члены тайного общества.

— Но, дорогой мой Холмс, — прервал я его, — этот Толлокс, или Бодл, или кто там они, гораздо выше метра тридцати!

— Значит, они гигантские хойти-тойти, — без тени смущения ответил Холмс. Он всегда славился железной логикой.

— Прошлой ночью этот шар и полоску бумаги бросили в сад. Это стало сигналом к «ликвидации», так что нам, Ватсон, осталось лишь найти тело.

Не успел он закончить, как раздался стук в дверь, и в комнату ворвался пунцовый от охотничьего азарта Магсон. В руках он держал перепачканное грязью синее пальто.

Джон Гримшо. Вид на Хит-стрит с Хампстед-Хилл

— Ну-с, мистер Холмс, пока вы с вашим другом думали, мы работали, и вот что мы нашли. Мы обнаружили это под двумя красными булыжниками, — самодовольно объявил Магсон.

Холмс вздрогнул от удивления, но тотчас же взял себя в руки.

— Надеюсь, вы осмотрели содержимое карманов? — как бы между прочим спросил он.

Настала очередь Магсона вздрогнуть, поскольку он явно забыл это сделать.

Вполголоса обозвав кого-то идиотом, Холмс схватил пальто и вывернул карманы. Мы стояли рядом, затаив дыхание. Портсигар, билет в театр, несколько ружейных запалов; и наконец, Холмс с торжествующим возгласом извлек из кармана сперва простой, а затем красный бильярдный шар. Торопливо запустив руку в другой карман, Холмс вытащил оттуда целый ворох бумажных лент с надписями, сделанными заглавными буквами.

— Это архив! — воскликнул Холмс. — Здесь все протоколы секретного общества! Поздравляю вас с потрясающей находкой, Магсон!

Мы обступили Холмса, стараясь прочесть таинственные надписи, как вдруг из сада донесся сдавленный крик.

— Он не мог далеко уйти, — пробормотал Холмс и выбежал наружу. Мы ринулись за ним.

— Мы нашли его, сэр, — отрапортовал один из детективов, идя из сада навстречу нам.

— Нашли? Кого? — резко спросил Холмс.

— Мистера Толлокса, сэр.

— Как бы не так, — возразил Холмс. — За мной.

Мы поспешили в сад и увидели там миссис Бодл и пятерых детективов, стоявших вокруг корыта для дождевой воды. Когда мы подошли поближе, нашим взорам предстала потрясающая картина. В корыте, полном воды, сидел джентльмен средних лет, одетый во фракную пару. Его аккуратно снятые ботинки лежали рядом, а из воды торчали взъерошенная голова и грудь в испачканной белой маишке. Скорее всего, вчера за ужином он перепил и до сих пор не успел протрезветь, поскольку на все слезные мольбы миссис Бодл он отвечал пьяным бормотанием:

— Птом, все птом, дарагая. Зайдите в пол... девя... деся... того, ну, этак вот...

Очевидно, сильно перебрав за ужином в клубе, он вернулся домой, и после безрезультатных попыток войти внутрь снял пальто и тихо улегся спать в корыто.

Немного повозившись, нам удалось перенести его в дом, несмотря на все его заверения, что ему и там «ошнь нравицца». Он немного протрезвел и смог более-менее внятно отвечать на вопросы.

— А шары, как к вам попали шары? — допытывался Холмс.

— Ккакие ттакие шшары? — прохрипел мистер Толлокс, тараща на Холмса налитые кровью глаза.

— Бильярдные шары, которые мы нашли у вас в карманах?

Мистер Толлокс пьяно расхохотался:

— Мммы... ммышинально кладу в карман мелок, есть такой грех! А тут, видать, по ошибке шары положил. Мможет, перепутал, а?

— А вот это, как у вас вот это оказалось?! — рявкнул Магсон, тряся перед его носом ворохом бумажных лент.

— Этто? А это лента из ттикерного аппарата, нну, вроде телеграфа. Бросаешь пенни и получаешь сссводку хоть с биржи, хоть из «Таймс», хоть от «Рейтера». За одну-то монетку — и столько забавы! — ответил мистер Толлокс, блаженно улыбаясь.

— Думаю, лучше предоставить его заботам миссис Бодл, — пробурчал Магсон. — Мы хорошо поработали, — добавил он, обращаясь к Холмсу. — Я вам премного обязан за то, что вы нам немного помогли.

— Вот так всегда, — горько констатировал Холмс. — Стараешься, распутываешь дело, а все лавры достаются другим. Помяните мои слова, Ватсон, нынче все вечерние газеты станут трубить об остром уме и хватке Магсона.

Когда мы возвращались домой, Холмс заметил:

— Я вам так скажу, Ватсон: в следующий раз вы будете вести расследование, а я его подробно опишу. Договорились?

ТРАГИКИ

1

На суетливый и суматошный Париж опустился вечер, и веселые обитатели города высыпали на Большие Бульвары. В толпе на тротуарах смешались военные и гражданские, аристократы и простолюдины, на мостовых повозки торговцев всякой всячиной то и дело сталкивались с роскошными каретами знатных особ. Тут и там бесчисленные кафе с вынесенными прямо на улице столиками и стульями лучились теплым уютным светом, в котором плыла бесконечная людская река.

Давайте свернем с шумного и бурлящего Итальянского бульвара направо, на улице д'Эжипт. В конце ее простирается целый лабиринт тихих и скромных улочек и переулков, и самая сонная из них называется Бертран.

В Англии ее бы окрестили прибежищем обедневших аристократов. Там стоят двухэтажные многоквартирные дома со смежными стенами. Выглядят они печально и неухоженно, но, тем не менее, стараются скрыть потрескавшуюся черепицу и осыпающуюся облицовку за изящными оградами и яркими ставнями, пытаясь показать, что они знавали лучшие времена.

Бертран — улица нешумная, но нынче вечером здесь как-то особенно тихо. Скоро она совсем опустеет, лишь одинокая фигура будет перемещаться туда-сюда по неровному тротуару. Мужчина — а это именно мужчина — должно быть, кого-то ждет или высматривает, поскольку улица Бертран — совсем не то место, где одинокий романтик мог бы предаваться своим мечтаньям. Безусловно, он здесь с какой-то целью, но до его намерений нет дела ни нам с вами, ни жандарму, который гроыхает коваными сапогами, заворачивая за угол.

В доме, напротив которого расположился наш наблюдатель, заметны не только признаки жизни, но даже и какое-то оживление. Возможно, именно это и заставило мужчину остановиться и внимательней посмотреть на него. Он гораздо чище и выглядит современнее, нежели его соседи. Садик ухожен, а сквозь полоски зеленых жалюзи на улицу лучится теплый, домашний свет. Домик выглядит по-английски бодрым и аккуратным, чем разительно отличается от окружающих его обветшалых строений.

Благоприятное впечатление, производимое домом снаружи, еще более подкрепляется уютной атмосферой, царящей внутри. В гостиной ярко горит камин, словно соревнуясь со стоящей на столе лампой, которая освещает двух сидящих женщин. Не надо быть особенно проницательным, чтобы с первого взгляда заключить, что это мать и дочь.

Их обеих отличает приятное выражение лица и хорошая фигура. Тонкий стан и осиная талия дочери лишь подчеркиваются, может быть, несколько грузноватой статью ее матушки, из-под чепца которой видны седые прядки.

После смерти мужа, полковника Латура, его вдове пришлось нелегко, но она пережила тяжелые времена с молчаливой стойкостью и терпением, свойственным ее семье. Ее младший сын Джек, учившийся в Англии, постоянно расстраивал ее приверженностью к развлечениям, свойственным всем молодым людям его круга. Вести о его проделках достигали континента и каждый раз вызывали бурю

Джон Гримшо. Золотая осень

огорчений и переживаний в тихом домике на улице Бертран. Старший же сын, Генри, обладавший огромным талантом актера-трагика, вот уже более полугода был без ангажемента. Неудивительно, что эта живая, веселая, добродушная женщина временами грустила, а смеялась гораздо реже, чем раньше. Покойный полковник оставил им не очень большое наследство, и если бы не Роуз с ее рачительным и экономным подходом к деньгам, они вряд ли бы смогли сводить концы с концами.

У этой юной девушки проявились способности вести домашнее хозяйство благодаря редкому сочетанию красоты и практичности. Строго говоря, Роуз не отличалась царственными чертами лица, однако ее природное изящество, веселые глаза и завораживающая улыбка делали ее опасной соперницей куда более утонченным дамам. Разумное равнодушие к собственной внешности является главным достоинством истинной красоты, и Роуз обладала им в полной мере. Все это проявлялось в естественности ее движений и в искреннем взгляде дивных карих глаз. Так что неудивительно, что даже на ничем не примечательной улице Бертран, где подобные «глупости» считались верхом неприличия, нет-нет да и отодвигалась оконная штора, когда эта изящная фигурка шествовала по булыжному тротуару. Парижский же пресыщенный зевака, хоть однажды увидев лицо девушки, убеждался в том, что истинная женственность — это совсем не то, что он наблюдал в бесчисленных кабаре и кафешантанах.

— Всегда помни, — говорила миссис Латур, как бы подчеркивая свои слова кивками головы, что делало ее похожей на добродушного воробья, — что ты Мортон, и только Мортон. В тебе нет ни капли французской крови, дорогая моя!

— Но папа ведь был француз, — возражала Роуз.

— Да, дорогая, но ты чистейшая Мортон. Твой отец был прекрасным человеком, хоть и французом, ростом метр шестьдесят, но все мои дети — шотландцы. Отец мой имел рост метр восемьдесят пять, и мой брат не отстал бы от него, если б не нянька, которая все время читала, когда возила его в коляске. Она забылась, положила книгу ему на голову, вот он и задохнулся, а так бы вымахал под стать своему брату. Ты же видишь, что и Генри, и Джек высокого роста, так что смешно называть их иначе, чем Мортонами, а ты их сестра. Что ни говори, Роуз, в тебе нет ни капли отцовской крови!

Произнося эту антропологическую тираду, пожилая дама уронила свое вязание и моток шерсти, которые, согласно незыблемому

закону падающего бутерброда, закатились за буфет. Роуз извлекла их оттуда после десятиминутных поисков с помощью кочерги.

За время этого небольшого перерыва ход мыслей миссис Латур несколько изменился.

— Что-то Генри нынче задерживается, — заметила она.

— Да, он собирался сегодня в «Театр Насьональ» насчет ангажемента. Очень надеюсь, что ему не откажут.

— Уму непостижимо, что они смогут отказать такому симпатичному молодому человеку, — встрепелась любящая мать. — Уверена, что если бы он вообще не умел играть, он бы все равно собрал полный зал, потому что люди пришли бы просто посмотреть на него.

— Как жаль, что я не мужчина, мама, — с сожалением произнесла Роуз, сжав губы, что являлось ее представлением о мужской твердости.

— Ну, и что бы ты тогда делала, дитя мое?

— Да все, что угодно! Я бы писала книги, читала лекции, воевала, ну и все такое.

После этого перечисления чисто мужских занятий миссис Латур рассмеялась, а вся мужественность Роуз мгновенно испарилась. Девушка искренне улыбнулась оттого, что сумела развеселить матушку.

— Папа ведь был военным, — напомнила она.

— Да, дорогая, однако теперь так уже не воюют. Помню, когда я еще до замужества жила в Лондоне, ежедневно погибало двадцать, а то и тридцать тысяч человек. Именно тогда сэр Артур Веллингтон отправился воевать на Пиренеи. А у миссис Маквиртер, что жила по соседству, там ранили сына. Бедняжка! Кошмарная история! Когда он проползал через дыру в стене, к нему подошел какой-то негодяй и чем-то его проткнул.

— Ужас какой! — согласилась Роуз, стараясь подавить улыбку.

— Да-да, и когда он вернулся, я собственными ушами слышала, как он сказал — я никогда его раньше не видел. А потом добавил — и больше никогда не хочу с ним встречаться. Это случилось в Багажхосе.

— В Бадахосе, мама.

— Ну да, ну да. После этого происшествия Маквиртер-младший очень пал духом, и оно надолго омрачило жизнь всего их семейства. С тех пор Англия очень сильно изменилась. Мне кажется, что даже язык меняется самым непонятным образом. Не знаю, поняли бы меня, если бы я вернулась. Вот Джек, он учится в Эдинбурге — так он употребляет такие утонченные обороты речи, что нам с тобой

их не понять. Трудно следить за всем новым, когда живешь за границей.

— Да, у Джека и впрямь встречаются странные словечки, — согласилась Роуз.

— Я тут письмо на днях от него получила, — продолжала миссис Латур, ища что-то в карманах и в ридикюле. — Боже, где же оно? Ах да, вот! Я оттуда почти ничего не поняла, кроме того, что бедный мальчик попал в беду или же с ним случилось какое-то несчастье.

— Несчастье, мама?

— Ну, в любом случае что-то неприятное. В детали он не вдается. Вот послушай, Роуз, письмо очень короткое. Быть может, ты сможешь понять, что там написано. Признаюсь, что меня оно поставило в совершеннейший тупик. Где очки? Значит, так. «Дорогая моя ма-тушка». Ну, это вполне понятно и очень приятно слышать. Теперь вот. «В Кембридже попал на лошадь». Как ты думаешь, дорогая, что бы это значило?

— Не знаю, что и сказать, мама, — ответила девушка, поразмыслив над услышанными словами.

— Не мог он просто так попасть на лошадь. Быть может, он ее оседлал, он это умеет. Или же он ее обуздал, мальчик он крепкий. Его покойный отец всегда говорил, что вырастет он сильным и ловким. Возможно, он хочет сказать, что попал под лошадь и случилось это в Кембридже.

— Весьма вероятно, мама.

— Так, теперь дальше. «Ее подставили, и я оказался на бобах». Подумать только, Роуз! Скорее всего, он не попал на лошадь, а упал с нее. Уверена, что ей поставили подножку или швырнули под ноги какую-нибудь палку. Она, конечно, споткнулась и упала, и Джек вместе с ней. Боже, какой кошмар! Джеки, бедный мой мальчик, дорогой мой сыночек!

— А бобы-то тут при чем? — хохотнула Роуз.

— Не смей так говорить, когда с твоим братом случилось несчастье! — вспыхнула миссис Латур. — Мне кажется, что Джек упал с лошади прямо на сушеные бобы — этот же ведь так больно, не приведи Господи! Вот следующее предложение более понятно. «Если есть деньги, вышлите, сколько сможете». Понятно, что он этим хочет сказать. Несомненно, он хочет заплатить доктору за лечение. Бедный мой малыш! В заключение он пишет, что скоро все уладится, и он, возможно, навестит нас.

— Ну что ж, это радует, — ответила девушка. — Надеюсь, он скоро придет и расскажет, как все было.

— Пора бы уже стол к ужину накрывать, — вдруг вспомнила миссис Латур. — Генри вот-вот вернется.

— Не надо звать горничную Мари, — сказала девушка. — Генри утверждает, что в искусстве сервировки стола мне нет равных.

Ее мать рассмеялась и стала наблюдать, как Роуз хлопчет вокруг стола, после чего пустилась в свои обычные горестные рассуждения о ножах и вилках.

— Ты положила сидящему во главе стола четыре ножа, — поучала она, — а его соседу справа придется обходиться одной вилкой. Послушай, Роуз, это не Генри там поднимается по лестнице?

— Идут двое.

— Полагаю, один из них — твой брат.

— Именно так! — воскликнула Роуз, когда в замке повернулся ключ, и в прихожей послышался мужской голос. — Как все прошло, Гарри? Удачно?

Она одним прыжком одолела коридор и повисла у брата на шее.

— погоди, погоди, Роузи! Дай мне снять пальто, прежде чем ты меня задушишь! На сей раз мне повезло, и я получил ангажемент в «Насьональ».

— Ну, а я что тебе говорила, Роуз? — заметила мама.

— Входи же поскорей и расскажи нам все-все-все! — умоляла девушка. — Мы просто умираем от любопытства!

— Однако вежливость прежде всего, — ответил Генри. — Позвольте вам представить мистера Баркера, англичанина и друга Джека.

Высокий темноволосый молодой человек с серьезным лицом, стоявший в дверях, выступил вперед и галантно поклонился.

(Прежде чем продолжить этот рассказ, в скобках хочу заметить, что я и был тот самый мистер Баркер, и все произошедшие затем поразительные события изложены на основании моих личных наблюдений.)

Мы прошли в маленькую уютную гостиную и сели у камина, где весело горел огонь.

Роуз устроилась на коленях брата, а миссис Латур оставила свое вязание и нежно взяла сына за руку.

Я откинулся на спинку кресла, стоявшего по другую сторону камина, и смотрел, как отблески пламени играют на золотистых локонах девушки и на точеном, мужественном профиле ее брата.

— Ну-с, — сказал Генри, — начну с самого начала. После того как я вышел из дома, я заглянул в кафе и там волею Фортуны встретил мистера Баркера, очень хорошо известного мне по рассказам Джека.

— Кажется, все мы вас прекрасно знаем, — добавила миссис Латур.

Я улыбнулся и снова поклонился.

Как приятно было оказаться в уголке доброй старой Англии, расположенном в самом центре Парижа.

— Мы вместе отправились в «Насьональ», — продолжал Генри, — пребывая в полной уверенности, что у меня нет ни малейшего шанса, поскольку Лаблас, великий трагик, обладает там огромным влиянием и изо всех сил ставит мне палки в колеса, хотя я никогда не делал ему ничего плохого.

— Каков негодяй! — возмутилась Роуз.

— Дорогая, прекрати сейчас же!

— Мама, ты же знаешь, что это за тип. А дальше, дальше что?

— Лабласа я там не увидел, но зато мне удалось застать директора театра, старого мсье Ламбертена. Он пришел в восторг от моего предложения. Он благосклонно заметил, что как-то раз видел, как я играл в Руане, и что был просто потрясен.

— Еще бы! — воскликнула пожилая дама.

— Затем он сказал, что им нужен актер на одну из главных ролей — Лаэрта, поскольку они собираются ставить шекспировского «Гамлета» в новом переводе. Премьера в понедельник вечером, так что у меня всего два дня, чтобы подучить роль и немного порепетировать. Лаэрта должен был играть другой актер, кажется, Монье, но он попал под карету и сломал ногу. Вы не представляете, как сердечно ко мне отнесся старик Ламбертен!

— Какой он милый! — восхищенно промолвила Роуз.

— Однако, Баркер, вы, должно быть, проголодались, а ужин уже подан. Двигайтесь ближе к столу, а потом, Роуз, подай нам кипяточку.

Итак, шутя и смеясь, мы принялись ужинать, и весь вечер пролетел, словно дивный сон.

Оглядываясь назад сквозь долгую вереницу лет, я помню все, как сейчас: смеющуюся, покрасневшую девушку, обжегшую пальчики и пролившую горячую воду в процессе приготовления пунша; небольшого роста мать семейства с тихим, вкрадчивым голосом и сверкающими глазами и мужественного молодого человека с честной улыбкой на лице.

Кто бы мог предположить, что над ними нависла трагедия? Кто, кроме темной фигуры, все еще стоявшей на улице Бертран, чья зловещая тень пала на порог дома номер двадцать два?

2

Тем же вечером, а точнее сказать, уже ночью, поскольку часы на башне собора пробили три, происходили и другие события. Улицы Парижа опустели, разве что проходил несущий службу жандарм, да попадался одинокий припозднившийся кутила, спешивший домой после затянувшейся пирушки.

Даже на улице д'Анжу, одной из самых фешенебельных, свет горел лишь в нескольких домах.

В одном из них и разворачивается продолжение нашей истории.

Представьте себе роскошно обставленную большую гостиную, где удобно расположились несколько мужчин с сигарами в зубах. Огромная люстра отражается в бесчисленных зеркалах и ярко освещает обитую красным бархатом мебель.

Лежащий на полу толстый ковер гасит звуки шагов, так что никто не слышал, как один из мужчин встал с кресла и подошел к облицованному мрамором камину.

Любой завсегдатай французских театров узнал бы его с первого взгляда. Нелегко забыть крепкую мускулистую фигуру и мрачную, циничную улыбку Лабласа, первого трагика «Театра Насьональ». Физиономист, несомненно, узнал бы многое, взглянув на низкий лоб и массивную челюсть. Холодный взгляд серых глаз и чувственные губы навели бы наблюдателя на мысль, что вне подмостков «Насьоналя» этот человек является ненадежным, эгоистичным другом и мстительным, коварным противником.

Наш театрал встретил бы здесь и других, возможно, более приятных старых знакомых.

У небольшого полированного шкафчика расположился Гросье из театра «Варьете», отличающийся острым умом и полным отсутствием каких-либо принципов; по количеству дуэлей и любовных интрижек он уступал лишь хозяину дома Лабласу. Чуть далее сидел блестящий молодой кавалерийский офицер, а рядом с ним — Тюрвиль, еще один известный актер и светский лев. Посасывая пеньковую трубку, на диване развалился Кашэ из театра «Гайете», общую картину дополняли двое других менее известных актеров.

Поль Сезанн. Игроки в карты

Лаблас устало посмотрел на стол, где в беспорядке лежали карты, игральные кости и кучки монет.

— Ну-с, господа, — произнес он, — развлекайтесь в свое удовольствие. Еще партию или хватит?

— Времени у нас достаточно, — заметил один из актеров. — Однако боюсь, что Фортуна нынче не благоволит нашему лейтенанту, так что он вряд ли решится вновь попытаться счастья. Было бы жестоко просить его об этом.

Молодой офицер поднял глаза от стола, и его лицо тотчас же залилось краской. Он был слишком юн и неопытен, чтобы на равных играть с этими матерыми хищниками. Из того, как вся компания посмотрела на него после язвительной реплики Гросье, становилось совершенно ясно, что его выбрали на роль жертвы и всеобщей мишени для насмешек.

— А если мне все же повезет? — упрямо спросил он. — Здесь, как и на войне, все решает удача. Позвольте еще партию.

Он залпом осушил бокал шампанского, стараясь избавиться от возникшего перед его внутренним взором лица старушки-матери,

жившей далеко на юге, в Монпелье, и экономившей буквально на всем, чтобы в Париже ее сын мог вести жизнь, достойную его положения.

— Прекрасно! Смело сказано! — отозвались голоса стоявших у стола.

— Однако не пейте так много, — предостерег Кашэ. — Не то зашатаетесь.

— Боюсь, что наш бравый офицер и так уже нетвердо стоит на ногах, — заметил Лаблас.

— Никоим образом, мсье, — возразил лейтенант. — Моя рука так же тверда, как и ваша.

— Никто в Париже не сравнится со мной по меткости и твердости руки, — парировал Лаблас. — Лакур из вашего полка имел возможность в этом убедиться. Кашэ, вы ведь были со мной, когда в Венсенне я отстрелил ему указательный палец правой руки и раз и навсегда отбил у него охоту к стрельбе. Видите маленькое темное пятно в центре куска белой материи, что висит на дальней стене? Это ружейный патрон, который я всегда использую как мишень, когда упражняюсь в стрельбе. Всегда знаешь, промахнулся ты или нет. Простите, господа, но сейчас запахнет порохом, — продолжил он, взяв со стеной полки небольшой, богато инкрустированный пистолет.

Лаблас почти не целился. Он нажал курок, раздался выстрел, в противоположном конце комнаты вспыхнуло пламя — пуля попала в ружейный патрон, и он разлетелся вдребезги, усыпав пол кусочками картона и дымящихся пыжей.

— Не думаю, что вы и дальше станете утверждать, что ваша рука столь же тверда, сколь и моя, — добавил Лаблас, взглянув на молодого офицера и водворяя оружие на место.

— Прекрасный выстрел, мсье, — признался лейтенант.

— Да хватит, наконец, палить! — вскричал Гросье, встряхнув коробку с игральными костями. — Если хотите взять реванш, лейтенант, прошу вас!

Снова зашуршали купюры и зазвенели монеты, а приглушенный говор свидетельствовал о том, что все внимание было приковано к столу. Лаблас сам не играл, он словно бы парил над зеленым сукном подобно некоему злему духу. На его губах играла язвительная усмешка, а холодный взгляд ни на мгновение не упускал человека, который одновременно был его гостем и его жертвой.

Бедняга! Неудивительно, что он проигрался, когда все слаженно играли против него. Охваченный отчаянием, он резко отодвинул стул от стола.

— Все тщетно! — воскликнул он. — Сама судьба против меня! Однако, господа, — умоляюще добавил он, — если я завтра достану денег, пусть немного, вы не откажетесь сыграть со мной по тем же ставкам, вы дадите мне шанс?

— Мы будем играть, пока у вас в карманах есть хоть что-то! — цинично расхохотался Тюрвиль.

От охватившего его волнения лицо молодого офицера пошло красными пятнами. Он сидел несколько в стороне от остальных, и их разговор доносился до него, словно сквозь сон. Все его существо твердило ему, что он стал жертвой обмана, но, как бы он того ни желал, у него не было ни единого доказательства.

— Всем вина, — сказал Гросье. — Лаблас, где вы пропадали до часу ночи?

Тот обнажил в улыбке белые зубы.

— Старая история? — поинтересовался Тюрвиль.

— Ха! Как бы она не превратилась в застарелую! — продолжал Гросье. — Без изменений и поворотов история превращается в нудную канитель. Все интрижки похожи друг на друга как две капли воды, и каждая увенчивается успехом.

— Все победы достаются слишком легко, — согласился Кашэ.

— Обещаю, что за эту победу придется побороться, — сказал Лаблас. — За этой пташкой стоит поохотиться всерьез, поскольку она прекрасна, как ангел, и за ней строго присматривают. Сторожем у нее — братец почти двух метров роста, так что острые ощущения обеспечены.

— Вы уже пробовали к ней подступиться? — спросил Кашэ.

— Еще нет, хотя я провел детальную рекогносцировку, — ответил опытный распутник. — Боюсь, придется действовать силой, для этого понадобится мужество и максимум такта.

— Кто эта девушка, Лаблас? — спросил Тюрвиль.

— Отвечать не буду.

— Ну же, скажите, кто она?

— Иногда любопытство граничит с наглостью, — произнес Лаблас, бросив недобрый взгляд на своего собрата-актера. — Постарайтесь держаться в рамках и не переходите границ дозволенного, поскольку я не терплю фамильярности.

Тюрвиль был не робкого десятка, но он опустил глаза, предпочитая не связываться с искусным и опытным дуэлянтом.

Наступило неловкое молчание, после чего Лаблас протянул ему руку и сказал:

— Ну хорошо, Тюрвиль, простите меня, и давайте забудем об этом. Я и вправду не хотел вас обидеть, но вы же знаете мой вздорный характер. Так что покончим с этим. В конце концов, не вижу причины, почему бы не назвать имя девушки. Возможно, мне понадобится ваша помощь. В любом случае, весьма надеюсь, что вы, как люди чести, не станете мешать исполнению моих планов. Не думаю, что она вам знакома. Зовут ее Роуз Латур, а живет она на улице Бертран.

— Как, сестра Генри Латура?! — воскликнул Гросье.

— Да, именно так. Вы его знаете?

— Знаю? Да он играет Лаэрта в вашем «Гамлете» в понедельник вечером!

— Черт подери, неужели?

— Да, старик Ламбертен вчера вечером дал ему ангажемент. Это усложняет дело! А парень он хороший, что ни говори.

— Не вижу, как это сможет повлиять на мои намерения относительно его сестры.

— Я тоже знаю эту девицу — она столь же добродетельна, сколь и красива. Здесь у вас ничего не выйдет, Лаблас. Она — ангел, сошедший на землю, а с ее братом лучше не связываться.

— Дорогой мой, — произнес Лаблас, — неужели вы не видите, что каждое ваше слово еще более укрепляет меня в моем решении? Вы только что сказали, что интрижки страдают однообразием. Это похищение добавит новизны и острых ощущений.

— Ничего у вас не получится, — заявил Гросье.

— Наоборот, все увенчается успехом.

— Голову даю на отсечение, что вы потерпите неудачу.

— Если бы вы дали «на отсечение» десять тысяч франков, это было бы куда как кстати. Ну что, хотите пари? Я заявляю, что в течение двадцати четырех часов я увезу эту маленькую пуританку.

— Согласен! — азартно ответил комик.

— Господа, будьте моими свидетелями! — сказал Лаблас, обращаясь к присутствующим. Затем он открыл инкрустированный слоновой костью бювар и написал несколько цифр.

Воцарилась тишина, которую нарушил звонкий молодой голос.

— Я вам не свидетель в этом грязном деле!

Этот голос принадлежал молодому офицеру.

Лейтенант поднялся со стула и встал напротив Лабласа, глядя ему прямо в лицо.

Среди актеров послышались возгласы удивления, потому что их «мальчик для битья» вдруг взбунтовался и посмел бросить им вызов. Они бы спасли его, если б могли. Кашэ схватил офицера за рукав и потянул его вниз.

— Сядьте! — прошептал он. — Да сядьте вы, наконец! Он же лучший стрелок Франции!

— Не сяду! — упрямо ответил лейтенант. — Я протестую против происходящего здесь! Если слабость и добродетель этой юной дамы не в силах защитить ее, то того факта, что ее брат является вашим коллегой-актером, более чем достаточно, чтобы оградить ее от этого вашего омерзительного тотализатора!

Лаблас выслушал эту пламенную речь, не поднимая глаз от бювара, где он что-то писал.

— Давно ли? — спросил он холодным, спокойным голосом, который, по словам знавших Лабласа людей, был гораздо опасней, чем крик уличного громилы. — Давно ли вы сделались моралистом, мсье Мальпас?

— Я не сделался моралистом. Я просто остался благородным человеком и сохранил это звание, которое вы, к превеликому сожалению, утратили навсегда.

— Ах, вот как! Вы переходите на личности.

— Я никоим образом не претендую на безгрешность. Но, видит Бог, ничто на свете не сможет заставить меня стать соучастником этого хладнокровного, подлого и циничного соблазнения!

В голосе юноши зазвенела отвága, а в глазах его вспыхнул благородный огонь давно позабытого рыцарства.

— Я искренне сожалею, — продолжал он, — что ваше обращение к нашей чести, прежде чем вы раскрыли нам свои планы, не позволит мне предпринять усилий, чтобы расстроить их.

— Милый, наивный юноша! — усмехнулся Лаблас. — Мне кажется, я понимаю причину того, почему вы вдруг впали в нравоучения. У вас ведь у самого есть виды на эту особу, не так ли, мон шер?

— Вы лжете и прекрасно это знаете! — вскричал лейтенант.

— Держите его, да за руки держите, Кашэ! Разнимите их! Не дайте им сцепиться, как псам!

— Пустите, говорю! — ревел Лаблас. — Он назвал меня лжецом! Я убью его!

— Завтра, дорогой мой, завтра, — увещевал его Гросье. — Мы проследим за тем, чтобы вы получили полную сатисфакцию.

— Вот моя карточка, — сказал офицер, швырнув ее на стол. — Я к вашим услугам, когда вам будет угодно. Капитан От — мой сосед. Он будет моим секундантом. Прощайте, господа! До встречи, мсье!

Молодой человек повернулся и с достоинством вышел из комнаты, оставив деньги на столе.

Несмотря на все его недостатки, его матушка из Монпелье могла бы по праву гордиться своим сыном, если бы только она видела эту сцену.

— Мы навестим его друга завтра, Кашэ, — мрачно произнес Лаблас. — А теперь к делу. Могу я рассчитывать на вашу помощь и на вашу, Тюрвиль?

— Мы сделаем все, что сможем.

— Ну вот, нынче вечером я хорошенько рассмотрел дом. Это обычное двухэтажное строение, она спит в отдельной комнате на верхнем этаже. Все это я узнал из наблюдений и из болтовни служанки. Спать они ложатся рано, в доме, кроме девушки, только ее брат и пожилая мать. На окнах спален только жалюзи — ставней нет.

Жан Веро. Театр Франсэ в Париже

— И как же вы думаете действовать?

— Все просто. Мы знаем, что улочка очень тихая. Мы возьмем мой крытый экипаж, один из нас будет править лошадьми. Как вам известно, для подобных дел у меня есть складная лестница, которую мы возьмем с собой. Мы выходим из экипажа, приставляем лестницу, открываем ее окно, затыкаем ей рот, пока она еще сонная, переносим ее вниз, в экипаж, и все — дело сделано. Если она проснется и закричит, мы втроем наверняка справимся с ее братцем и надаем ему по шее. Не будет ни малейшей зацепки, кто мы такие и куда уехали. Нас ждет грандиозный успех.

— Это уж точно! — расхохотались все трое.

— Ах, эта маленькая недотрога! Ручаюсь, что очень скоро она сделается сговорчивее. Да, завтра надо быть в форме, так что мне надо несколько часов поспать. Итак, общий сбор на улице Бертран в два часа ночи в понедельник. Спать они ложатся примерно в одиннадцать. Спокойной ночи.

Бросив недокуренную сигару в камин, актер-распутник медленно вышел из комнаты, оставив своих приятелей обсуждать грязное дело, в котором они согласились стать соучастниками.

3

Удивительно, сколь естественно англичане приспособляются к обычаям страны, где им случается оказаться. Это тем более легко, если нравы и привычки местных жителей в какой-то мере совпадают со склонностями и желаниями британцев.

Дома я довольно строго соблюдаю религиозные предписания, но в то воскресенье, когда я был в Париже, праведный голос звучал во мне все тише по мере того, как я отдалялся от собора и не спеша шел по направлению к улице Бертран. Я лелеял надежду, что мой новый друг Генри Латур сможет скрасить мое одиночество и составит мне компанию, отправившись на прогулку по парижским улицам.

Возможно, истинной целью моего визита была красавица Роуз; даже если и так, то меня ждало разочарование, поскольку юная дама незадолго до моего прихода ушла в церковь, так что мне пришлось довольствоваться обществом ее брата.

— Как же хорошо, что вы пришли! — сказал Генри, с удовольствием потянувшись всем своим сильным телом. — Я сижу в этом проклятом кресле с раннего утра и оттачиваю свою роль. Думаю, что уже достаточно. Я даже сделал несколько выпадов кочергой,

готовясь к последней сцене. Знаете, я когда-то был превосходным фехтовальщиком, а публика всегда приходит в восторг, если персонаж умеет обращаться со шпагой.

— Полагаю, ваш Гамлет тоже может фехтовать? — осведомился я.

— Более чем, это одно из его отрицательных достоинств, — ответил Генри, и его лицо на мгновение потемнело. — Однако пойдёмте, Баркер. Нынче мой последний свободный день в обозримой перспективе, так что нам надо взять от него все.

Именно так мы и поступили. Молодой актер оказался настоящим знатоком Парижа. Он провел меня по музеям, картинным галереям и прочим достопримечательностям города с таким видом, словно все здесь принадлежало только ему. Генри пребывал в приподнятом настроении после того, как получил ангажемент в «Насьонале», который он считал блестящим началом актерской карьеры в столице.

— Существует только один недостаток, — заметил он. — Придется играть вторую скрипку в компании с этим отъявленным мерзавцем Лабласом. Он отпетый негодяй, Баркер. Говорят, что нынче утром в Булонском лесу он дрался на дуэли с молодым кавалерийским офицером и прострелил ему легкое. Боюсь, что рано или поздно мы с ним схлестнемся, поскольку, как сказано у Шекспира, «я справедливости поборник», и все поведение этого субъекта бесит меня больше, чем вы можете себе представить.

К тому времени уже стемнело, и мы оба устали и проголодались после всех наших долгих странствий по Парижу.

— Вон там, справа, — сказал Генри, — рядом с вокзалом есть кафе, где мы сможем перекусить в спокойной обстановке. Да, там, где свет горит. Идемте?

— Хорошо — согласился я, и мы направились туда.

Когда мы входили, из дверей пулей вылетел высокий молодой человек с саквояжем в руках, который буквально врезался в нас.

— Пардон, господа, — пробормотал он, повернувшись вполоборота и торопливо поклонившись.

Он почти уже вышел на улицу, когда Генри ринулся за ним и схватил его за рукав.

— Джек, братишка, откуда ты здесь взялся?

— Генри, Баркер! Вот так встреча! — воскликнул мой старый университетский друг, с жаром трясая наши руки. — Вот уж неожиданно-негаданно!

— Нежданно — это точно, — отозвался его брат. — Слушай, а мы думали, что ты в Эдинбурге, за сотни миль отсюда!

Именно там я и должен быть. Однако вчера я подумал, что смена обстановки пойдет мне на пользу. Наглая фамильярность наших британских торгашей начала действовать мне на нервы. Мой портной страстно возжелал презренного металла, так что я решил на несколько недель избавиться себя от общения с ним.

— Опять твои старые штучки, Джек, — заметил я.

— Да, и что с того? Вы, я вижу, тоже решили потряхнуть стариной да пройтись по заведениям — прошу прощения, по кафе. «Кафе» звучит гораздо лучше, чем «кабачок».

— А чем объясняется твое собственное присутствие здесь? — хохотнул Генри. — Дружище, неужели ты и вправду думаешь, что я зашел сюда, чтобы немного выпить? Отнюдь нет, сюда меня привели мой каприз и желание поближе познакомиться с жизнью аборигенов. Друзья, а что вы думаете делать дальше? Полагаю, не стоит будить маму и Роуз, так что я останусь с вами.

— У нас нет никаких особых планов, — признался я.

— Тогда пойдемте со мной в «Англетер». Там еще двое ребят из Эдинбурга — Грант и Бакли. Ну что, идем?

— Да, пожалуй, — согласился я.

— Идемте, — сказал Генри.

Мы втроем отправились в гостиницу, где познакомились с друзьями Джека, студентами-медиками, такими же веселыми и бесшабашными, как он.

Нет никакой необходимости описывать наше пребывание в отеле. Я упоминаю его лишь потому, что оно непосредственно предшествовало последующим печальным и даже трагическим событиям.

Было уже за полночь, когда Генри взглянул на часы и объявил, что пора расходиться.

— Завтра мне надо еще раз пройтись по роли, — сказал он. — Можешь составить мне компанию, Джек, мы как-нибудь устроимся в моей комнате и никого не потревожим. У меня свой ключ.

— Я немного пройду с вами, — предложил я. — Хочу докурить трубку.

Боюсь признаться, но взглянуть на некое окно с совсем недавней поры стало мне милей и приятней, чем наслаждаться табаком, растущим на просторах Виргинии, пусть даже самым лучшим.

Братья очень обрадовались, что я провожу их, так что мы попрощались с соотечественниками и вышли на улицу.

Мы весело шагали по ярко освещенным бульварам, но когда свернули на тихие боковые улочки, всех нас, включая даже весельчака-Джека, охватило какое-то мрачное предчувствие.

Мы шли молча, каждый был погружен в свои мысли.

Вокруг было очень тихо, так тихо, что мы едва не вскрикнули, когда мимо с грохотом промчался крытый экипаж. Он пронесся в том же направлении, куда шли и мы.

— Ну и гонит же этот парень! — заметил Джек.

— К тому же без огней, — добавил я.

— Интересно, куда он направляется? Здесь особо на фиакрах не разъезжают, тем более в такой час.

— Ну, в любом случае, это не к нам, — рассмеялся Генри, — так что нас это не касается.

После этих слов он прибавил шагу, мы завернули за угол и оказались на улице Бертран.

Джек вдруг в изумлении остановился.

— Слушай, Гарри, — произнес он. — Что это, черт возьми? Они именно к нам!

В этом не было ни малейшего сомнения. Из-за туч выглянула луна, осветив своим холодным светом грязную улочку. В самом ее конце, напротив дома двадцать два виднелось какое-то темное пятно, скорее всего, тот самый экипаж. Он стоял у самого тротуара.

— Это еще что такое? — выдохнул Генри.

— Оттуда вышли двое! У одного из них фонарь!

— Вот так дела! — воскликнул Джек. — Это же мой эдинбургский портной, чтоб мне лопнуть!

— Это не грабители! — прошептал я. — Давайте немного понаблюдаем.

— Боже правый, они приставляют лестницу к окну, к окну Роуз! — прошипел Генри еле узнаваемым от ярости голосом.

Луна на мгновение осветила его лицо, и я увидел, как оно потемнело от гнева, а губы сжались в упрямую тонкую нитку.

— Вот негодяи! — произнес он. — За мной, только тихо!

Быстро и бесшумно мы пошли вниз по улице. Джек был разъярен не меньше, чем его брат, но сдерживал свои чувства. Он скрипнул зубами, и огромными шагами поспешил за Генри.

Будь я один, я бы закричал и бросился на помощь. Генри Латур взял на себя роль лидера, и в подобных ситуациях самый рассудительный ум ведет себя уверенно и властно. В его спокойствии чувствовалось что-то ужасное.

Вечером прошел дождь, так что мы неслышно ступали по мягкой земле. Наконец, мы приблизились к экипажу. Мы бы прошли дальше, не опасаясь быть обнаруженными, поскольку за лошадьми никто не смотрел, а люди, которых мы видели, пробрались в сад и слишком увлеклись своим грязным делом. Бертран — улица тупиковая, так что возможность быть застигнутыми врасплох ими почти исклю-чалась.

Генри проскользнул за экипаж, мы — следом за ним. Карета надежно скрывала нас, а мы видели происходящее во всех деталях. Двое мужчин стояли внизу лестницы, прислоненной к окну на втором этаже. Они наблюдали, как третий злоумышленник появился в оконном проеме, неся что-то в руках.

Моя кровь вскипела от негодования, когда я увидел, как его нога коснулась верхней ступеньки, и он начал спускаться. Я взглянул на Генри, он же сделал знак рукой, как бы прося выждать еще немного. Я видел, что он, как и я, знает, кто находится в белом свертке, который негодяй прижимал к груди. Джек куда-то пропал, но, услышав из-под колес тихое проклятие, я понял, что он спрятался именно там.

Главарь злоумышленников медленно и осторожно спускался по лестнице. Он, вероятно, обладал недюжинной силой, поскольку с легкостью управлялся с неудобным грузом. Лицо его скрывала маска. Его сообщники, стоявшие внизу, шепотом подбадривали его. Наконец он мягко ступил на землю.

— Быстро ее в экипаж! — приказал главарь.

Генри бесшумно выпрямился, изготавившись к схватке.

Настало время действовать.

В ту самую секунду кляп выпал изо рта жертвы, и в ночи прозвучал высокий, молящий о спасении голос.

— Гарри! Брат! На помощь!

На моей памяти ни один зов не нашел столь быстрого отклика. Генри рванулся вперед так стремительно, что я и глазом моргнуть не успел. Затем я услышал злобное рычание, похожее на собачье, и глухой удар. В то же мгновение мой друг и человек в маске сцепились и рухнули на землю.

События развивались стремительно. Мы с Джеком ринулись наперерез, чтобы как можно быстрее внести Роуз в дом, но двое злоумышленников преградили нам путь.

Я бы обошел своего противника, чтобы помочь девушке, но он бросился на меня, грязно ругаясь и размахивая руками.

Французу никогда не понять, что отрезок всегда короче дуги. Именно это я на практике и продемонстрировал своему сопернику, остановив его ударом прямой правой прежде, чем он успел замахнуться, и повергнув его наземь хуком справа в область уха.

Лицо его исказилось гримасой боли, и он плюхнулся прямо на розовый куст, всем своим видом выказывая сильное нежелание вставать; я же поспешил на помощь Джеку.

Я успел заметить, как его оппонент отчаянно пытался применить любимый прием французов — удар ногой. Но наш студент был не робкого десятка. Он увернулся, схватил приподнятую ногу и с силой вывернул ее. Злоумышленник с ревом рухнул на землю с вывихнутой ступней.

Мы провели дрожащую от страха и плачущую Роуз в дом, передали ее до полусмерти перепуганной матушке и снова поспешили в сад.

Никто из наших «знакомцев» так и не поднялся, но борьба между главарем и Генри продолжалась с прежним ожесточением.

Нечего было и пытаться помочь нашему другу. Они оба так крепко сцепились и так быстро катались по гравию садовой дорожки, что было невозможно разобрать, кто есть кто. Они дрались молча, слышалось лишь их тяжелое дыхание. Однако молодость потихоньку начала брать верх благодаря своей большей выносливости. Я видел, как в лунном свете сверкнули запонки Генри, когда ему удалось высвободить руку, и я тут же услышал сильный удар. Казалось, ему удалось оглушить соперника, но, прежде чем Генри смог ударить снова, тот вырвался, и оба с трудом встали на ноги.

Маска съехала, и мы увидели бледное лицо француза, по которому текла тонкая струйка крови из раны на лбу.

— Ах ты, грязный негодяй! Теперь я знаю, кто ты! — взревел Генри. Он бы непременно снова бросился на него, если бы мы его не удержали.

— Ну и что! Ты меня еще лучше узнаешь, прежде чем умрешь! — прошипел главарь со зловещей улыбкой.

— Ах ты, подлый мерзавец! Думаешь, я испугался твоих угроз? Если угодно, я поведу тебя к барьеру! Нет, я лучше пристрелю тебя! Джек, живо принеси пистолеты!

— Тише, старина, тише, — успокаивал его я. — Не действуйте так поспешно.

— Поспешно?! — взревел Генри. — Это же касается моей сестры! Быстро мне пистолет!

— Это я должен назначить время и место, — произнес Лаблас. Да, это был именно он. — Поскольку я получил первый удар.

— И когда же?

— Я извещу вас утром. Достаточно того, что вы будете опозорены на весь Париж. Я подниму грандиозный скандал, мой юный друг.

С той же зловещей улыбкой на лице он забрался на козлы и схватил вожжи.

— Если господин, чью ступню я имел удовольствие вывихнуть, сочтет себя оскорбленным, — насмешливо заявил Джек, — он всегда может рассчитывать на сатисфакцию с моей стороны.

— То же самое относится к моему другу, стоящему справа, — сказал я. — Я имею в виду господина со странно опухшим ухом.

Ответом на наши любезности явился шквал ругательств.

Поклонника «французского футбола» втащили в экипаж, наш второй знакомец последовал за ним. Лаблас, все еще белый от ярости, что было силы хлестнул лошадей, и экипаж умчался прочь, сопровождаемый нашим с Джеком раскатистым хохотом и проклятиями Генри, который был слишком разгорячен, чтобы видеть случившееся в забавном и юмористическом аспекте.

— От ссадин лучше всего примочки с перекисью водорода! — именно такой совет наш студент-медик прокричал вслед удаляющемуся экипажу. Скоро грохот его колес смолк вдали.

В этот момент, в полном соответствии с суровой правдой жизни, на месте происшествия появился жандарм. Он с важным видом переписал номер дома в свой призванный внушать благоговейный страх блокнот, но после того, как все его попытки узнать от нас что-либо не увенчались успехом, он с достоинством удалился, то и дело пожимая плечами.

Когда я возвращался к себе в гостиницу, у меня на сердце кошки скребли. Так всегда бывает, когда схлынут запал и упоение победой. Я с тревогой думал, что же нам готовит завтрашний день. Я не забыл, как вечером Генри рассказывал мне о дуэльных похождениях Лабласа и особенно о его злополучном поединке с молодым кавалерийским офицером.

Я знал, насколько горяч и импульсивен мой друг, так что отговорить его от вызова представлялось решительно невозможным. Тут я был бессилен, поэтому единственное, что оставалось — положиться на естественный ход событий.

Когда на следующее утро я спустился к завтраку, братья уже ждали меня. Генри выглядел прекрасно и сердечно поздоровался со мной, однако Джек был непривычно мрачен и серьезен.

— Все будет в порядке, старина, — сказал молодой актер.

— Да. Послушайте, Баркер, — взволнованно начал Джек, — дело в высшей степени необычное. Это самый странный вызов из всех, о которых я когда-либо слышал, хотя сразу признаюсь, что мой опыт в этой сфере весьма невелик. Полагаю, отказаться мы не можем?

— Ни за что на свете! — воскликнул его брат.

— Вот письмо, — продолжал Джек, — которое я получил нынче утром. Прочтите сами.

Послание было адресовано студенту и гласило следующее:

«Милостивый государь!

Принимая во внимание, что Вы выступаете секундантом господина Генри Латура, позвольте заявить, что во исполнение своего права мсье Лаблас выбирает оружием рапиры. Он покорнейше просит вас обоих прибыть нынче вечером в театр, где Вы будете присутствовать на сцене в качестве статиста. Таким образом, сатисфакция обеспечивается тем, что поединок в пятом акте должен пройти в строгом соответствии с правилами дуэльного кодекса. Бутафорские шпаги тайно заменят на боевое оружие. Я буду присутствовать как секундант мсье Лабласа. Примите и проч.

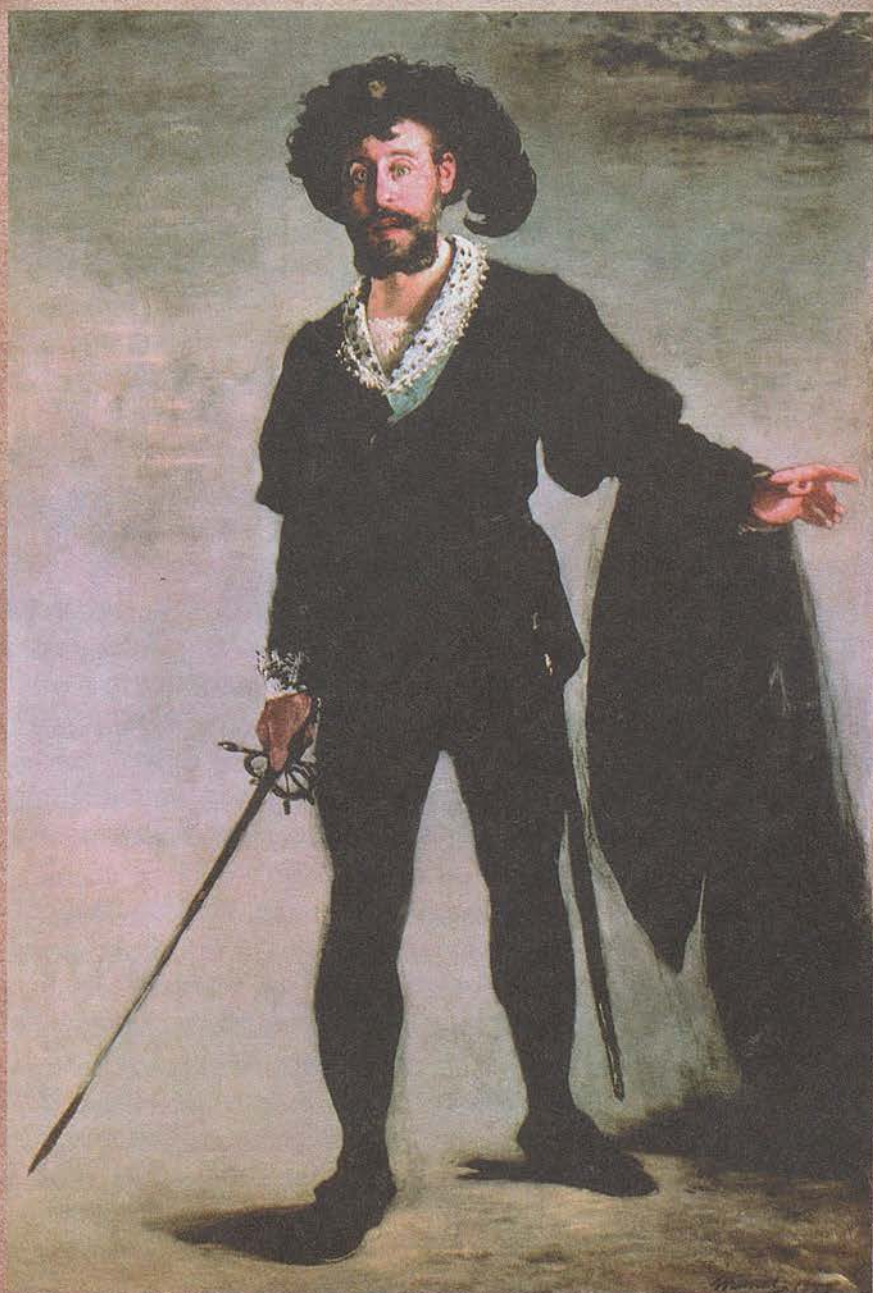
Искренне Ваш,

Пьер Гросье».

— Что вы об этом думаете? — спросил Джек. — Мне кажется, что это какая-то бессмысленная идея, настолько нелепая, что надо отказаться.

— Никоим образом! — возразил Генри. — Они приложат все силы, чтобы выставить меня трусом. К тому же какая разница, где с ним сражаться, если я буду с ним драться? Я вам так скажу, Баркер, — продолжил он, сжав мою руку, — если мы сразимся, я твердо намерен убить его!

В его голосе звучала такая решительность, что я убедился — Лабласу, несмотря на все его искусство и опыт, предстоит схватка с очень опасным противником.

Эдуар Мане. Фор в роли Гамлета

— В случае твоей неудачи, Генри, — сказал Джек, — я выступлю вместо тебя. Я или прикончу мерзавца, или так и останусь лежать на сцене. Представляете сенсацию — Гамлета заколол простой статист, а? — Сказав это, Джек деланно улыбнулся.

— Ну что ж, сейчас же пиши, что я принимаю вызов! — воскликнул Генри. — Боюсь только одного — что в этой истории будет замешана наша сестра.

— Не стоит беспокоиться, — возразил я. — Не в их интересах выставлять на потеху публики постигшее их грандиозное фиаско.

— Вы придете вечером в «Насьональ», Баркер? — спросил Генри. — Постарайтесь заполучить место в первом ряду партера.

— Разумеется! — ответил я. — Если вам обоим не удастся отстоять честь сестры, то Лабласу придется иметь дело со мной еще до закрытия занавеса.

— Вы настоящий друг, Баркер, — растроганно произнес Генри. После недолгой паузы он сказал: — Ну-с, мои личные дела не должны помешать мне исполнить свой долг перед публикой, так что я отправляюсь домой, чтобы еще разок пройтись по тексту. Всего доброго, старина! Увидимся вечером.

Братья ушли, оставив меня наедине с чашкой остывшего кофе.

Как у них прошел день, я не знаю. Думаю, что даже весельчаку Джеку часы казались годами.

Что же до меня, то я пребывал в каком-то лихорадочном, тревожном ожидании. Я только и мог, что кружить по многолюдным улицам и ждать, когда же, наконец, наступит вечер.

Парадные двери открыли только в семь, но мне пришлось прождать еще полчаса, прежде чем я попал в зал.

У дверей сгрудились театралы, которым не терпелось лицезреть своих кумиров. Я же внимательно рассматривал висевшую на колонне афишу.

На ней аршинными буквами красовалось слово «Лаблас», внизу чуть мельче были написаны еще несколько имен, среди них и Генри Латур.

Казалось, что двери в зал не откроют никогда. Но всему приходит конец, и когда часы пробили половину восьмого, мы начали входить в зал по одному, как это принято во Франции.

Мне повезло, и я занял место в самой середине первого ряда.

От рампы меня отделяла лишь оркестровая яма. Я бы отдал все на свете, лишь бы сейчас рядом со мной оказался Джек, с кем можно было бы хоть словом перемолвиться. Однако с одной стороны от меня

расположился флегматичный англичанин, по виду типичный конторский или банковский управляющий, ищущий новых впечатлений, которыми можно было бы поделиться по возвращении домой, а с другой стороны сидела экзальтированная молодая девушка в сопровождении пожилой мамыши.

За время нашего недолгого знакомства я стал относиться к Генри как к лучшему другу. Однако, мне казалось, что именно мысли о его сестре причиняли мне столько мучений, когда я думал о дьявольском умении Лабласа владеть оружием и о его изощренной мстительности.

Во время увертюры я был настолько поглощен своими мыслями, что не обращал никакого внимания на своего соседа-управляющего, который, словно на исповеди, буквально вывалил на меня свои впечатления о французском театре.

— Что касается искрометных комедий, — тараторил он, — то с ними нечего и тягаться. Это их конек, как ни крути. Но если говорить о Шекспире, то тут они нам проигрывают полностью, сэр, вчистую. Если бы вы видели «Гамлетов», которых посчастливилось увидеть мне, — с Уильямом Макреди или же с Эдмондом Кином...

Но тут поднялся занавес, и поток воспоминаний прекратился.

Первые сцены и акты прошли достаточно гладко. В переводе явно не хватало силы и твердости языка оригинала. Заядлые театралы беспокойно заерзали в креслах, и по залу пронесся шепот, что с их кумиром нынче что-то не так.

Лаблас то и дело бросал на меня злые, угрожающие взгляды. Черное трико подчеркивало его великолепную фигуру, он прекрасно двигался по сцене, а я все время думал о второй, куда более трагичной роли, которую ему предстояло сыграть.

Я воспрянул духом, когда появился Генри. Он выглядел спокойным и уверенным в себе, хотя каждый раз, когда он смотрел на Лабласа, в его глазах вспыхивали яростные огоньки.

Он играл с таким чувством и страстью, что просто очаровал публику. Весь зал от партера до галерки симпатизировал храброму молодому датчанину, подбадривая его аплодисментами.

Казалось, Гамлет померк перед Лаэртом. Никогда не забуду, какая ярость и благородное негодование звенели в строках:

Во тьму и мрак сестра моя попала,
А ведь она же совершенна,
Чему есть доказательства — хвала,

Владислав Чахорский. Актеры перед Гамлетом

И ей подобных в веке нашем нет.
Но месть моя близка...

— Ей-богу! — вполголоса восхитился управляющий. — Эти слова шли из самого сердца!

После четвертого акта Генри вызывали на поклоны, а в сцене у могилы Офелии он превзошел самого себя. Его возглас «Чтоб черт забрал тебя!», когда он бросился на Гамлета, буквально сразил зрителей, в то время как я невольно вскочил на ноги. Однако он вовремя совладал с собой и отпустил противника.

Гневные слова, брошенные в лицо Гамлету, стали вершиной его актерского мастерства. Весь зал, затаив дыхание, следил за их пока еще словесной дуэлью.

— Сюда бы надо побольше английских актеров, — заметил управляющий, — тем не менее и эти играют почти как в жизни.

Инстинкт истинного театрала ему подсказывал, что, несмотря на свой сорокалетний опыт, такого он еще не видел и никогда не увидит.

В зале воцарилась тишина, когда занавес поднялся перед финальной сценой. Декорации очень точно передавали пышное, поч-

ти варварское великолепие датского королевского двора. Король и королева восседали на постаменте под навесом из лилового бархата, отороченного горностаем. Стены королевской залы украшали всевозможные охотничьи трофеи, добытые, очевидно, во времена викингов.

В центре оставалось свободное пространство, по обе стороны которого толпились стражники, придворные, вельможи и королевская челядь.

Лаэрт стоял, беспечно прислонившись к колонне, а Гамлет с самодовольной улыбкой на лице разговаривал с Горацио.

Рядом с Лаэртом я заметил Джека Латура в нелепом бутафорском панцире, из которого торчали его мускулистые руки. Однако он так посмотрел на меня, что улыбка вмиг исчезла с моего лица.

Для меня ожидание становилось просто нестерпимым; весь зал со жгучим интересом следил за происходящим на сцене.

Вязкая, звенящая тишина окутала весь театр, когда появился Озрик с целой охапкой бутафорских шпаг.

Я догадался, что там были и настоящие рапиры, поскольку Гамлет сразу выбрал себе оружие. Лаэрт же некоторое время колебался и примеривался, сказав при этом строго по тексту:

— Нет, эта тяжела, хочу я взять другую.

— Боже! — ахнул управляющий. — Вы только посмотрите на его глаза! Это же гений!

Противники отсалютовали друг другу, и Горацио, с которым говорил Лаблас, встал поближе к своему другу, а Джек занял позицию позади брата.

Благородное лицо Генри побледнело от напряжения, хотя вместо тяжелого палаша он держал в руке тонкую, изящную рапиру. Я прекрасно знал, что это значило.

Я отвел глаза, когда противники начали сходитьсь, но я невольно вновь посмотрел на них, когда услышал топот ног и звон стали.

В зале царил такая тишина, что даже в задних рядах партера было слышно тяжелое дыхание сражавшихся.

Я вглядывался в потемневшее, искаженное яростью лицо Лабласа и высокую, гибкую фигуру его противника. Нервное напряжение так давило на меня, что я вновь отвел глаза.

Звон рапир смолк на несколько мгновений, и я услышал, как управляющий восторженно прошептал:

— Эффект просто поразительный. Могу поклясться, что по ноге Лаэрта течет кровь! Великолепно! Грандиозно! Прямо как в жизни!

Я вздрогнул и снова взглянул на сцену, когда они вновь ринулись друг на друга. Теперь я следил за поединком, не отрывая глаз.

Противники сражались почти на равных — то один, то другой ненадолго брал верх. Искусство и опыт Лабласа с лихвой компенсировались яростью и напором его оппонента.

На лице Генри читалась полная уверенность довести дело до конца. Он был одержим стремлением победить или умереть.

Он так неистово бросился на противника, что загнал его в толпу придворных. Я видел, как Лаблас провел обманный выпад и ранил Генри в левую руку. Затем мой друг подпрыгнул, раздался стон, брызнула кровь, и Гамлет, принц датский, пошатнулся, нетвердо шагнул в сторону рампы и рухнул наземь лицом вниз.

Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. После секундного молчания от партера до лож и от лож до самой галерки грянуло такое «браво», что стены и потолок содрогнулись, словно от рева великана. Весь зал вскочил на ноги и разразился оглушительными аплодисментами.

Вне всякого сомнения, это был лучший спектакль года, высшее театральное достижение — самая реалистичная дуэль из всех, когда-либо разыгранных на сцене. Однако управляющий вздрогнул, схватил меня за локоть дрожащей рукой и прошептал, выпучив глаза от страха:

— Я видел, как острие вышло у него из спины!

Но это же было лучшее представление года, так что публика продолжала неустанно аплодировать.

Он, конечно же, встанет и поклонится в знак признательности? Да, пожалуй, еще одно мощное «брависсимо», и он так и сделает. Но нет, он лежит без движения с искаженным гримасой побелевшим лицом, а под ним уже расплзается темно-красное пятно.

Оркестровая яма наполняется тяжелым, горячим запахом, не имеющим никакого отношения к сценическим эффектам. Почему этот молодой человек так размахивает руками? На его раскрытые ноты течет алая струя, она заливает пюпитр и стекает на пол.

Партер вмиг умолкает, хотя в ложах еще аплодируют, затем смолкают и они. Повсюду слышится тревожный шепот. Постепенно в зале воцаряется мертвая тишина. Медленно опускается тяжелый коричневый занавес.

— Ну-с, старина, — сказал Джек, когда мы с ним встретились, — все ужасное уже позади.

— Будет ли по этому делу какое-нибудь расследование?

— Нет, никакого. Посвященные в эту историю знают, что все было по-честному. Остальные же уверены, что подвел реквизит: то ли заклепка выскочила, то ли шпага бутафорская сломалась. Одно утешает — репутация Генри как актера утвердилась раз и навсегда.

— Как он себя чувствует? — спросил я.

— О, вполне сносно, чтобы составить нам компанию. Вы непременно должны поужинать с нами. У него легкая рана ноги и немного поврежден левый бицепс, однако ничего серьезного. Мама и Роуз ужасно переживают, но, конечно же, мы их убедим, что все это — просто несчастный случай. Они никогда не узнают, как все было на самом деле.

А теперь, прежде чем я закончу свой рассказ, позвольте мне описать еще одну сцену. Это тот традиционный торжественный обряд, которым в литературе все заканчивается всегда, а в реальной жизни — лишь иногда. Мужчина и женщина преклоняют колени у алтаря, а священник произносит слова, опровергающие общепризнанную истину, что один плюс один равняется двум. Вам нетрудно будет узнать милостивую невесту — за полгода, прошедшие после описанных выше событий, она почти не изменилась. Жених... Нет, мой проникательный читатель, жених вовсе не я. Это молодой лейтенант французской кавалерии, с мальчишеской улыбкой на лице и со шрамом от пулевого ранения на левом боку.

ЦЕРКОВНЫЙ ЖУРНАЛ

Зимний вечер, шесть часов. Мистер Поумрой, владелец типографской мастерской, совсем уже собрался закрыть контору, располагавшуюся в задней части здания, и уйти домой (а дом его помещался в парадной части того же здания), когда вошел молодой Мерфи. Это был невозмутимый, несколько меланхоличный юноша с пухлым лицом и сонными глазами, обладавший редким качеством делать все, что скажут, не задавая никаких вопросов. Обычно это считается большим достоинством, но бывают и исключения из правил.

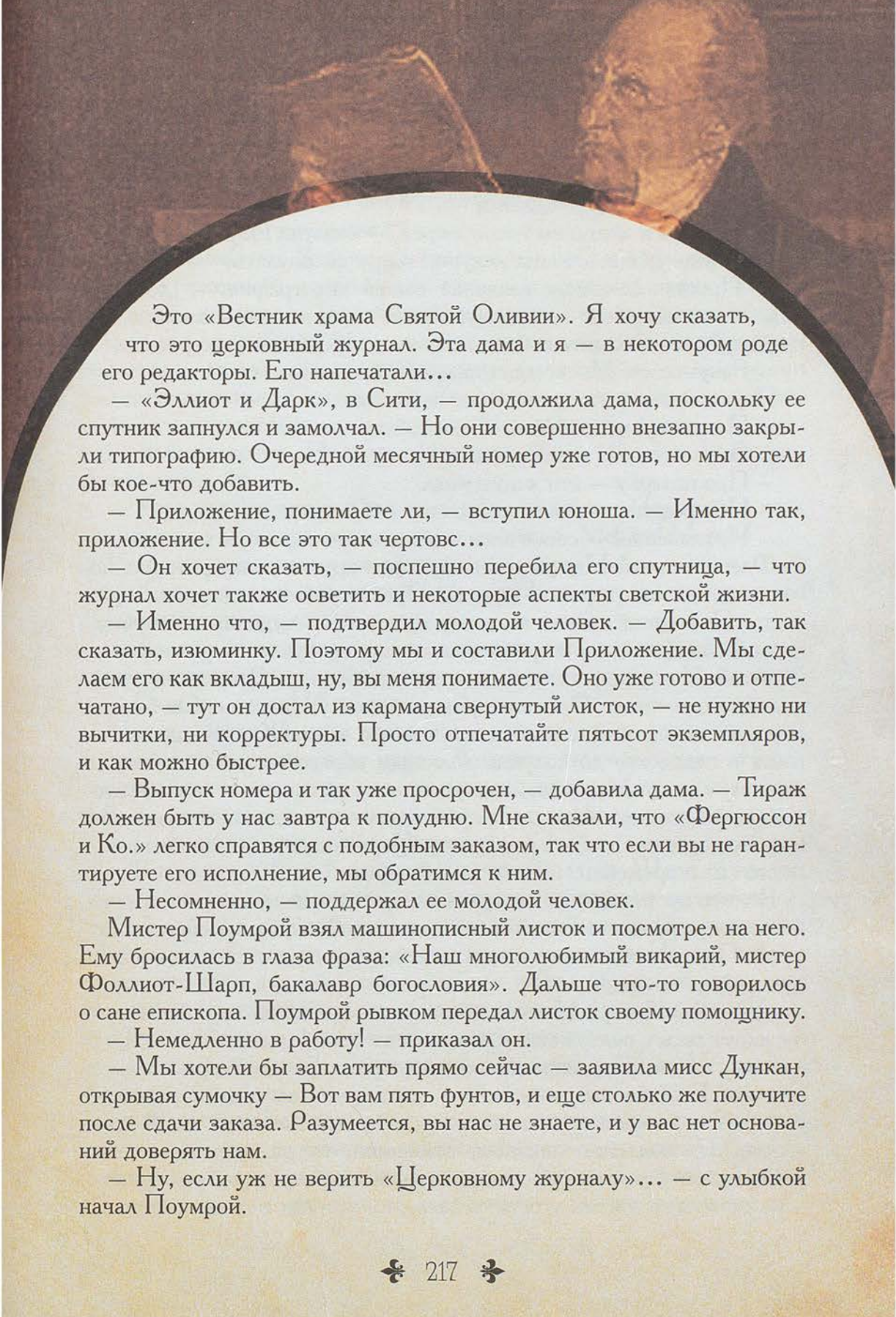
— Там вас хотят видеть какие-то двое, — доложил Мерфи, кладя на стол две визитные карточки.

Поумрой взглянул на них.

— Мистер Роберт Андерсон. Мисс Джулия Дункан. Не знаю таких. Ну что ж, проси.

Вошел молодой человек с вытянутым унылым лицом в сопровождении мрачного вида дамы, одетой во все черное. Выглядели они вполне rispetабельно, но вместе с тем производили какое-то гнетущее впечатление.

— Полагаю, вы знаете, что это такое, — начал молодой человек, показывая небольшой серый томик с изображением церкви на обложке. —

Это «Вестник храма Святой Оливии». Я хочу сказать, что это церковный журнал. Эта дама и я — в некотором роде его редакторы. Его напечатали...

— «Эллиот и Дарк», в Сити, — продолжила дама, поскольку ее спутник запнулся и замолчал. — Но они совершенно внезапно закрыли типографию. Очередной месячный номер уже готов, но мы хотели бы кое-что добавить.

— Приложение, понимаете ли, — вступил юноша. — Именно так, приложение. Но все это так чертовс...

— Он хочет сказать, — поспешно перебила его спутница, — что журнал хочет также осветить и некоторые аспекты светской жизни.

— Именно что, — подтвердил молодой человек. — Добавить, так сказать, изюминку. Поэтому мы и составили Приложение. Мы сделаем его как вкладыш, ну, вы меня понимаете. Оно уже готово и отпечатано, — тут он достал из кармана свернутый листок, — не нужно ни вычитки, ни корректуры. Просто отпечатайте пятьсот экземпляров, и как можно быстрее.

— Выпуск номера и так уже просрочен, — добавила дама. — Тираж должен быть у нас завтра к полудню. Мне сказали, что «Фергюссон и Ко.» легко справятся с подобным заказом, так что если вы не гарантируете его исполнение, мы обратимся к ним.

— Несомненно, — поддержал ее молодой человек.

Мистер Поумрой взял машинописный листок и посмотрел на него. Ему бросилась в глаза фраза: «Наш многолюбимый викарий, мистер Фоллиот-Шарп, бакалавр богословия». Дальше что-то говорилось о сане епископа. Поумрой рывком передал листок своему помощнику.

— Немедленно в работу! — приказал он.

— Мы хотели бы заплатить прямо сейчас — заявила мисс Дункан, открывая сумочку — Вот вам пять фунтов, и еще столько же получите после сдачи заказа. Разумеется, вы нас не знаете, и у вас нет оснований доверять нам.

— Ну, если уж не верить «Церковному журналу»... — с улыбкой начал Поумрой.

— Несомненно! — воскликнул юноша. — Но я хочу сказать, что мы хотим заплатить сейчас же. Отправьте весь тираж мне по адресу: Колгоров-роуд, дом шестнадцать. Хорошо? Не позже полудня. Гоните на курьерских. Что скажете?

— Сделаем и доставим точно в срок, — ответил Поумрой.

Пара уже уходила, когда девушка вдруг обернулась.

— Проставьте внизу название вашей типографии, — добавила она, — так положено по закону. Кроме того, весьма возможно, что в будущем вы получите заказы на печать «Церковного журнала».

— Разумеется. Мы всегда ставим свое название.

Пара вышла на улицу, заметно повеселев.

— По-моему, получилось, — сказал он.

— Замечательно! — ответила она.

— Про пятерку — это я придумал.

— Невероятно! — воскликнула она. — Он клюнул.

— Несомненно! — согласился он, и оба они скрылись во тьме.

Флегматичный Мерфи долго и упорно крутил ручку ротационной машины, и типография «Поумрой Пресс» работала до самого рассвета. Помощник нашел выполняемую работу куда менее скучной, чем обычные заказы, и время от времени его пухлое лицо озарялось улыбкой. И вправду, печатал он нечто необычное. Раньше он ничего подобного не читал. Однако «приказы не обсуждаются». Он был достаточно вышколен, чтобы делать то, что велят. К утру тираж был готов и незадолго до полудня должным образом доставлен по указанному адресу. Мерфи сам нес увязанные пачки и был немало удивлен, когда увидел, что заказчик уже ждал его у садовой калитки. Вне всякого сомнения, работа редактора «Церковного журнала» отнимала много сил и времени.

Все это произошло за двадцать четыре часа до светопреставления, в клочья разнесшего тихий и благополучный мирок семейства Поумрой. Первым вестником надвигавшейся бури стало письмо следующего содержания:

«Уважаемый сэр! Мы едва ли можем представить себе, что вы ознакомились с содержанием так называемого Приложения к “Церковному журналу”, распространяемому среди прихожан храма Святой Оливии. Если бы вы удосужились сделать это, вы едва ли решились бы принять на себя ответственность, поместив название своей типографии. Не подлежит никакому сомнению, что вам еще не единожды придется быть сопричастным к вышеозначенному Приложению. Что же касается моих зубов, то заявляю, что они в полном порядке,

и я никогда в жизни не посещал зубо­врачебный кабинет. Подпись: Джеймс Уилсон, майор».

На столе, накрытом к завтраку, лежало еще одно письмо. Ошеломленный печатник взял его в руки и надорвал конверт. Оно было написано женским почерком и гласило:

«Уважаемый сэ­р! Касательно возмутительного абзаца в новом выпуске “Церковного журнала” со всем основанием заявляю, что до покупки мной нового автомобиля никому нет решительно никакого дела, и все замечания касательно моих личных предпочтений и частной жизни являются в высшей степени порочащими, злословными и клеветническими. Полагаю, что вы, как владелец типографии, несете полную ответственность по закону. Мои адвокаты свяжутся с вами в ближайшее время. Подпись: Искренне Ваша, Джейн Педдигрю. Элтон-сквер, 14».

— Черт подери, что все это значит?! — вскричал Поумрой, в полном изумлении уставившись на жену и дочь. — Мерфи! Мерфи!

Из конторы появился его помощник.

— У нас остались экземпляры Приложения, что мы печатали для «Церковного журнала»?

— Да, сэ­р. Я доставил им пятьсот штук, но в ротаторной есть несколько оттисков.

— Сюда их, сюда! И поживее!

Мистер Поумрой начал читать вслух и явственно почувствовал приближение апоплексического удара. Документ был озаглавлен «Новости прихода» и начинался с перечня и расписания служб, призванных вызвать доверие у невнимательного читателя. Но чуть дальше текст принял куда более мирской характер.

«Наш многолюбимый викарий, мистер Фоллиот-Шарп, бакалавр богословия, все еще занят тем, что пытается заполучить сан епископа. На сей раз он в свойственной ему беззаботной манере заявляет, что “дело в шляпе”, однако нас мучают тяжкие сомнения. Ни для кого не секрет, что он и раньше нажимал на все тайные пружины, но вышеупомянутые пружины лопнули. Однако остался еще кузен в канцелярии лорда-канцлера, так что “пока дышу, надеюсь”».

— Боже праведный! — воскликнул Поумрой. — И в «Церковном журнале» о том же!

«За последние две недели из церкви исчезли шестнадцать сборников гимнов. Публичного скандала можно избежать, если мистер Джеймс Багшоу-младший, проживающий по адресу Лоуэр-Челтенхэн-Плейс, 113, обратится к церковным старостам и уладит все келейно».

— Это же сын старого Багшоу, что служит в банке, — невесело усмехнулся печатник. — Чего же еще они от него ждали?

«Досточтимый викарий, мистер Фоллиот-Шарп, бакалавр богословия, со страниц нашего издания умоляет юную мисс Ормерод отказать от своей теперешней тактики. Скромность и деликатность не позволяют викарию подробно распространяться, в чем сия тактика состоит. Юной леди вовсе не обязательно посещать все службы, непременно при этом протискиваясь в первый ряд, который уже прочно занят (причем бесплатно) семейством Доусон-Брэгтсов. Викарий просил нас разослать именные копии настоящего абзаца миссис Декнар, мисс Фезерстоун и мисс Поппи Крюи».

Поумрой вытер взмокший лоб.

— Вот ведь ужас какой! — заметил он и продолжил чтение.

«В одно из ближайших воскресений вставные зубы майора Уилсона непременно упадут в ящик для пожертвований. Пусть он или закажет новый протез, или прекратит улыбаться до ушей, когда идет с ящиком по рядам. Если он будет держать губы благочинно сжатыми, нет никаких причин, что его теперешние протезы не прослужат ему еще долгие годы».

— Так вот откуда ветер дует, — догадался Поумрой, взглянув на лежавшее на столе письмо. — Того и гляди, явится он сюда со своим офицерским стеклом. А это что еще такое?

«Нам доподлинно неизвестно, состоялось ли тайное венчание мисс Сисси Дюфур и капитана Копперли. Если нет, то давно пора. Тогда он сможет входить на виллу Лабурнум с парадного подъезда вместо того, чтобы расшатывать садовую калитку, каждый раз перелезая через нее».

— О Господи, вы только послушайте!

«Мистер Малсби, бакалейщик, вернулся из Хайта. Но отчего в его багаже оказался мешок с песком? Безусловно, при нынешних ценах сахар — весьма доходный товар. Поскольку мы живо интересуемся вопросами ценообразования, мы не можем не упомянуть резко возросшие в прошлом квартале расходы на воду Сильверсайдской молочной компании. Что же они из этой воды производят? Общественность имеет право знать».

— Боже милосердный, а вот это!

«Было бы в корне неверно утверждать, что один из наших самых уважаемых прихожан, сэр Джеймс Тендер, напился пьяным на пикнике, устроенном мэром. Действительно, он зацепился ногой за ногу, пытаясь танцевать танго, но это, разумеется, может быть отнесено

Карл Хофф. Важное письмо

на счет его физических недостатков. На самом деле, несколько гостей, выпивших у мэра всего по бокалу шампанского урожая 1928 года, вскоре почувствовали себя плохо, так что в высшей степени несправедливо столь жестоко осуждать один неверный шаг нашего прихожанина».

— Все это потянет на тысячу фунтов в любом суде, — простонал Поумрой. — Дорогие мои, сам Ротшильд не выстоит перед исками, которые навлечет на нас эта бумажка.

Дамская часть семейства собиралась было злорадно повеселиться, но последнее замечание главы семьи заставило их помрачнеть. Печатник продолжил чтение.

«Миссис Педдигрю обзавелась шестицилиндровым автомобилем стоимостью семьсот пятьдесят фунтов. На какие средства — никто не знает. Ее покойный муж был мелкой сошкой, замешанной во всякого рода странных делишках в Сити. Такую сумму он ей никак не мог оставить. Данное дело требует детального рассмотрения».

— А, так он же был заместителем председателя лопнувшей Балтийской компании! — вспомнил Поумрой. — Они там все сплошь сумасшедшие. Вот, послушайте.

«Вечерня состоится в шесть тридцать. Да, миссис Моулд, в шесть тридцать ровно. И мистер Кинг будет сидеть слева, вам его будет хорошо видно. Рассчитываем на ваше присутствие. Вы не столп церкви, это верно, но из-за столпов вы обычно подглядываете за окружающими».

— О Боже, а вот еще!

«Если мистер Голдбери, проживающий в доме семь по Чизман-Плейс, обратится в резиденцию викария, то получит обратно свою брючную пуговицу, которую положил в ящик для пожертвований в прошлое воскресенье. Викарию она совершенно ни к чему, в то время как ее настоящее место — на соответствующем предмете туалета мистера Голдбери».

— И нечего вам двоим смеяться! Посмотрим, как вы посмеетесь, когда увидите иски! Вот вам еще.

«Ты поведай, расскажи, что так бледен наш любовник пылкий? Вопрос адресован Уильяму Бриггсу, нашему другу-дантисту с Хоуп-стрит. Снова отказала дама в розовом наряде? Или просто опять задолжал за квартиру? Выше голову, Уильям. Мысленно мы с тобой».

— Боже праведный! Чем дальше, тем хуже. Как вам вот это:

«Если у кого-то из автомобилистов возникнут неприятности с законом, настоятельно рекомендуем обратиться к старшему констеблю

Уолтону на его квартире в Таун-Холле. Чеки, конечно же, не принимаются. Само собой разумеется, гораздо лучше заплатить скромную сумму звонкой монетой без приходного ордера, чем мыкаться по судам и оплачивать процессуальные издержки».

— Помяните мое слово, нас ждут ох какие издержки, в том числе и судебные, прежде чем я дочитаю до конца. Вот кусочек, где адвокатам работы — непечатый край.

«Свадьба Войда и Мерриман явилась замечательнейшим событием, и мы от души желаем молодой чете всех благ. Мы говорим «молодой» чисто из вежливости, поскольку ни для кого не секрет, что невесте уже далеко за тридцать пять. Жених также, надо отметить, не первой молодости. Кстати, почему это он вздрогнул и оглянулся, когда священник сказал о “каких-либо законных основаниях, препятствующих брачному союзу”? Безусловно, в этом не было ничего предосудительного, однако это дало пищу всякого рода досужим сплетням. Мы имели удовольствие посетить последовавший за венчанием банкет. К подаркам был приставлен полисмен для их охраны. Мы искренне полагаем, что можно было вполне обойтись без его услуг, ибо подаркам не угрожала ни малейшая опасность. Наибольшую ценность представляли преподнесенные майором Уилсоном медные кольца для салфеток. Был также чек в конверте от отца невесты. Нам известна точная сумма, и мы глубоко ценим отцовскую заботу, поскольку конверт пришелся как нельзя кстати. В любом случае хватит, чтобы взять кеб до вокзала. Яснее ясного, что счастливая чета в свадебном путешествии доедет как минимум до Маргейта, а если останутся деньги, то, весьма возможно, что и до Ремсгейта. Пункт назначения — паб “Красная корова”, что у железнодорожной станции».

— Ух ты, да ведь это самые богатые в Ротерхите люди, — пробормотал Поумрой, вытирая лоб.

— Там еще много чего, но и этого достаточно, чтобы покончить с нами. Думаю, нам лучше всего продать типографию за сколько дадут и побыстрее уехать из города. Черт возьми, эти двое наверняка сбежали из сумасшедшего дома. В любом случае, мне перво-наперво надо постараться встретиться с ними. Может, они — парочка полоумных миллионеров, готовых платить за свои милые шутки.

Его миссия, однако, не увенчалась успехом. Приехав по данному ему раньше адресу, он обнаружил там пустой дом. Смотритель из соседнего дома ничем не смог ему помочь. Теперь стало ясно, почему молодой человек ждал заказ у калитки. Что же оставалось делать дальше? По всей видимости, лишь сидеть и ждать повесток в

суд. Однако через два дня Поумрой наткнулся на положенный кем-то на крыльцо прелюбопытный документ. На бланке красовалась надпись «Р.О.О.М.Л.», текст же был следующий:

«Экстренное заседание Р.О.О.М.Л. состоится сегодня в девять вечера по адресу Стэнмор-Террас, дом 16, в бильярдной Джона Андерсона, мирового судьи. Явка мистера Джеймса Поумроя, владельца типографии, строго обязательна. На повестке дня — вопрос о его ответственности за публикацию некоторых клеветнических заявлений, недавно появившихся в “Церковном журнале”».

Не стоит и говорить, что мистер Поумрой явился по означенному адресу минута в минуту.

— Мистера Андерсона сейчас нет дома, — сказал дворецкий, — но мистер Роберт Андерсон-младший и его друзья ожидают вас. — В его глазах мелькнули озорные огоньки.

Печатника проводили в небольшую приемную, где сидели еще двое — почтальон и, по всей видимости, мелкий торговец. Ему бросилось в глаза, что вид у них был такой же изнуренный и жалкий, как и у него. Оба они смерили его хмурым, потухшим взором и не произнесли ни слова, сам же Поумрой не нашел в себе сил, чтобы нарушить тягостное молчание. Вскоре их одного за другим пригласили в соседнюю комнату. Наконец, дворецкий распахнул дверь и перед ним.

— Мистер Джеймс Поумрой! — объявил он.

В конце большой музыкальной гостиной, к тому же украшенной бильярдным столом, сидели полукругом молодые люди. Вид у них был очень серьезный, и перед каждым лежали какие-то бумаги. Никто из них не выглядел старше двадцати одного года, юношей и девушек было примерно поровну. Среди них он увидел тех двух заказчиков, заманивших его на край гибели. Они улыбались ему в высшей степени доброжелательно и сочувственно, не обращая внимания на его яростный взгляд.

— Покорнейше прошу садиться, мистер Поумрой, — произнес молодой человек, совсем еще мальчик, одетый в вечерний костюм и игравший роль председателя. — Есть пара вопросов, которые я как президент Р.О.О.М.Л. обязан вам задать. Полагаю, вы были в некотором роде встревожены инцидентом с «Церковным журналом»?

— Конечно, был, — мрачно ответил Поумрой.

— Позвольте спросить, повлиял ли сей инцидент на ваш сон?

— С той минуты я глаз не сомкнул.

Послышались аплодисменты, и несколько молодых людей подались вперед, чтобы пожать руку мистеру Роберту Андерсону.

— Повлиял ли данный инцидент на ваши планы на будущее?

— Я уже подумывал уехать из города.

— Превосходно! Полагаю, коллеги, нет ни малейшего сомнения в том, что ежемесячная золотая медаль присуждается мистеру Андерсону и мисс Дункан за их великолепный замысел и в высшей степени реалистичное его воплощение и исполнение. Чтобы избавить вас от вполне естественного беспокойства, мы должны сейчас же сообщить вам, мистер Поумрой, что вы явились объектом и жертвой шутки.

— Эта ваша шутка стоит нешуточных денег, — заявил печатник.

— никоим образом. Никому не было нанесено никакого вреда. Листовки никуда не рассылались. Письма, полученные вами, писали мы сами. Мы, мистер Поумрой, составляем Ротерхитское Общество Остроумных Молодых Людей, стремящихся сделать окружающий мир веселее и забавнее с помощью игры ума. В данном случае приз присуждался любому члену или членам, которые бы в наибольшей мере смогли, так сказать, «разволновать» жителя этого пригорода. Было несколько кандидатов, но по совокупности призом награждаются вышеназванные особы.

— Но это... это... возмутительно и непростительно! — выдавил из себя Поумрой.

— Совершенно верно, — весело ответил председатель. — Полагаю, что все наши заседания проходят под этим знаком. С другой стороны, мы напоминаем нашим «потерпевшим», что они несвоекорыстно пострадали ради общего блага и веселья, так сказать, «за други своя». Особая серебряная медаль, которую я прикрепляю к вашей груди, будет напоминать вам об этом досадном и вместе с тем забавном недоразумении.

— А я поговорю с отцом, когда он вернется, — сказал Андерсон, — ведь вы хороший печатник, и чего не сделаешь на благо фирмы.

— А мой отец — на самом деле редактор «Церковного журнала». Именно это и навело нас на мысль о розыгрыше, — добавила мисс Дункан. — Вполне возможно, что «Журнал» станет вашим постоянным заказчиком.

— В буфете виски, содовая и прекрасные сигары. Угощайтесь, премного обяжете, — пригласил председатель.

Некоторое время спустя мистер Поумрой вышел на ночную улицу, думая о том, что, в конечном-то итоге, надо снисходительно относиться к шуткам и забавам юношества, без которых мир был бы намного серее и скучнее.

ВЫБОРОЧНАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А. КОНАН ДОЙЛА

Часть 2. Рассказы, повести (только первые публикации, 1893 – 2011):

1893

1. ПЕСТРАЯ БАНДА (*The Adventure of the Speckled Band, 1892*) – переводчик не указан – 1893 – ж. «Звезда» (СПб.), № 50–52;

1894

2. ИЗУМРУДНАЯ ДИАДЕМА (*The Adventure of the Beryl Coronet, 1892*) – переводчик не указан – 1894 – ж. «Звезда» (СПб.), № 1–3;

3. ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ (*The Adventure of the Blue Carbuncle, 1892*) – переводчик не указан – 1894 – ж. «Звезда» (СПб.), № 26–28;

1895

4. ОТСТАЛЫЙ (*Behind the Times, 1894*) – переводчик не указан – 1895 – ж. «Книжки недели» (СПб.), № 11;

5. ПРОФЕССОРСКАЯ ЖЕНА (*A Physiologist's Wife, 1890*) – переводчик не указан – 1895 – ж. «Книжки недели» (СПб.), № 11;

6. ВРАЧИ ГОЙЛЕНДА (*The Doctors of Hoyland, 1894*) – переводчик не указан – 1895 – ж. «Нива» (СПб.), № 49;

1896

7. МОРСКОЙ ТРАКТАТ (*The Adventure of the Naval Treaty, 1893*) – переводчик не указан – 1896 – ж. «Литерат. прилож. Нивы» (СПб.), № 1;

1897

8. НИЩИЙ УРОД (*The Man with the Twisted Lip, 1891*) – переводчик не указан – 1897 – ж. «Литературное приложение Нивы» (СПб.), № 1;

9. СОЮЗ РЫЖЕВОЛОСЫХ (*The Red-Headed League, 1891*) – переводчик не указан – 1897 – ж. «Нива» (СПб.), №№ 34–35;

1898

10. СЕРЕБРЯНАЯ ЗВЕЗДА (*The Adventure of Silver Blaze, 1892*) – переводчик Л. Гольдмерштейн – 1898 – авт. сб. «Записки знаменитого сыщика», СПб.: тип. «Владимирская»;

11. РОКОВОЕ ПИСЬМО (*The Adventure of the «Gloria Scott», 1893*) – переводчик Л. Гольдмерштейн – 1898 – авт. сб. «Записки знаменитого сыщика», СПб.: тип. «Владимирская»;

12. АРИСТОКРАТЫ-УБИЙЦЫ (*Adventure of the The Reigate Squires, 1893*) — переводчик Л. Гольдмерштейн — 1898 — авт. сб. «Записки знаменитого сыщика», СПб.: тип. «Владимирская»;

13. ПРОФЕССОР МОРИАРТИ (*The Adventure of the Final Problem, 1893*) — переводчик не указан, сокр. — 1898 — ж. «Нива» (СПб.), № 5;

1899

14. ПРОПАВШИЙ ЭКСТРЕННЫЙ ПОЕЗД (*The Lost Special, 1898*) — переводчик В.П. Волошинова — 1899 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 2;

1900

15. КАЛЕКА (*The Adventure of the Crooked Man, 1893*) — переводчик Вл. Бернаскони — 1900 — ж. «Сын Отечества» (СПб.), № 3–4;

16. АПЕЛЬСИНОВЫЕ КОСТОЧКИ (*The Five Orange Pips, 1891*) — переводчик В.Б. Завсегдатай — 1900 — ж. «Сын Отечества» (еженед. прилож.), № 12–13;

1901

17. ПОЛОСАТЫЙ ЯЩИК (*The Striped Chest, 1897*) — переводчик Д. А. Магула — 1901 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 2;

18. ЗАГАДКА (*A Shadow Before, 1898*) — переводчик Д.А. Магула — 1901 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.) № 2;

19. БИМБАШИ ДЖОЙС (*The Debut of Bimbashi Joyce, 1900*) — переводчик Д.А. Магула — 1901 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 2;

20. БРАЗИЛЬСКИЙ КОТ (*The Brazilian Cat, 1898*) — переводчик К. Русанова — 1901 — авт. сб. «История без вести пропавшего экстренного поезда и др. рассказы». Изд. книж. маг. «Новости», СПб.;

21. ЛАКИРОВАННЫЙ ЛАРЧИК (*The Jaranned Box, 1899*) — переводчик К. Русанова — 1901 — авт. сб. «История без вести пропавшего экстренного поезда и др. рассказы». Изд. книж. маг. «Новости», СПб.;

22. КОЛЛЕКЦИОНЕР ЖУКОВ (*The Beetle Hunter, 1898*) — переводчик К. Русанова — 1901 — авт. сб. «История без вести пропавшего экстренного поезда и др. рассказы». Изд. книж. маг. «Новости», СПб.;

23. ТЕМНОКОЖИЙ ДОКТОР (*The Black Doctor, Oct 1898*) — переводчик К. Русанова — 1901 — авт. сб. «История без вести пропавшего экстренного поезда и др. рассказы». Изд. книж. маг. «Новости», СПб.;

24. ЗАМКНУТАЯ КОМНАТА (*The Sealed Room, 1898*) — переводчик К. Русанова — 1901 — авт. сб. «История без вести пропавшего экстренного поезда и др. рассказы». Изд. книж. маг. «Новости», СПб.;

1902

25. ЖЕРТВА МАНОР-ПЛЭСА (*The Holocaust of Manor Place, 1901*) — переводчик не указан — 1902 — ж. «Новый журнал иностранной литературы искусства и науки» (СПб.), № 2;

26. ЛЮБОВНАЯ ПАСТОРАЛЬ ДЖОРДЖА ВИНЦЕНТА ПАРКЕРА (*The Love Affair of George Vincent Parker, 1901*) — переводчик не указан — 1902 — ж. «Новый журнал иностранной литературы искусства и науки» (СПб.), № 3;

27. ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ Г-ЖИ ЭМСЛЕЙ (*The Debatable Case of Mrs. Emsley, 1901*) — переводчик не указан — 1902 — ж. «Новый журнал иностранной литературы искусства и науки» (СПб.), № 4;

28. ПОСТОЯННЫЙ ПАЦИЕНТ (*The Adventure of the Resident Patient, 1893*) — переводчик Н. д'А. — 1902 — авт. сб. «Записки знаменитого сыщика», СПб.: Издание Ф.И. Митюрникова;

29. ЖЕЛТОЕ ЛИЦО (*The Adventure of the Yellow Face, 1893*) — переводчик Н. д'А. — 1902 — авт. сб. «Записки знаменитого сыщика», СПб.: Издание Ф.И. Митюрникова;

30. НЕУДАЧНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ (*The Adventure of the Stockbroker's Clerk, 1893*) — переводчик Н. д'А. — 1902 — авт. сб. «Записки знаменитого сыщика», СПб.: Издание Ф.И. Митюрникова;

1903

31. СКАНДАЛ В БОГЕМИИ (*A Scandal in Bohemia, 1891*) — переводчик Г.А. Чарский — 1903 — сс. «Прикл. сыщика Шерлока Холмса, в IV-х сериях», сер. II, СПб.: В.И. Губинский;

32. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО В ДОЛИНЕ БОСКОМБ (*The Boscombe Valley Mystery, 1891*) — переводчик Г.А. Чарский — 1903 — сс. «Прикл. сыщика Шерлока Холмса, в IV-х сериях», сер. II, СПб.: В.И. Губинский;

33. ИСЧЕЗНУВШАЯ НЕВЕСТА (*The Adventure of the Noble Bachelor, 1892*) — переводчик Г.А. Чарский — 1903 — сс. «Прикл. сыщика Шерлока Холмса, в IV-х сериях», сер. II, СПб.: В.И. Губинский;

34. УСАДЬБА В ГЕМПШАЙРЕ (*The Adventure of the Copper Beeches, 1892*) — переводчик Г.А. Чарский — 1903 — сс. «Прикл. сыщика Шерлока Холмса, в IV-х сериях», сер. II, СПб.: В.И. Губинский;

35. ПАЛЕЦ ИНЖЕНЕРА (*The Engineer's Thumb, 1892*) — переводчик Г.А. Чарский — 1903 — сс. «Прикл. сыщика Шерлока Холмса, в IV-х сериях», сер. II, СПб.: В.И. Губинский;

36. ПРОПАВШИЙ ЖЕНИХ (*A Case of Identity, 1891*) — переводчик Г.А. Чарский — 1903 — сс. «Прикл. сыщика Шерлока Холмса, в IV-х сериях», сер. II, СПб.: В.И. Губинский;

37. КАТЕХИЗИС ДОМА МЕСГРЕВОВ (*The Adventure of the Musgrave Ritual, 1893*) — переводчики Н.Н. Мазуренко, Г.А. Чарский — 1903 — сс. «Прикл. сыщика Шерлока Холмса, в IV-х сериях», сер. III, СПб.: В.И. Губинский;

38. КОЖАНАЯ ВОРОНКА (*The Leather Funnel, 1902*) — переводчик не указан — 1903 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 9;

39. ПРОИСШЕСТВИЕ В ПУСТОМ ДОМЕ (*The Adventure of the Empty House, 1903*) — переводчик не указан — 1903 — ж. «Природа и люди» (СПб.), № 2;

40. УРИМ И ТУММИМ (*The Jew's Breastplate, 1899*) — переводчик не указан — 1903 — ж. «Природа и люди» (СПб.), № 50, 52;

1904

41. ПРИКЛЮЧЕНИЕ НОРВУДСКОГО АРХИТЕКТОРА (*The Adventure of the Norwood Builder, 1903*) — переводчик А.Н. Линдегрен — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 2;

42. ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ (*The Adventure of the Dancing Men, 1903*) — переводчик А.Н. Линдегрен — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 3;

43. КРОВАВАЯ МЕСТЬ (*The Case of Lady Sannox, 1893*) — переводчик Е.А. Биля — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 3;

44. НА ПЕРВОЙ ОПЕРАЦИИ (*His First Operation, 1894*) — переводчик Е.А. Биля — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 3;

45. ГРЕХ ОТЦОВ (*The Third Generation, 1894*) — переводчик Е.А. Биля — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 3;

46. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОДИНОКОЙ ЦИКЛИСТКИ (*The Adventure of the Solitary Cyclist, 1903*) — переводчик А.Н. Линдегрен — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

47. НОВАЯ КАТАКОМБА (*The New Catacomb, 1898*) — переводчик не указан — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

48. НАСЛЕДИЕ ПРАРОДИТЕЛЬНИЦЫ ЕВЫ (*The Curse of Eve, 1894*) — переводчик Е.А. Биля — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

49. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ (*The Los Amigos Fiasco, 1892*) — переводчик Е.А. Биля — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

50. НЕМНОГОЕ О МНОГОМ (*The Surgeon Talks, 1894*) — переводчик Е.А. Биля — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

51. ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ШКОЛЕ ПРИОРАТА (*The Adventure of the Priory School, 1904*) — переводчик А.Н. Линдегрен — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 5;

52. ДЕБЮТАНТ (*A False Start, 1891*) — переводчик **Е.А. Била** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 5;

53. ИЗ ПРАКТИКИ (*A Medical Document, 1894*) — переводчик **Е.А. Била** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 5;

54. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕРНОМАЗОГО ПЕТРА (*The Adventure of Black Peter, 1904*) — переводчик **А.Н. Линдеgren** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 6;

55. ПОХОЖДЕНИЯ ЧАРЛЬЗА-АВГУСТА МИЛЬВЕРТОНА (*The Adventure of Charles Augustus Milverton, 1904*) — переводчик **А.Н. Линдеgren** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 7;

56. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕСТИ НАПОЛЕОНОВ (*The Adventure of the Six Napoleons, 1904*) — переводчик **А.Н. Линдеgren** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 8;

57. ПУТЕШЕСТВИЕ ГУБЕРНАТОРА (*How the Governor of St. Kitt's Came Home, 1897*) — переводчик **М. Полторацкая** — 1904 — ж. «Север» (СПб.), № 35;

58. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕХ СТУДЕНТОВ (*The Adventure of the Three Students, 1904*) — переводчик **А.Н. Линдеgren** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 9;

59. ПРИКЛЮЧЕНИЕ С ЗОЛОТЫМ ПЕНСНЭ (*The Adventure of the Golden Pince-Nez, 1904*) — переводчик **А.Н. Линдеgren** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 10;

60. МАСТЕР ИЗ КРОКСЛЕЯ (*The Croxley Master. A Great Tale of the Prize Ring, 1899*) — переводчик **Н.Д. Облеухов** — 1904 — сс. «**А. Конан Дойль**» т. Новые рассказы, М.: Д.П. Ефимов;

61. ВЛАДЕЛЕЦ ЧЕРНОГО ЗАМКА (*The Lord of Chateau Noir, 1894*) — переводчик **Н.Д. Облеухов** — 1904 — сс. «**А. Конан Дойль**», т. Новые рассказы, М.: Д.П. Ефимов;

62. ЛИСИЙ КОРОЛЬ (*The King of the Foxes, 1898*) — переводчик **Н.Д. Облеухов** — 1904 — сс. «**А. Конан Дойль**» т. Новые рассказы, М.: Д.П. Ефимов;

63. ПЕРЕВОДЧИК-ГРЕК (*The Adventure of the Greek Interpreter, 1893*) — переводчик **Н.Д. Облеухов** — 1904 — сс. «**А. Конан Дойль**» т. Воспоминания о Шерлоке Гольмсе, М.: Д.П. Ефимов;

64. ТЕМНО-КРАСНАЯ РУКА (*The Brown Hand, 1899*) — переводчик не указан — 1904 — ж. «Природа и люди» (СПб.), № 50–51;

65. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СТУДЕНТА (*The Adventure of the Missing Three-Quarter, 1904*) — переводчик **А.Н. Линдеgren** — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 11;

66. ПРИКЛЮЧЕНИЕ В АББАТСТВЕ ГРЕНДЖ (*The Adventure of the Abbey Grange, 1904*) — переводчик А.Н. Линдегрэн — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 12;

67. ВЛЮБЛЕННЫЕ (*Sweethearts, 1894*) — переводчик Е.А. Била — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 12;

68. ЖЕНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ (*A Question of Diplomacy, 1892*) — переводчик Е.А. Била — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 12;

69. «МУМИЯ № 249» (*Lot No. 249, 1892*) — переводчик Е.А. Била — 1904 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 12;

70. СВЯЩЕННОЕ КОЛЬЦО (*The Ring of Thoth, 1890*) — переводчик В.Ф. Пуцыкович — 1904 — авт. сб. «Жестокая расплата», СПб.: Типолиграфия А. Баженова;

1905

71. ВТОРОЕ КРОВАВОЕ ПЯТНО (*The Adventure of the Second Stain, 1904*) — переводчик А.Н. Линдегрэн — 1905 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 3;

72. КАПИТАН «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» (*The Captain of the «Pole-Star», 1883*) — переводчик не указан — 1905 — авт. сб. «Капитан “Полярной звезды”, и другие рассказы», М.: Тов-во типолиграфии «Владимир Чичерин в Москве»;

73. ОПЫТ ПРОФЕССОРА ФОН-БАУМГАРТЕНА (*The Great Keinplatz Experiment, 1885*) — переводчик не указан — 1905 — авт. сб. «Капитан “Полярной звезды” и другие рассказы», М.: Тов-во типолиграфии «Владимир Чичерин в Москве»;

74. ЧЕЛОВЕК С «АРХАНГЕЛЬСКА» (*The Man from Archangel, 1885*) — переводчик не указан — 1905 — авт. сб. «Капитан “Полярной звезды” и другие рассказы», М.: Тов-во типо-лиграфии «Владимир Чичерин в Москве»;

75. РАССКАЗ ДЖ. ХАБАКУКА ДЖЕФСОНА (*J. Habakuk Jephson's Statement, 1884*) — переводчик не указан — 1905 — авт. сб. «Капитан “Полярной звезды” и другие рассказы», М.: Тов-во типо-лиграфии «Владимир Чичерин в Москве»;

76. ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНЫЙ ЯЩИК (*That Little Square Box, 1881*) — переводчик не указан — 1905 — авт. сб. «Капитан “Полярной звезды” и другие рассказы», М.: Тов-во типо-лиграфии «Владимир Чичерин в Москве»;

77. ДЖОН БАРРИНГТОН КАУЛЬС (*John Barrington Cowles, 1884*) — переводчик не указан — 1905 — авт. сб. «Капитан “Полярной звезды” и другие рассказы», М.: Тов-во типолиграфии «Владимир Чичерин в Москве»;

78. САЛЛИ ИСТРЕБИТЕЛЬНИЦА (*The «Slapping Sal», 1893*) — переводчик не указан — 1905 — ж. «Север» (СПб.), № 38;

79. КАК ПОСТУПИЛ КАПИТАН ШАРКЭ СО СТЕФАНОМ

КРАДДОКОМ (*The Dealings of Captain Sharkey with Stephen*

Craddock, 1897) — переводчик Н.Д. Облеухов — 1905 —

сс. «А. Конан Дойль», т. Подвиги морского разбойника,

М.: Д.П. Ефимов;

80. О ТОМ, КАК КОПЛЕЙ БЭНКС УМЕРТВИЛ КАПИТАНА

ШАРКЭ (*How Copley Banks Slew Captain Sharkey, 1897*) — переводчик Н.Д.

Облеухов — 1905 — сс. «А. Конан Дойль», т. Подвиги морского разбойника,

М.: Д.П. Ефимов;

81. КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ (*The Three, Correspondents,*

1896) — переводчик Н.Д. Облеухов — 1905 — сс. «А. Конан Дойль»,

т. Подвиги морского разбойника, М.: Д.П. Ефимов;

82. ЗЕЛЕНОЕ ЗНАМЯ (*The Green Flag, 1893*) — переводчик

Н.Д. Облеухов — 1905 — сс. «А. Конан Дойль», т. Подвиги морского

разбойника, М.: Д.П. Ефимов;

83. ИГРА С ОГНЕМ (*Playing with Fire, 1900*) — переводчик

Н.Д. Облеухов — 1905 — сс. «А. Конан Дойль», т. Сундук-убийца и другие

рассказы, М.: Д. П. Ефимов;

84. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ХИТРОСТИ (*A Foreign Office Romance,*

1894) — переводчик Н.Д. Облеухов — 1905 — сс. «А. Конан Дойль»,

т. Сундук-убийца и другие рассказы, М.: Д.П. Ефимов;

85. ПРОБЕЛ В ЖИЗНИ ДЖОНА ХЁКСФОРДА (*John Huxford's*

Hiatus, 1888) — переводчик не указан — 1905 — авт. сб. «Кольцо Тота и другие

рассказы», М.: Тов-во типолитографии «Владимир Чичерин в Москве»;

86. ЭЛАЙОС В. ГОПКИНС, ПАСТОР В ДЖЕКМОНС-ГЕЛЬЧЕ (*Elias*

V. Hopkins — The Parson of Jackman's Gulch, 1885) —

переводчик не указан — 1905 — сс. «А. Конан Дойль», т. Тайна капитана

Крэджи и другие рассказы, М.: Д.П. Ефимов;

1907

87. СЕРЕБРЯНЫЙ ТОПОР (*The Silver Hatchet, 1883*) — переводчик

А. Г. — 1907 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

88. ВЕТЕРАН 1815 ГОДА (*A Straggler of '15, 1891*) — переводчик не ука-

зан — 1907 — авт. сб. «Около красной лампы», М.: М.В. Клюкин;

89. НОЧЬ МЕЖДУ НИГИЛИСТАМИ (*A Night Among the Nihilists,*

1881) — переводчик Н. Д. Ф. — 1907 — СПб.: типогр. т-ва «Общественная

польза»;

1908

90. БАНКА С ИКРОЙ (*The Pot of Caviare, 1908*) — переводчик

Энеф — 1908 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

91. ТРУП В ОБЛАКАХ (*The Great Brown-Pericord Motor, 1892*) —

переводчик не указан — 1908 — ж. «Огонек» (СПб.), № 35;

92. АРЕСТАНТ № 20 (*B.24, 1899*) — переводчик не указан — 1908 — авт. сб. «Арестант № 20 и другие рассказы», М.: тип. т-ва И.Д. Сытина (Драмы жизни);

1909

93. ПРЕЗИДЕНТ-УБИЙЦА (*The Adventure of Wisteria Lodge, 1908*) — переводчик Пигелю — 1909 — авт. сб. «Новые рассказы о Шерлоке Холмсе», М.: Тип. В.М. Саблина (Библиотека сенсационных романов);

94. КИПРИАН ОВЕРБЕК УЭЛЛЬС (*Cyprian Overbeck Wells. A Literary Mosaic, 1886*) — переводчик Решетников — 1909 — сс. «Полное собрание сочинений», т.1, СПб.: Книгоизд-во П.П. Сойкина, кн. 2;

95. МОРСКАЯ ПОЕЗДКА ДЖЕЛЛАНДА (*Jelland's Voyage, 1892*) — переводчик М.Н. Дубровина, редактор И. Ясинский — 1909 — авт. сб. «Черный доктор», СПб.: СПб. т-во печ. и изд. дела «Труд»;

96. ЧЕЛОВЕК С ЧАСАМИ (*The Man with the Watches, 1898*) — переводчик М.Н. Дубровина, редактор И. Ясинский — 1909 — авт. сб. «Черный доктор» СПб.: СПб. т-во печ. и изд. дела «Труд»;

97. ДРАМА В ВУЛЬВИЧСКОМ АРСЕНАЛЕ (*The Adventure of the Bruce-Partington Plans, 1908*) — переводчик не указан — 1909 — СПб.: тип. Стасюлевича (Из воспоминаний о Шерлоке Холмсе);

98. СЕРЕБРЯНОЕ ЗЕРКАЛО (*The Silver Mirror, 1908*) — переводчик не указан — 1909 — авт. сб. «Тигр из Сан-Педро» М.: тип. Поплавского;

99. ЛОРД ФАЛЬКОНБРИДЖ. Боксерская легенда (*The Lord of Falconbridge: A Legend of the Ring, 1909*) — переводчик не указан — 1909 — ж. «Новое слово» (СПб.), № 11;

100. ИСТОРИЯ УЧИТЕЛЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА (*The Usher of Lea House School, 1899*) — переводчик не указан — 1909 — сб. «Сделка короля и другие рассказы», М.: тип. т-ва И.Д. Сытина;

1910

101. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ (*The Homecoming, Dec 1909*) — переводчик не указан — 1910 — ж. «Природа и люди» (СПб.), № 10–11;

102. УЖАС РАСЩЕЛИНЫ (*The Terror of Blue John Gap, 1910*) — переводчик не указан — 1910 — ж. «Мир приключений» (СПб.), № 11;

103. ЖЕНИТЬБА БРИГАДИРА ЖЕРАРА (*The Marriage of the Brigadier, 1910*) — переводчик не указан — 1910 — ж. «Мир приключений» (СПб.), № 12

104. ПРИКЛЮЧЕНИЕ С «БЕСОВСКИМ СЛЕДОМ» (*The Adventure of the Devil's Foot, 1910*) — переводчик не указан — 1910 — ж. «Огонек» (СПб.), № 49;

1911

105. СОСТЯЗАНИЕ (*The Contest, 1911*) — переводчик П. А. — 1911 — газ. «Киевская мысль» от 15.04;

106. КРАСНОЕ КОЛЬЦО (*The Adventure of the Red Circle*, 1911) — переводчик не указан — 1911 — ж. «Вокруг света» (М.), № 37–38;

107. ОСТРОВ ПРИВИДЕНИЙ (*The Fiend of the Cooperage*, 1897) — переводчик **Э.Н. Журавская** — 1911 — ж. «Всемирная панорама» (СПб.), № 45;

108. ПОСЛЕДНЯЯ ГАЛЕРА (*The Last Galley*, 1910) — переводчик **Е.М. Чистякова-Вэр** — 1911 — сс. «**Полное собрание сочинений**», т.7, СПб.: Книгоизд-во П.П. Сойкина, кн. 21;

109. ОТОЗВАНИЕ ЛЕГИОНОВ (*The Last of the Legions*, 1910) — переводчик **Н.М. Ледерле** — (1911) — сс. «**Полное собрание сочинений**», т. 7, СПб.: Книгоизд-во П.П. Сойкина, кн. 21;

110. КАК СИНЬОР ЛАМБЕРТ ПОКИНУЛ СЦЕНУ (*The Retirement of Signor Lambert*, 1898) — переводчик **В. Романов** — (1911) — сс. «**Полное собрание сочинений**», т. 7, СПб.: Книгоизд-во П.П. Сойкина, кн.22;

111. РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ (*The Winning Shot*, 1883) — переводчик **В. Романов** — (1911) — сс. «**Полное собрание сочинений**», т.7, СПб.: Книгоизд-во П.П. Сойкина, кн. 22;

112. НАША СТАВКА НА ДЭРБИ (*Our Derby Sweepstakes*, 1882) — переводчик **В. Романов** — 1911 — сс. «**Полное собрание сочинений**», т. 7, СПб.: Книгоизд-во П.П. Сойкина, кн. 22;

113. ДЕМОН ДОЛИНЫ. Южно-афр. рассказ (*The Mystery of Sasassa Valley*, 1879) — переводчик не указан — (1911) — СПб.: А.А. Каспари (Беспл. прил. к ж. «Живописное обозрение всего мира», 1911, № 26);

1912

114. ПРОКАЖЕННЫЙ ШАРКИ (*The Blighting of Sharkey*, 1911) — переводчик не указан — 1912 — ж. «Вестник иностранной литературы» (СПб.), № 4;

115. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА (*The Red Star*, 1911) — переводчик не указан — 1912 — ж. «Мир приключений» (СПб.), № 8;

116. ЖРИЦА ТУГОВ (*The Mystery of Uncle Jeremy's Household*, 1887) — переводчик не указан — 1912 — ж. «Мир приключений» (СПб.), № 12;

1913

117. ПОРАЖЕНИЕ ЛОРДА БАРРИМОРА (*The Fall of Lord Barrymore*, 1912) — переводчик не указан — 1913 — ж. «Мир Приключений» (СПб.), № 3;

118. СОЛДАТ-ИМПЕРАТОР (*Giant Maximin*, 1911) — переводчик не указан — 1913 — ж. «Мир Приключений» (СПб.), № 12;

119. УЖАСЫ ВОЗДУХА (*The Horror of the Heights*, 1913) — переводчик **Э. Журавская** — 1913 — ж. «Всемирная панорама» (СПб.), № 43;

120. КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ (*How It Happened*, 1913) — переводчик не указан — 1913 — ж. «Вокруг света» (М.), № 37;

121. ПРИКЛЮЧЕНИЯ УМИРАЮЩЕГО СЫЩИКА (*The Adventure of the Dying Detective*, 1913) — переводчик не указан — 1913 — ж. «Аргус» (СПб.), (ноябрь);

1914

122. ОПАСНОСТЬ (*Danger! Being The Log of Captain John Sirius, 1914*) — переводчик не указан — 1914 — альм. «На суше и на море», М.: Сытин, кн. 9;

1916

123. ДЕМОН ПРЕДАТЕЛЬСТВА (*The Prisoner's Defence, 1916*) — переводчик не указан — 1916 — альм. «Журнал приключений» (М.), кн. 3;

1917

124. НОВОЕ ДЕЛО ШЕРЛОКА ХОЛМСА (*His Last Bow. The War Service of Sherlock Holmes, 1917*) — переводчик З.Н. Журавская — 1917 — ж. «Жизнь и суд» (Пгр.), № 42 (октябрь);

1922

125. ЗАГАДКА МОСТА (*The Problem of the Thor Bridge, 1922*) — переводчик не указан — 1922 — ж. «Мир приключений» (М.), № 2;

1923

126. ОМОЛАЖИВАНИЕ (*The Adventure of the Creeping Man, 1923*) — переводчик Л. Пименов — 1923 — альм. «Петроград. Литературный альманах» (Пгр., М.), № 1;

127. БРИЛЛИАНТ МАЗАРИНИ (*The Adventure of the Mazarin Stone, 1921*) — переводчик не указан — 1923 — ж. «Мир приключений» (М.), № 3;

128. ЛИФТ (*The Lift, 1922*) — переводчик не указан — 1923 — ж. «Мир приключений» (М.), № 4;

129. КОМНАТА КОШМАРОВ (*The Nightmare Room, 1921*) — переводчик не указан — 1923 — ж. «Мир приключений» (М.), № 5;

130. ТАЙНА КАРТОННОГО ЯЩИКА (*The Adventure of the Cardboard Box, 1893*) — переводчик не указан, редактор Вл. Крымов — 1923 — авт. сб. «Последний привет Шерлока Холмса», Берлин: Аргус;

131. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛЕДИ ФРЭНСИС КАРФАКС (*The Disappearance of Lady Frances Carfax, 1911*) — переводчик не указан, редактор Вл. Крымов — 1923 — авт. сб. «Последний привет Шерлока Холмса», Берлин: Аргус;

1924

132. А СУДЬИ КТО? (*One Crowded Hour, 1911*) — переводчик К. — 1924 — ж. «Красная панорама» (Л.), № 18;

1925

133. ТРИ ГАРРИДЕБА (*The Adventure of the Three Garridebs, 1924*) — переводчик Р. Р. (Р. Ровинская) — 1925 — газ. «Сегодня» (Рига), № 49–51;

134. ЗНАТНЫЙ КЛИЕНТ (*The Adventure of the Illustrious Client, 1924*) — переводчик Р. Р. (Р. Ровинская) — 1925 — газ. «Сегодня» (Рига), № 54–59;

1926

135. НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА (*The Adventure of the Three Gables, 1926*) — переводчик не указан — 1926 — ж. «Красная панорама» (Л.), № 43;

136. ЧЕЛОВЕК С БЕЛЫМ ЛИЦОМ (*The Adventure of the Blanched Soldier*, 1926) — переводчик А. Бонди — 1926 — ж. «Красная панорама» (Л.), № 8–50;
1927

137. ТАЙНА ЛЬВИНОЙ ГРИВЫ (*The Adventure of the Lion's Mane*, 1926) — переводчик не указан — 1927 — ж. «Мир приключений» (Л.), №2;

138. ЖИЛИЦА ПОД ВУАЛЬЮ (*The Adventure of the Veiled Lodger*, 1927) — переводчик не указан — 1927 — ж. «Вокруг света» (Л.), № 2;

139. ПРИКЛЮЧЕНИЕ В УСАДЬБЕ ШОСКОМ (*The Adventure of the Shoscombe Old Place*, 1927) — переводчик не указан — 1927 — ж. «Вокруг света» (Л.), № 5;

140. ВАМПИР ИЗ СЮССЕКСА (*The Adventure of the Sussex Vampire*, 1924) — переводчик не указан — 1927 — газ. «Сегодня вечером» (Рига), № 262–264;

1928

141. КОГДА МИР ЗАВОПИЛ (*When the World Screamed*, 1928) — переводчик не указан — 1928 — ж. «Вокруг света» (Л.), №№ 15, 20;

142. ПРИКЛЮЧЕНИЕ СТАРОГО ФАБРИКАНТА КРАСОК (*The Adventure of the Retired Colourman*, 1926) — переводчик А. Бонди — 1928 — авт. сб. «Новые приключения Шерлока Холмса» Л.: Библиотека Всемирной Литературы;

1929

143. ДЕЗИНТЕГРАТОР НЕМОРА (*The Disintegration Machine*, 1929) — переводчик не указан, сокр. — 1929 — ж. «Вокруг света» (Л.), № 8;

1962

144. ТАЙНА ГОРЕСТОРП ГРЕЙНДЖА (*Selecting a Ghost. The Ghosts of Goresthorpe Grange, 1883*) — переводчик не указан — 1962 — сб. «Зарубежная новелла», М.: Известия (Б-ка «Известий»);

1966

145. СКВОЗЬ ПЕЛЕНУ (*Through the Veil*, 1911) — переводчик С. Маркиш — 1966 — сс. «Конан Дойль в 8-ми тт.», т. 5, М.: Правда (Б-ка «Огонек»);

146. НАШЕСТВИЕ ГУННОВ (*The Coming of the Huns*, (ss) *Scribner's Magazine, Nov 1910*) — переводчик С. Маркиш — 1966 — сс. «Конан Дойль в 8-ми тт.», т. 5, М.: Правда (Б-ка «Огонек»);

1970

147. МИСТЕР ХОЛМС ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАЛ (*Crabbe's Practice*, 1884) — переводчик Т. Гинзбург — 1970 — ж. «Знание—сила» (М.), № 3;

1980

148. ХИРУРГ С ГАСТЕРОВСКИХ БОЛОТ (*The Surgeon of Gaster Fell*, 1890) — переводчик В. Штенгель — 1980 — ж. «Искатель» (М.), № 6;

1983

149. ЗАДИРА ИЗ БРОУКАС-КОРТА (*The Bully of Brocas Court, 1921*) – переводчик Р. Рыбкин – 1983 – ж. «Иностранная литература» (М.), № 10;

1992

150. DE PROFUNDIS («*De Profundis*», 1892) – переводчик В. Воронин – 1992 – авт. сб. «Перстень Тота», М.: СП «Квадрат»;

1994

151. КАРТИНКИ СТАРОЙ ДОБРОЙ АНГЛИИ (*Borrowed Scenes, 1913*) – переводчик М. Бозунова – 1994 – сс. «КД. Конан Дойль в 12(+1) тт.», т. 6, М.: ОГИЗ (Б-ка «Огонек»);

1995

152. ПАРАЗИТ (Записки зомбированного), повесть (*The Parasite, 1894*) – переводчик П. Гелева – 1995 – сс. «Артур Конан Дойль в 13-ти тт.», т. Записки о спиритизме, М.: Наташа;

1996

153. СОШЕЛ С ДИСТАНЦИИ (*Out of the Running, 1892*) – переводчик А. Дубов – 1996 – сс. «Артур Конан Дойль в 10(+5) тт.», т. 10, кн. 5, М.: Слог, Сюита (Английские классики);

154. БЛЮМЕНДАЙКСКИЙ КАНЬОН. Подлинная колониальная история (*The Gully of Bluemansdyke, 1881*) – переводчик А. Дубов – 1996 – сс. «Артур Конан Дойль в 10(+5) тт.», т. 10, кн. 5, М.: Слог, Сюита (Английские классики);

155. УБИЙЦА МОЙ ПРИЯТЕЛЬ (*My Friend the Murderer, 1882*) – переводчик А. Дубов – 1996 – сс. «Артур Конан Дойль в 10(+5) тт.», т. 10, кн. 5, М.: Слог, Сюита (Английские классики);

156. КОЛЧЕНОГИЙ БАКАЛЕЙЩИК (*The Club-Footed Grocer, 1898*) – переводчик А. Дубов – 1996 – сс. «Артур Конан Дойль в 10(+5) тт.», т. 10, кн. 5, М.: Слог, Сюита (Английские классики);

157. ИСТОРИЯ «НАВЕСНОГО СПИДИГЬЮ» (*Spedegue's Dropper, 1928*) – переводчик А. Дубов – 1996 – сс. «Артур Конан Дойль в 10(+5) тт.», т. 10, кн. 5, М.: Слог, Сюита (Английские классики);

158. РАССКАЗ АМЕРИКАНЦА (*The American's Tale, 1880*) – переводчик И. Мельницкая – 1996 – сс. «КД. Конан Дойль в 12(+1) тт.», т. 7, М.-СПб.: Симпозиум (Библиотека «Огонек»);

159. ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА ПОСЕЛКА ГАРВИ (*Bones, The April Fool of Harvey's Sluice, 1882*) – переводчик Е. Короткова – 1996 – сс. «КД. Конан Дойль в 12(+1) тт.», т. 7, М.-СПб.: Симпозиум (Б-ка «Огонек»);

1998

160. СОПРИКОСНОВЕНИЕ (*A Point of Contact, 1922*) – переводчик О. Варшавер – 1998 – сс. «Артур Конан Дойль в 14-ти тт.», т. 14, М.: Терра, Литература, Наташа;

161. ПРИБЫТИЕ ПЕРВОГО КОРАБЛЯ (*The First Cargo, 1910*) — переводчик А. Дубов — 1998 — сс. «Артур Конан Дойл в 14-ти тт.», т. 14, М.: Терра, Литература, Наташа;

162. СВЯТОТАТЕЦ (*An Iconoclast, 1911*) — переводчик А. Дубов — 1998 — сс. «Артур Конан Дойл в 14-ти тт.», т. 14, М.: Терра, Литература, Наташа; 2005

163. ЦЕНТУРИОН (*The Centurion, 1922*) — переводчик М. Антонова — 2005 — авт. сб. «Топор с посеребрянной рукоятью» М.: Гелеос; 2008

164. ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ О ПРИВИДЕНИЯХ ГОРСТОРПСКОЙ УСАДЬБЫ (*The Haunted Grange of Gresthorpe, 2000*) — переводчик О. Новицкая — 2008 — ж. «Иностранная литература» (М.), № 1;

165. КАК ВАТСОН УЧИЛСЯ ХИТРОСТИ (*How Watson Learned the Trick, 1924*) — переводчики Д. Дубшин, С. Семина — 2008 — ж. «Иностранная литература» (М.), № 1;

166. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БАЗАР (*The Field Bazaar, 1896*) — переводчик Д. Дубшин — 2008 — ж. «Иностранная литература» (М.), № 1;

167. ДЕЛО О ДОЛГОВЯЗОМ (незавершенный рассказ) (*The Adventure of the Tall Man, uncompleted story, 1900*) — переводчик Г. Панченко — 2008 — авт. сб. «Забывтые расследования», Харьков, Белгород: Книжный клуб «Клуб семейного досуга»;

168. ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД (*The Last Resource, 1930*) — переводчик А. Немирова — 2008 — авт. сб. «Забывтые расследования», Харьков, Белгород: Книжный клуб «Клуб семейного досуга».

Примечание. В библиографию не включены рассказы из романов-сборников «Приключения бригадира Жерара» и «Подвиги бригадира Жерара», рассказ «Ссора», являющийся главой из романа «Дуэт со случайным хором».

К.М. Калмык

Начало библиографии в предыдущей книге.

СОДЕРЖАНИЕ

Три счастья	6
<i>Three of Them. A reminiscence ..., London: John Murray, 1923</i>	
Воспоминания капитана Уилки	64
<i>The Recollections of Captain Wilkie, Chambers's Journal, 19, 26 Jan 1895</i>	
День из эпохи Регентства	80
<i>An Impression of the Regency, Frank Leslie's Popular Monthly, Aug 1900</i>	
Исповедь	90
<i>The Confession, Star, 17 Jan 1898</i>	
Пасторальный ужас	98
<i>A Pastoral Horror, People, 21 Dec 1890</i>	
Полночный гость	118
<i>Our Midnight Visitor, Temple Bar, Feb 1891</i>	
Рок «Евангелины»	144
<i>The Fate of the Evangeline, Boy's Own Paper, Christmas number, Dec 1885</i>	
Скандал в полку	166
<i>A Regimental Scandal, Indianapolis Journal, 14–15 May 1892</i>	
Тайна бильярдного шара	176
<i>The Mystery of the Spot Ball (as by 'C.'), The Student, Edinburgh University, 29 Jun 1893</i>	
Трагики	186
<i>The Tragedians, Bow Bells, 20 Aug 1884</i>	
Церковный журнал	216
<i>The Parish Magazine, The Strand Magazine, Aug 1930</i>	
Выборочная хронологическая библиография русских переводов произведений А. Конан Дойла	226

УДК 821.111
ББК 84.4
К64

Литературная серия «До и после»

А. Конан Дойл

До и после Шерлока Холмса

ТАЙНА БИЛЬЯРДНОГО ШАРА

Составитель Константин Майевич Калмык

Впервые опубликованные на русском языке
и малоизвестные рассказы А. Конан Дойла

Редактор И.А. Маневич
Переводчик М.Ю. Павлова
Компьютерная верстка: А.А. Косолапов
Корректор Н.Н. Сергеева

ООО «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-2650, 780-3911
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг по
издательским ценам обращайтесь по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-3911, 780-3912
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-5464
192019, Санкт-Петербург,
наб. Обводного канала, д. 14
Тел.: (812) 643-0209

400001, Волгоград,
ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

Вы можете заказать бесплатный каталог
издательства «Белый город»
по тел.: (495) 304-4338, 780-3911

Полный ассортимент книг
издательства «Белый город» представлен
на сайте: www.belygorod.ru

Отпечатано в ООО «ИПК Парето-Принт»,
г. Тверь, www.pareto-print.ru
Заказ 4107/12.
Тираж 4000 экз.

К64 А. Конан Дойл. До и после Шерлока Холмса. Тайна бильярдного шара. —
М. : Белый город. — 240 с. : 40 ил.

Впервые на русском языке публикуются забытые шедевры Артура Конан Дойла. Сборник включает 11 рассказов, иллюстрированных произведениями викторианской живописи. Полная библиография в приложении подчеркивает уникальность проекта. Изысканное оформление делает сборник прекрасным подарочным изданием.

ISBN 978-5-7793-2343-7

© «Белый город», 2012

А. КОНАН ДОЙЛ

ТАЙНА БИЛЬЯРДНОГО ШАРА

**Впервые опубликованные на русском языке
и малоизвестные рассказы А. Конан Дойла
с иллюстрациями викторианской эпохи
и выборочной хронологической библиографией
русских переводов произведений писателя**

ISBN 978-5-7793-2343-7

9 785779 323437